КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXXI. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. „Полячка". (Видѣнное и слышанное). Бориса Познанскаго. (361—390).

II. Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. II. Г. В. Есипова. (391—411).

III. Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (Переводъ съ польскаго). (Окончаніе). VI—VII. Н. М. (412—433).

IV. Полуботокъ или Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія второй половины XVII в.). Н. В. Стороженка. (434—447).

V. Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ). (Окончаніе). И. С. Левицкаго. (448—470).

VI. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. Ив. В. Теличенка. (471—493).

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Княжа Гора. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. Лубочныя картинки на малорусскія темы. Ир. Ж. О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому. Проф. Н. И. Петрова. Двѣ грамоты митрополитовъ кіевскихъ Самуила Миславскаго (1783—1796 гг.) и Іероѳея Малицкаго (1796—1799 гг.). Н. В. Стороженка. Замѣтка А. И. Чепы о таможняхъ. Сообщ. Н. В. Стороженко. Дѣло о волшебствѣ. Сообщ. В. А. Мякотинъ. Колядки. Сообщилъ Хр. П. Ящуржинскій. (494—521).

VIII. Павелъ Полуботокъ, полковникъ черниговскій (1705-1724). Я. Ш. (522-538).

IX. Библіографія. Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи, подъ редакціей правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова. Вып. 5 и 6. Арк. Л—нка. Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Н. Б. Харьковскій Сборникъ—литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю" на 1890 годъ. Н. В. Обозрѣніе журналовъ. (539—550).

X. Объявленія. (1—4).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда (херсонск. губ.). (Окончаніе).

2) Портретъ Павла Полуботка.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Черниговскій Полковникъ Павелъ Полуботокъ.

„ПОЛЯЧКА".

(видѣнное и слышанное).

Недоумѣваю, право, чѣмъ могъ поживиться у древлянъ, нынѣшнихъ полѣщуковъ, любостяжательный Игорь, мужъ Ольги Мудрой! Развѣ ужъ самъ онъ былъ очень и очень не требователенъ, и добывалъ данью отъ полѣщуковъ все то, что только шло на потребу въ хозяйствѣ—лыко, смолу, деготь и т. п., но не то, что украшало великокняжескій дворъ и составляло внѣшнюю обстановку его. Да, впрочемъ, мѣха и медъ—вотъ продукты древлянской земли, несомнѣнно потребляемые и княземъ, и дружиною его. Бѣдная страна, убогій край пущъ, болотъ и песковъ! А между прочимъ, исторія юго-западной Руси въ этомъ краѣ тоже чертила свои строки неумолимымъ рѣзцомъ по жизни его обитателей. Замѣчательно только, что въ краѣ этомъ всегда какъ бы заканчивались разныя пестрящія исторію событія. Разыгравшееся на просторѣ дѣло, умирало въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ Полѣсья.

Начиная съ выше вспомянутаго князя Игоря, нашедшаго тамъ печальный конецъ своей жизни, тамъ же на Полѣсьи погибъ Олегъ Святославовичъ; туда бѣжали всѣ свергаемые съ великокняжескаго стола; тамъ пріютились давніе бояре въ лицѣ ихъ потомковъ, живущихъ цѣлыми селами и околицами; тамъ ютилось шляхетство, выгнанное разбухлымъ козачествомъ изъ плодородной Украйны, тамъ же угасло и само козачество правобережное; туда залѣзъ гонимый въ Москвѣ ра-

скольникъ; тамъ замерли и два послѣднія польскія возстанія въ юго-западной Руси. Но что всего интереснѣе, это то, что тамъ же на Полѣсьи разыгралась одна изъ житейскихъ драмъ, которая, по всему вѣроятію, искупила, наконецъ, окончательно грѣховность того края, ибо уже съ той поры Полѣсье осушается и новѣйшей культурою освобождается отъ укрывавшихъ его лѣсовъ и пущъ.

Преподношу читателямъ „Кіевской Старины“ эпилогъ къ этой драмѣ изъ прошлой жизни Кіевщины и прошу снисхожденія, какъ къ самой формѣ изложенія, такъ и къ тѣмъ отступленіямъ въ сторону, которыя, по моему, необходимы, какъ къ блюду гарниръ.

Мы, жители воронежской губерніи, хорошо знаемъ землю (оффиціально называемую областью) войска донскаго. Въ просторѣчіи тотъ обширный край называется по просту Донщиною. Проживать въ *Донщинѣ* или *„въ козакахъ“*—значитъ жить въ землѣ войска донскаго. Это наши сосѣди, одну, какъ говорится, воду пьемъ; знаемъ мы ихъ и видимъ у себя на ярмаркахъ павловскаго и богучарскаго уѣзда и у нихъ въ Донщинѣ, гдѣ намъ приходится бывать по дѣламъ.

Какъ бы удивились тѣ, кто знаетъ донскаго козака на службѣ, увидавъ его внѣ оной, дома у себя, при мирныхъ, большею частью земледѣльческихъ, занятіяхъ. Посмотрите на нихъ на какой нибудь степной ярмаркѣ въ Криворожьѣ, Миньковой, Урюпинѣ или въ Калачѣ и Ширяевой. Вмѣсто сапогъ съ высокими каблуками и нерѣдко съ франтовскими сборами голенищъ, гармоникой, у него на ногахъ коты, примотанные пеньковыми веревочками по толстой онучѣ; вмѣсто стройно обрисовывавшаго талію мундира, на немъ надѣта неопредѣленнаго типа одежина съ отложнымъ непремѣнно воротникомъ, съ роговыми пуговицами на бортахъ и на зади, какъ бы въ возмѣщеніе недостатка ихъ въ форменномъ платьѣ. Нерѣдко можно видѣть козака въ жениномъ пальто на ватѣ, которое какъ-то горбато сидитъ на немъ, подпоясанное иногда вмѣсто кушака старымъ платкомъ. Да и самъ онъ какой то не свой, не имѣетъ права голоса въ

рѣшеніи семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ. Не онъ, лучшую часть жизни поглощенный службою, отвыкшій отъ хозяйственныхъ работъ, нерѣдко испившійся, а она, эта поджарая, съ корявыми руками, жилистая труженица—его жена всему голова въ семьѣ и хозяйствѣ. Она, эта рачительница, не довѣряетъ ему, этому воину, то и дѣло торчащему въ станичномъ правленіи, будто бы по дѣламъ, а больше ради того, чтобы найти случай выпивки и взаимнаго угощенія. На ярмаркѣ продаетъ „меренка“ или „маштачка“, повидимому, козакъ: онъ окликается на вопросъ покупателя, кто тутъ хозяинъ; но съ перваго же момента торга можно убѣдиться, что въ дѣлѣ продажи этой онъ только подставное лицо, декорумъ, и все дѣло ведетъ сразу ввернувшаяся въ торгъ его жена-козачка. Онъ только усы покручиваетъ, да вторитъ юркой бабѣ, хоть, повидимому, торгъ идетъ съ нимъ: онъ и по рукамъ бьетъ, а въ концѣ торга и деньги возьметъ въ руки, но... только подержать, а то онѣ сейчасъ же отъ него отбираются недовѣряющей ему козачкой. Вотъ такъ точно и дома, козачка и наймetъ, и продастъ, и купитъ все она. Отвычка козака отъ хозяйственнаго дѣла и его чванливость воина, брезгающаго черной работой, осмѣяна въ анекдотѣ, гдѣ разсказывается, что вернувшійся со службы козакъ, увидавъ на гумнѣ грабли, презрительно потрогиваетъ ихъ ногой и спрашиваетъ „*што это такое?!*“ а послѣ, когда наступилъ на зубцы грабель и они ударили его по носу граблищемъ, онъ, сморщивъ носъ, говоритъ: „да это грабли!“

Обратите вниманіе: всѣ племена, входящія въ составъ русскаго государства, своими представителями участвовали въ созданіи россійской культуры, давали видныхъ дѣятелей по той или другой отрасли общественной жизни, но донцы менѣе другихъ могутъ этимъ похвалиться. Искусство, литература, наука не имѣютъ въ средѣ козаковъ видныхъ представителей.

Мы объясняемъ себѣ это явленіе сравнительнымъ недостаткомъ личнаго почина въ жизни этого племени. Съ 18 лѣтъ козакъ начинаетъ привыкать къ подчиненію чужой волѣ, дисциплинѣ. Лучшую часть жизни—до 40 лѣтъ—онъ состоитъ въ

зависимости отъ строеваго начальства или у себя дома отъ той же домостроительницы жены, создающей и поддерживающей весь семейно-хозяйственный строй, а послѣ сорока лѣтъ когда ужъ ему наторѣвать!... Онъ въ своей средѣ напоминаетъ трутня въ пчелиной общинѣ, являясь болѣе производителемъ потомства, чѣмъ домохозяиномъ. По статистикѣ область войска донскаго стоитъ выше всѣхъ губерній по цифрѣ рождаемости. Козачка—это трудовая пчела, всю жизнь работающая, созидающая и сберегающая свое козачье хозяйство. „Бѣда, разсказываютъ, станичнымъ начальникамъ, когда приходится дѣлить луговыя травы. *Ограчатъ* козачки атамана, *зачегокаютъ*... онъ только повертывается изъ стороны въ сторону. Ужъ онѣ своего не попустятъ!“

И не только по хозяйству—она и служебное дѣло знаетъ, поколику таковое къ ней касается. Мнѣ случилось бывать на Дону во время послѣдней 1877—1878 гг. войны, слыхалъ я разсказы и разговоры козачекъ. Онѣ знали, гдѣ какой полкъ донской, въ чьемъ отрядѣ, къ какой дивизіи причисленъ, куда направляется и подъ чьимъ начальствомъ. Знаютъ онѣ, во сколько обходится снаряженіе козака на службу, чѣмъ увеличивается этотъ расходъ. „Сюды-туды и не менѣе трехъ сотенъ станетъ. Лошадь споруди; сѣдловку всю, мундиръ, шинель, киверъ, оружіе—посчитай-кось... А тамъ гляди въ округѣ (окружной станицѣ) привередничать станутъ—то не такъ, другое не форменное... и прибавишь. Вотъ у нихъ славный меринокъ былъ, домороценный, а тамъ въ округѣ забраковали—чуточку больше полвершка не вышелъ ростомъ. Пришлось за дешево продать, а за дорого купить на то мѣсто. Бѣда! У нашего тоже путлища (ремни, на коихъ привѣшены стремена къ сѣдлу) не по *линіямъ* [1]) вышли—купили новые. А то мы вотъ у шабровъ, Ѳедоткиныхъ, купили винтовку—четыре руб. шесть гривенъ отдали, а тамъ въ округѣ не приняли—заставили купить новаго образца бердановскую. Поди жь ты! Да чего! У нашего то новенькій дротикъ

[1]) Ширина путлища измѣряется линіями.

(пика)—на солнцѣ што ли повело его—искривился—штука небольшая, а все въ станицѣ купи, анъ она 40 копѣекъ съ окраской"... разсказывала, жалуясь мнѣ, козачка. Странно намъ, *русскимъ*, все это выслушивать отъ женщинъ.

Козаки насъ всѣхъ называютъ *русскіе*. „Вы русскіе, и у васъ въ Рассеѣ" говорятъ козаки и козачки, и нельзя сказать, чтобы они долюбливали это все чужое, *рассейское*. Нелюбовь эта всѣмъ живущимъ на Дону хорошо извѣстна. Наплывъ въ ихъ степи россійскаго неимѣющаго у себя на родинѣ необходимой работы люда исключительно съ цѣлью поживы—выработалъ эти отношенія. Въ каждомъ русскомъ человѣкѣ они, донцы, видятъ эксплоататора, посягателя на ихъ благо, богатство и, пожалуй, на честь подолгу оставляемыхъ мужьями женъ. Хотя мало-мальски зажиточное козачье хозяйство не обходится безъ помощи наемниковъ изъ того же „рассейскаго" люда, тѣмъ не менѣе козаки никогда не сживаются съ пришлымъ народомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, гдѣ только можно, всегда выкажутъ свою антипатію.

Интересно видѣть козака въ роли городового полицейскаго чина въ новоприсоединенномъ къ области войска донскаго Ростовѣ. Прежде всего это то, что козакъ, попадающій въ полицейскіе только на срокъ своей службы не долѣе трехъ лѣтъ, никогда не наторѣетъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не перестаетъ быть тѣмъ же козакомъ, наивной деревенщиной съ козачьею сноровкою и жаждою къ наживѣ. Въ качествѣ городового, онъ состоитъ на послугѣ армяшекъ-приказчиковъ, не прочь завернуть въ кабачекъ, угоститься на счетъ разгулявшагося обывателя и при случаѣ и инымъ образомъ попользоваться на счетъ его. Ростовъ съ его сбродным чернымъ людомъ, съ его притонами—широкое поле для примѣненія дикихъ инстинктовъ этихъ „enfants de steppes", какъ ихъ называютъ французы. Козакъ въ его настоящемъ видѣ въ нашихъ глазахъ олицетворяетъ физическую силу и ловкость по возможности доведенныя до военной выправки и дисциплинированныя. Посмотрите: до пояса это прежній ловкій конникъ въ широкихъ шароварахъ съ ярко-краснымъ лам-

пасомъ, выше онъ затянутъ въ мундиръ съ погонами, солдатская фуражка на головѣ, а весь прикрытъ сѣрою солдатскою шинелью. Козакъ теперь болѣе солдатъ, чѣмъ всякій другой военнослужащій. Солдатъ регулярной арміи—это гражданинъ, по необходимости и чуть не по случайности попавшій въ строй, изъ котораго онъ послѣ 4—6 лѣтъ съ удовольствіемъ возвращается въ свою далекую отъ всякой военщины среду. Козакъ же и родится чуть не въ мундирѣ, и съ первыхъ лѣтъ жизни знаетъ, что ему придется неминуемо быть тѣмъ же, чѣмъ есть и были его отецъ, братъ, дяди, дѣдъ и т. д., быть козакомъ-солдатомъ. У него всѣ помышленія и всѣ жизненные идеалы нормируются этой строево-солдатской обстановкой. Восемьнадцатилѣтній козакъ, впервые поступающій на службу, создаетъ свой идеалъ по видимымъ образцамъ, по юнкерамъ черкасскаго юнкерскаго училища, прибывшимъ на побывку, и въ свою очередь перенявшимъ всю манеру заѣзжихъ лейбъ-козаковъ. Этотъ малолѣтокъ, поступая на службу, непремѣнно обзаведется сапогами съ неимовѣрно высокими каблуками, шинелью съ красиво выстроченными швами и складками; волоса его укладываются такъ, что надъ лѣвымъ вискомъ взвиваются изъ-подъ околыша фуражки какимъ-то чубчикомъ.

Нашъ „рассейскій“ деревенскій парень до поступленія на службу рѣдко слышитъ, а тѣмъ болѣе употребляетъ такія выраженія, какъ военные титулы „ваше благородіе, высокоблагородіе“ и слова „дивизія“, „корпусъ“, „отрядъ“. Козаченокъ, начиная лепетать, употребляетъ эти слова и еще въ отрочествѣ уразумѣваетъ ихъ смыслъ. О донскомъ козакѣ, пародируя извѣстную поговорку—plus catholique, que le pape même, можно сказать: „il est plus soldatesque, que le soldat même“.

При всемъ этомъ, козаки—добродушные и простодушные люди, гостепріимны, любятъ выпить и въ общемъ то, что называется „добрые малые“.

Таковы козаки въ настоящее время. Лѣтъ 50—60 тому назадъ они были, разумѣется, болѣе дики, менѣе дисциплиниро-

ваны и болѣе своеобразны; для описанія прежнихъ козаковъ нужны болѣе сильныя краски и тоны погуще.

Воронежцы и ближайшіе ростовцы называютъ козаковъ *чегою*, прибавляя еще почему то прилагательное *востропузая, чеги востропузая* и *чéгоманы*. Почему, не знаю. Вѣроятно, потому, что козаки не говорятъ, *что дѣлать, что купить, что взять* а *чего дѣлать, чего купить, чего взять* и т. п.

Въ 187* году по дѣлу пришлось мнѣ на Новый годъ пріѣхать въ одну изъ по-донскихъ козачьихъ станицъ. Только что окончилось богослуженіе; по улицамъ шли нарядныя козачки домой; на базарѣ виднѣлись группами заболтавшіеся козаки и другіе обитатели станицы. Я направился къ знакомому мнѣ двору, но, къ моему огорченію, человѣкъ, котораго мнѣ было нужно, оказалось, переѣхалъ жить въ другую станицу, а на его бывшей квартирѣ жило двѣ семьи елецкихъ шибаевъ. Мнѣ не было разсчета ѣхать розыскивать нужнаго человѣка въ его настоящемъ мѣстѣ жительства, тѣмъ болѣе, что здѣсь находилась и камера мироваго судьи, поэтому я и порѣшилъ остановиться въ этой станицѣ и отсюда уже послать за нимъ. Усиливающійся холодъ и вѣтеръ побуждали меня поскорѣе найти помѣщеніе. Покружившись по улицѣ, я, наконецъ, нашелъ въ одномъ домѣ квартиру: особую комнату съ двумя самоварами въ день и приготовленіемъ пищи изъ моей провизіи съ хозяйскимъ приваркомъ за 80 коп. въ сутки.

Такъ какъ хозяева-козаки только что вернулись изъ церкви или, какъ они говорятъ, „отъ церкви“, то я попалъ къ готовому самовару и, разоблачившись изъ надѣтыхъ на меня кожуховъ, съ удовольствіемъ сталъ обогрѣваться чаемъ, передъ которымъ мы съ хозяиномъ, поздравляя другъ друга съ Новымъ годомъ, выпили по чаркѣ хорошей захваченной мною изъ дому водки.

Уютная, теплая, чистенькая комната искупала недостатокъ въ качествѣ дешеваго чаю (такъ какъ мнѣ неловко было заваривать свой), а радушіе стариковъ и вовсе заставляло забыть то, что пребываешь въ этотъ день не дома, а на чужой, дальней сторонушкѣ.

Оказалось, что дома только старикъ и старуха, ихъ маленькая внучка да работница. Изъ троихъ сыновей старшій, пребывающій дома на льготѣ, живетъ со своею семьею на зимовникѣ въ степи, гдѣ у нихъ все хозяйство—волы, коровы, лошади и овцы; средній сынъ на внутренней службѣ въ окружной станицѣ и туда къ нему поѣхала гостить жена со старшенькимъ „парнишкой“, а самый меньшій, котораго женили передъ Филипповкой, вчера поѣхалъ съ женою къ тестю *погостевать* до Крещенья. Вѣроятно, поэтому то старики и пустили меня на квартиру.

Тутъ же за чаемъ старикъ пообѣщалъ мнѣ отыскать посланца къ нужному мнѣ человѣку. Обогрѣвшись, я пошелъ въ лавку купить чернила и стеариновыхъ свѣчей и, вернувшись, экспедировалъ нанятаго за 2 рубля посланца съ письмомъ.

Проходя по двору, я услыхалъ, какъ старуха-работница, кормившая свиней, приводя въ порядокъ этихъ докучливыхъ питомцевъ своихъ, ругалась: *„у—трасца твоюй матери“*. Что то давнее, далекое, уже было забытое послышалось мнѣ въ этихъ словахъ, или, лучше сказать, этомъ акцентѣ *„трасца“*, *„твоюй“*. Вспоминаю, что такой выговоръ я слыхалъ на Полѣсьи. Но морозъ и рѣзкій вѣтеръ не давали мнѣ прислушиваться, и я пошелъ въ избу—„въ курень“ по козачьи.

Немного погодя, въ комнатѣ хозяевъ послышался съ тѣмъ же полѣсскимъ акцентомъ голосъ той же работницы: она говорила, что морозъ *щипаетца*. О томъ, что это говорила полѣщучка, мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило; я полагалъ, что эта старуха-работница, зашедшая сюда изъ какой-либо невѣдомой мнѣ мѣстности „Рассеи“.

Хозяева между собою толковали о какихъ то сборахъ, и мнѣ слышно было, что они пойдутъ, а дома останется „полячка“, и она уже *соберетъ* мнѣ поѣсть. На Руси и на Дону имя Пелагея часто сводится къ имени Полька, Поля, уменьшительное Полинька, Поличка—мнѣ и послышалось, что рѣчь идетъ про Поличку, на самомъ дѣлѣ сказано было полячка; но мнѣ такъ послышалось, и я даже подумалъ, что старики оставляютъ дома

внучку (лѣтъ 4-хъ) и шутя толкуютъ о томъ, что она соберетъ мнѣ обѣдать.

Но вышло вовсе не то: хозяинъ объяснилъ мнѣ, что по выходѣ изъ церкви ихъ *перестрѣлъ* одинъ родственникъ урядникъ, „*по осени*“ пришедшій изъ Питера на льготу, и звалъ ихъ къ себѣ на пирогъ, ибо онъ имянинникъ (1 января—Василія), что имъ отказаться нельзя, и вотъ они идутъ со старухой, да и внучку заберутъ съ собой, а меня ужъ ихъ работница-полячка покормитъ. На мой вопросъ хозяинъ-козакъ объяснилъ, что она, работница, изъ Польши, откуда-то изъ-за Кіева, и сейчасъ же вышелъ, а вмѣсто него ко мнѣ въ горницу вошла старуха оправить передъ очевидно единственнымъ въ домѣ зеркаломъ свой головной уборъ—колпачекъ. Оправляясь, она сказала только:—„Это онъ про полячку?!... Да, прижмалась, сердечная къ намъ, да вотъ этакъ и живетъ у насъ“.

Оставшись одинъ, я думалъ о томъ, какъ и зачѣмъ забрела эта несчастная полячка въ эту дальнюю сторону, а что не по добру она затесалась сюда, видно изъ того, что не въ роскоши, а въ батрачкахъ пребываетъ. Досужей моей фантазіи представлялось въ дѣлѣ этомъ какое-то романическое событіе, вспомнилось мнѣ въ далекомъ моемъ прошломъ мое пребываніе на кіевскомъ Полѣсьи, вспомнился разсказъ про то, какъ какой-то козакъ, донецъ, умыкая панночку, погибъ съ ней и съ конемъ въ одномъ болотѣ, называющемся по сю пору Донецкимъ. Мнѣ почему-то въ этой полячкѣ хотѣлось видѣть героиню или жертву какого-нибудь романическаго похожденія одного изъ сыновей этого тихаго, вольнаго Дона, и я ожидалъ возможности поразспросить, выпытать эту старуху. Поэтому я предложилъ ей подать мнѣ обѣдать. „Полячка“ оказалась юркой еще бабой, по виду лѣтъ 60, небольшаго роста, съ посѣдѣвшими, прежде черными, бровями и съ совершенно бѣлыми волосами, виднѣющимися изъ подъ старенькаго платка. Изъ подъ густыхъ бровей строго взглядывали когда-то голубые, а теперь блекло оловяные глаза. Одѣта она была въ обыкновенный женскій костюмъ нашихъ мѣщанъ въ юбку и кофту. Послѣдняя была еще новая, очевидно

пошитая къ праздникамъ. Голова ея была прикрыта ситцевымъ платочкомъ. Я заговорилъ съ ней по польски—спросилъ ее:

— Z kąd jestescie? (откуда вы?)

Бабка уставилась на меня своими оловяными глазами и чисто по козачьи возразила:

— Чего?

Я повторилъ по польски же мой вопросъ, но старуха не понимала меня и вмѣсто отвѣта сама предложила мнѣ вопросъ:

— Да ты самъ изъ какихъ будешь и *откуля?*

— Я самъ далекій бабка—кіевскій.

— Кіевскій?! Я сама изъ-за Кіева.

— Изъ какого самаго мѣста изъ-за Кіева?

— Ажъ изъ-за Иванькова, изъ Карпиловки, отъ какъ на Чернобыль ѣхать... Знаешь?

Меня сразу какъ бы освѣтило; баба сама показалась какъ бы знакомою уже много лѣтъ. Я сразу припомнилъ знакомое мнѣ раньше обстоятельство и эту родину старухи кіевское Полѣсье за Иваньковомъ на сѣверъ отъ р. Тетерева по направленію къ р. Припети, надъ которой пріютилось мѣстечко Чернобыль. Боже мой! Да знаю же я и эту самую Карпиловку! Мнѣ не нуженъ былъ, кажется, уже и разсказъ самой старухи: я уже почти зналъ ея исторію.—Это несомнѣнно предо мною была одна изъ жертвъ помѣщичьяго корыстолюбія и жестокосердія. *Полячка*, твердятъ, *полячка*... это то меня и сбивало въ моихъ соображеніяхъ и гнало мои мысли въ сферы романтичности. Совсѣмъ не то: старуха оказалась жертвою сухаго, черстваго любостяжанія. Я какъ будто нашелъ давно забытое письмо, которое мнѣ сразу припоминаетъ давнее время и давнюю обстановку. Мнѣ хотѣлось поскорѣе читать подробно это забытое прошлое во всѣхъ его интересныхъ подробностяхъ.

— Я самъ, бабушка, кіевскій и знаю ту сторону, доводилось бывать и въ Иваньковѣ, и въ Чернобылѣ, хорошо знаю.

Бабка во всѣ глаза смотрѣла на меня и какъ бы разрѣ-

шала въ умѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ я попалъ тоже въ эту далекую сторону.

— Да ты по службѣ сюда попалъ *чи* какъ? разрѣшила она недоумѣніе.

— Я теперь служу въ воронежской губерніи, тутъ недалеко, отвѣтилъ я.

— Не знаю. Я тутъ ничего не знаю, какъ будто отнѣкиваясь отъ меня, сказала старуха и спросила:

— Тебѣ сюда подавать *чи пуйдешъ увъ* стряпушку?

Я согласился идти обѣдать въ *стряпушку* т. е. въ кухню, имѣя въ виду не отставать отъ старухи.

Передъ обѣдомъ, выпивая рюмку водки, я поднесъ и старухѣ. Она степенно взяла рюмку лѣвой рукой, обтерла губы фартухомъ, перекрестилась и, пожелавъ мнѣ всего лучшаго, поздравивъ съ Новымъ годомъ, выпила. Когда я хотѣлъ налить ей другую рюмку, то она поблагодарила, замотала, какъ это дѣлаютъ украинскіе женщины, головою и не захотѣла пить.

— Лучше ужъ тогда выпью, какъ сяду обѣдать, сказала она.

Видно было, что бабка знаетъ толкъ въ водкѣ, но съ толкомъ и пьетъ ее.

Обѣдъ состоялъ изъ нѣсколькихъ перемѣнъ. Мнѣ подавалось заранѣе для меня отдѣленное; очевидно, хозяйка, уходя, распорядилась, что и какъ подавать. Столъ былъ застланъ чистою скатертью и мнѣ поданъ былъ рушникъ (*утирка* или *ширинка*, по козачьи) для обтиранія губъ.

Мои догадки вполнѣ подтвердились разсказомъ бабки, который въ точности передать съ ея неизмѣнными *чи*, *одтуль*, *откуль*, со всѣми особенностями полѣсскаго выговора, нѣтъ возможности. Передо мною была одна изъ купленныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ.

Ихъ, дѣвокъ сто, скупили донцы у пановъ еще тогда, когда „полякъ бунтовалъ, лѣтъ около сорока тому назадъ, хотѣли

своего круля поставить". Вотъ какъ *поляка замирили* и не стало его слышно, весною ихъ погнали въ Кіевъ сухопутомъ плоты разбирать, а послѣ перевезли ихъ на дубахъ еще ниже по рѣкѣ къ какому-то мѣстечку противъ Кіева (вѣроятно, Никольская слободка), да тамъ и сдали козакамъ. Никто изъ нихъ и не зналъ, какъ это случилось. При нихъ былъ только экономъ, да еще два свои же *побережника* [1]), они остались, а козаки окружили и погнали. Плачу, крику сколько было!!... Одна дѣвка утопилась. Тамъ недалеко въ лѣсу хуторокъ надъ озеромъ. Расположились отдыхать, а она побѣжала да въ озеро—такъ и утонула.

Такъ пѣшкомъ ихъ и гнали, развѣ ужъ какая больно приставала, такъ брали на подводу. Сначала было говорили, что ихъ наняли, что лѣто поработаютъ, да и домой, а послѣ мало по малу все выяснилось. Разъ одинъ изъ козаковъ пьяный проговорился, что ихніе паны закупили дѣвокъ *для плоду*, а послѣ въ какомъ-то городѣ большомъ изъ числа всѣхъ выбрали двухъ дѣвокъ и куда-то *задали*. И городъ бабка знала, какъ назывался, да забыла не то Харьковъ, не то Бахмутъ. Въ одномъ мѣстѣ какой-то монахъ странникъ наставилъ было ихъ (дѣвокъ) не слушаться, не идти—да и только. Такъ козаки ихъ били нагайками, одну такъ сильно высѣкли, что она ужъ всю дорогу лежала на возу, чуть было не умерла. Кормили плохо, лычаки сейчасъ же въ началѣ гону истоптались, и онѣ шли все время босыя. Одежа плохенькая. Вошь заѣла было. Ужъ онѣ одна другую дозирали, обирали *нужу*. Между ними были еще малыя дѣвочки-подросточки. Долго ихъ гнали. Забрали на Проводной недѣлѣ, а на мѣстѣ стали передъ Петровымъ днемъ. Сѣно ужъ застали въ стогахъ. На мѣстѣ разобрали ихъ, кого куда. Разсказчица попала съ семью товарками на зимовникъ къ есаулу Гр—ову. Тамъ имъ было привольно. Сейчасъ какъ прибыли на мѣсто дали имъ по сорочкѣ, крашенины на юбки, посправляли

---

[1]) *Побережникъ* значитъ лѣсной сторожъ отъ *оберегать, поберегать*. Въ лѣсномъ хозяйствѣ нерѣдко побережники исполняютъ роль приказчиковъ, атамановъ.

коты; кормить стали лучше, молока сколько хочешь. Работы особо тяжелой таки не было. Да имъ и не привыкать стать къ работѣ. Когда *по свободѣ* было соберутся, станутъ „пѣсни играть“ [1]), вспомнятъ свою сторону и поплачутъ. А послѣ мало по малу и попривыкли.

Я нарочно тянулъ обѣдъ, слушая бабку. Покончивъ, я попросилъ подогрѣть еще не совсѣмъ заглохшій самоваръ, а бабкѣ къ ея обѣду поднесъ еще водки. Въ своей комнатѣ я закурилъ трубку, на что мнѣ по условію дано разрѣшеніе хозяевъ, помостилъ въ головы полушубокъ и растянулся на диванчикѣ.

И вспомнилась мнѣ эта дальняя сторонушка, родина разказчицы—кіевское Полѣсье. Болото и лѣсъ; олешникъ и верболозъ при водѣ; береза на мхахъ, сосна—хвои на пескахъ. Небольшія поляны засѣяны чахлымъ хлѣбомъ или утыканы монументальными бортевыми соснами—старыми престарыми, помнящими если не князя Игоря, то, во всякомъ случаѣ, загоны козацкіе. Пятиверстныя настильныя изъ накатника и хвороста гати по вязкимъ низинамъ; почернѣвшія курныя избы, точно группа кузницъ на выѣздѣ изъ расположеннаго на большомъ проѣзжемъ трактѣ города, изъ толстыхъ бревенъ и плахъ съ кое какъ прикиданными обаполками крышами, съ торчащимъ изъ щелей немазанныхъ стѣнъ мхомъ; ворота съ неимовѣрно толстыми вереями, огорожа изъ слегъ, стожки хлѣба и сѣна на *кроватяхъ*, картофель въ *буртахъ*... Людъ приниженный, забитый, засѣрѣлый, въ войлочныхъ магеркахъ, въ лычакахъ на ногахъ... Рудни, Зарудья, Гуты и Буды только съ разными прилагательными—все это мизерныя деревушки съ сѣрыми еще уніатскими церковцами, съ прудами, запруженными жужелицею изъ бывшихъ тамъ чугунноплавильныхъ печей, прудочками... Смолокурные майданы по лѣсамъ, *шурки* [2]) заготовленной на смолу лучины... Все это въ лѣсу, пущѣ, на оболоняхъ... Оглянешься кругомъ съ рѣдкаго возвышенія—лѣсъ и лѣсъ синѣетъ

---

[1]) Выраженіе великорусское, равносильно—пѣсни пѣть.

[2]) Кубическая мѣра лучины.

кругомъ до краю горизонта, вездѣ топорщатся острыя верхушки сосны, да лишь по низинамъ чернолѣсье. Что то гнетущее, подавляющее: не чаешь и выбраться изъ этой трущобы.

На разспросы про дорогу указанія такія: „за оболонью поворотишь въ боръ, доѣдешь до *коронастой* сосны, держись боромъ *ажъ до подчохраной* (сосны), а тамъ выѣдешь черезъ мохи и березнякъ, такъ и ступай все время чернолѣсьемъ *попудъ ольхами* на верболозъ и по *гатцю*; какъ доѣдешь до рѣчки, держись по ней противъ воды, не сворачивая, а то увязнешь, такъ саженей 300, а тамъ *на звозъ* и опять верболозомъ и гаткою держи прямо черезъ хвойникъ на *россоховатую* сосну, а дальше *майданъ*...

Горе горькое: болота, нетры, *пуща*, *комарь*, мошка, оводъ! Сторонушка!!

Вспомнилось мнѣ все это и мое тамъ пребываніе въ моей юности, мои просиживанія около огонька, разведеннаго въ глухой пущѣ, мои фантазіи и мечтанія, мои охотничьи экскурсіи, во время одной изъ коихъ я услыхалъ разсказъ, имѣющій связь съ только что выслушаннымъ разсказомъ старухи.

Съ вечера отправились мы вдвоемъ съ Васылемъ (охотникомъ) въ лѣсъ, имѣя намѣреніе полежать на тетеревиномъ току. Снѣгъ только что сошелъ, всѣ низы полны воды, ольхи и лозы залиты разливомъ. На „Пенькахъ“ (урочище) мы постояли, соблазненные услышаннымъ карханьемъ и цмоканьемъ вальдшнепа, но это оказалась только еще проба, совершаемая носатымъ ловеласомъ: тяга еще не была въ разворотѣ, а потому мы пошли въ боръ. Идти нужно было верстъ пять. Уже въ лѣсу стало совсѣмъ темно, когда мой товарищъ порѣшилъ свернуть съ дороги черезъ поляну и остановиться въ густомъ хвойнякѣ [1]). Тамъ нашли мы небольшую поляночку, моментально развели кострикъ и расположились поужинать.

---

[1]) Хвоя—листва сосны. Иглы этой листвы называются—*глыця*. Хвойнякъ—молодая поросль сосны, большею частью густорастущая.

Дѣло было Великимъ постомъ и потому ужинъ нашъ состоялъ изъ куска пирога съ картофелемъ, обязательно надѣленнаго благоволившею ко мнѣ старухой ключницей, а у моего товарища изъ черстваго куска хлѣба. Того и другаго было немного, и мы скоро покончили нашу трапезу; наломали подъ головы хвои и улеглись противъ огонька, покуривая трубки.

— Щожъ не чулы вы ничого про Михалевського? какъ то неожиданно спросилъ меня Васыль.

— Ни, не чувъ, а що?

— Та-такъ-думка така, що вамъ може де що чуть.

— Аже Олекса возывъ лыстъ ажъ у станъ. Мабуть становоуй прыпхаетце... Зноувъ возьмуть його... Какъ бы про себя говорилъ Васыль.

— Воунъ запальоный! Не вгамовуетце!

— Розкажить, Васылю, мени, чого це винъ бунтуетьця?

— Та хто його разбереть. Воно ще не пры насъ у ныхъ завелосе. Воунъ каже, що воунъ шляхтычъ, що його старый панъ неправедно запысавъ у мужыкы, у поддани... Воунъ (Мыхалевскій)—ажъ у Кыйувъ ходывъ до того пана, що оце недавно перепысувавъ души [1]), до царя, каже, доберусе... Розказуютъ, що воунъ (Михалевскій)—якъ його батько померъ, заставсе за своею маткою у двори ще маленькимъ, померла й матка, воунъ и выросъ тамъ ще пры батькови цього старого пана, а якъ прышла ревизія, не цяя, а ще ажъ генъ отта, а панъ и запысавъ його за себе... Такъ воунъ и выроусъ; панъ його оженывъ, посадывъ на тягло. Воунъ и ничого. Та вже якъ дивчину його запродали—тоди усе й вышло...

— Яку дивчину? Якъ запродали?

— Та такъ: козакамъ-донамъ продавъ. Тутъ у Чорнобыли були доны-козакы, якъ отъ було *повстанья*, полякъ бунтовавсе такъ имъ запродавалы дивокъ и Михалевського дивку продалы.

---

[1]) Это было въ 1858 году, а въ 1857 году была ревизія.

Воунъ ставъ дуже убыватсе, а тутъ хтось йому поудказавъ якъ и що, отъ воунъ и ставъ добыватысе свого. Я, каже, вольный шляхтычъ, мене не можно упысуваты у ревизыю, а ще того больше дочку мою запродуваты... Такъ и риже... Й былы його скылькы разоувъ, а воунъ усе свое, було панъ старый усе катувавъ його, а то якъ выйшоувъ запретъ самому панови орудуваты, такъ до стану, скылькы разоувъ його одвозылы—не вгамовуетсе... Завзяты! Якъ ото затоскуе, заразъ и йде у двоуръ и кленеть, лаетсе, грозытьсе...

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что *„старому панови“* ограничена власть распоряжаться своими крестьянами съ той поры, какъ онъ судился за засѣченіе одного изъ нихъ на смерть, и когда слѣдственная коммиссія констатировала, по заявленіямъ крестьянъ, не одно злоупотребленіе помѣщичьею властью. Узналъ я, что жена стараго пана была мученица: онъ ее держалъ на запорѣ, а самъ предавался разврату во всю ширь, что судбище это стоило ему цѣлаго имѣнія, которое онъ долженъ былъ продать, чтобы откупиться отъ „Сибиру“, какъ говорилъ разсказчикъ, предполагая въ этомъ словѣ вообще кару за преступленіе.

Огонь то притухалъ, то вспыхивалъ, подновленный новыми полѣнцами, а я курилъ и слушалъ разошедшагося Васыля. Разсказывалъ онъ мнѣ, какъ они со старымъ паномъ ходили въ повстанье, какъ ихъ въ лѣсу муштровали; какъ панъ ушелъ, бросивши его, какъ его *перекрестилъ козакъ-донъ*. Лѣзъ онъ сквозь чащу, (пробирался въ свою сторону), въ лозѣ попалъ въ трясину и еле выбрался, промокши и загрязнившись по самую шею—свита такъ и пропала, затоптанная въ трясину,—только что вышелъ изъ лозы и сталъ переодѣваться, стягивать сапоги и выливать изъ нихъ воду, какъ тутъ гдѣ ни взялся донъ (козакъ), да къ нему. Онъ такъ было и обмеръ.

— Ахъ ты матежникъ!—каже.

— Ни, прысьяй Богу! Ни, я простый мужыкъ.

— А зачимъ у тебе, каже, чоботы, колы ты простый мужыкъ?...

— Такъ я й похолонувъ! Що йому скажешъ?! Такъ проклятыи чоботы й выказалы. Я бувъ при двори, такъ мене убиралы у куртку, шаровары й чоботы; та якъ йты воюваты, такъ ще й новыи справылы. А воунъ излизъ съ коуня, то съ шаблею до мене, узявъ, подывывсе чоботъ, той увеливъ мени й другый скыдаты, а опустя зорвавъ шапку та шаблею подъ чупрыною и нарызавъ хрестъ, „щобъ каже, одмина була... я такъ и залывсе пасокою, а воунъ чоботы узявъ та й... подавсе...

Тутъ Васыль и разсказалъ мнѣ, какъ „старый панъ ажъ симъ дивокъ продавъ донамъ“.

Это было вскорѣ послѣ возстанія 1831 года; какимъ образомъ они торговались, никто не зналъ, а только стало извѣстно, что панъ нанялъ къ сосѣду пану Вербовскому семь дѣвокъ въ Кіевъ плоты выгружать. Пани Вишенская тоже наняла, разсказывали, 12 дѣвокъ. Такъ ихъ и погнали гуртомъ съ дѣвками пана Вербовскаго, и еще отъ другихъ пановъ дѣвокъ 50, а то и больше, въ Кіевъ. Три подводы шли съ ними до Иванькова, а тамъ уже онѣ пошли сами, только съ ними экономъ и еще два-три человѣка. Тронулись онѣ еще на Вербной, чтобы можно было пройти по замерзшимъ рѣкамъ и болотамъ.

„Ну, тамъ, разказувалы, доны повъязалы ихъ до жердокъ рукамы, тай погналы ажъ у свою сторону“.

Очевидно, не видѣвшій этой отправки Васыль повторялъ стародавнее преданіе о способѣ увода татарами ясыра. О привязкѣ къ жердямъ мнѣ не разсказывала и бабка, которую я объ этомъ спрашивалъ.

Изъ дальнѣйшаго разсказа видно было, что Михалевскій, приплывшій на плотахъ въ Кіевъ и не заставшій тамъ своей дочери, бывшей въ числѣ „нанятыхъ“ къ пану Вербовскому дѣвокъ, отъ кого-то на пристани или на базарѣ услыхалъ объ угонѣ дѣвокъ козаками. Ему не совсѣмъ вѣрилось, и только вернувшись домой, онъ убѣдился въ дѣйствительности этого событія.

„Тутъ то йому й прычына сталасе“, разсказывалъ Васыль. „Не самовытый ставъ“: кинулся къ панскому двору, кричалъ,

грозилъ, вязали его, держали въ заперти... затѣвалъ панъ отдать его въ солдаты, да не приняли. Такъ съ той поры на него и находитъ: ни съ того, ни съ сего задумается, а тамъ и пошелъ... опять свое. Жалко смотрѣть!...

— А панамъ що! Имъ байдуже! Отъ Вербовскій цимъ торгомъ, та ще отъ пылыпонами й забогативъ, а паны його ще й у маршалкы (предводитель дворянства) зобралы...

— Якъ пылыпонами?!

— А такъ, що пылыпоны на його земли седять, у його пущи е ихъ и монастырь; отъ воуны йому й прыплачують, а воунъ ихъ обороняе, захыщае воудъ станового. (Васыль въ лицѣ становаго, очевидно, олицетворялъ весь оффиціальный міръ). Пылыпоны тоди и звелы його зъ донамы, хвакторувалы у торгу дивкамы... Це усе воуны...

— Отъ Михалевськiй, якъ розходытьце, такъ усе поразкаже; воунъ усе дознавъ, якъ и що...

Такъ и ночь прошла. Гдѣ то отозвалась птичка, одна-другая, нужно было забивать огонь и поспѣшить въ будку на токовище, пока еще не отозвались, не затоковали тетерева. Еще только сѣрѣло, какъ мы уже дотащились до моховой поляны и залѣзли въ будки. Прослушавъ на пролетъ всю ночь Васыля, я еле умостился въ будкѣ, сейчасъ же задремалъ и мнѣ во снѣ мерещилась грозная, обезумѣвшая фигура Михалевскаго, съ воплемъ и проклятіями требующаго свою дочь отъ „старого пана“, какіе-то „доны“, пилипоны представлялись... вдругъ какой-то выстрѣлъ и я проснулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня съ лопотомъ крыльевъ сорвались три тетерева, а вслѣдъ затѣмъ изъ другой будки появился Васыль, укоряя меня въ томъ, что я „сполохнувъ тетерукоувъ“. Онъ не подозрѣвалъ того, чтобы я могъ заснуть, и печалился только о малоуспѣшности охоты: отъ его выстрѣла палъ только одинъ краснобровый красавецъ-косачъ.

Вотъ что вспомнилось мнѣ, пока я лежалъ и курилъ и пока бабка обѣдала и прибирала посуду.

Разсказаннаго бабкою и слышаннаго когда-то отъ Васыля было совершенно достаточно для того, чтобы подтвердить вполнѣ фактъ продажи дѣвокъ панами, всегда ратующими за свободу, и покупки этихъ дѣвокъ сынами вольнаго Дона; но меня интересовали всѣ подробности этого событія, хотѣлось знать, какъ эта несчастная жертва любостяжанія, сама разсказчица, на себѣ вынесла все это, насколько, наконецъ, удалось донцамъ воспользоваться этимъ купленнымъ *для плоду* товаромъ. Поэтому я порѣшилъ не отставать отъ бабки въ дѣлѣ разспросовъ и началъ съ того, что объявилъ ей о моей привычкѣ чай пить непремѣнно въ компаніи. Сего ради самоваръ былъ поданъ ко мнѣ *въ горницу*, я заварилъ чай а бабкѣ предложилъ наливать чай и пить оный вмѣстѣ со мною.

— Ну, чтожъ тутъ васъ и замужъ повыдавали? спросилъ я бабку.

Въ отвѣтъ на это она только собрала сборами губы и замотала головой.

— Замужъ!!... Таковскіе!! Замужъ отдать—нужно отпустить, а деньгамъ то такъ и пропадать! Ишь што выдумалъ! Замужъ! Не на то они й скупали, штобъ замужъ отдавать!.... и замолкла, какъ бы передумывая что то....

— Какъ не на то, чтобы замужъ отдавать?! допытывался я.

— Да такъ.... одно слово на плодъ....

— Какъ на плодъ?...

— Да такъ... и замолкла старуха.

Очевидно, ей что то вспомнилось, чего она не желала разшевеливать въ памяти: насупилась, брови сдвинулись.

— Какъ же ты, бабка, попала сюда въ эту станицу?

— Да такъ ужъ пришлось.... Мы тутъ было совсѣмъ пристроились жить, да вотъ Богъ не привелъ. Я такъ тутъ и осталась....

— Куда жъ уже отсюль пойдешъ... какъ бы перебирая что то въ своей памяти, говорила старуха.

Я боялся опять натолкнуться на что нибудь такое, воспоминаніе о чемъ остановитъ разсказъ, и молчалъ. Бабка тоже молча допила чай, опрокинула чашку, положила на донце недогрызокъ сахару и, перекрестившись, поблагодарила за чай.

— Чтожъ ты такъ, бабка? Кушай... упрашивалъ я, но бабка такъ и не захотѣла пить больше. Я побоялся, чтобы она не ушла отъ меня и спѣшилъ удержать ее вопросомъ.

— Ну все жъ таки разскажи, бабушка, какъ вы жили на хуторѣ...

— Да чего тебѣ и разсказывать!... Не хорошо жили, Бога гнѣвили, и только. Какая ужъ тамъ жись!

— Иной то сначала и показалось было, а послѣ, какъ пришлось расплачиваться за хихи-смѣхи, такъ не одна и заплакала. Чего разсказывать! Срамъ одинъ да и только! Ребятъ нарожали....

— Какъ же такъ, ты сказала, что замужъ не отдавали, а тутъ и „ребятъ нарожали?“

— Да какъ безъ мужей рожаютъ... Сказано—*на плодъ* приведены. Дѣвки ихніе и ребята ихніе; а *откулъ* узялись—это не нужно....

— И у тебя, бабка, были дѣти? спросилъ я наивно.

— Да ты чего пристадъ? Чего допытываешься?! Нешто ты попъ?... внезапно осерчала бабка и вышла изъ комнаты. Послѣ слышно мнѣ было, какъ она вышла изъ дому и что то ворчала....

Такъ, неосторожно допрашивая, я нарвался, очевидно, на что то, разсердившее старуху.

Немного погодя, она, вернувшись со двора, вошла ко мнѣ и спросила, можно ли убирать самоваръ и посуду.

— Ты, бабка, на меня не серчай... Вѣдь я изъ жалости тебя разспрашиваю... сказалъ я.

— Ну штожъ, я ничего.... какъ то особено мягко и ласково отвѣтила бабка.

— Мнѣ самой, какъ станешь разказывать, жалостно станетъ, такъ бы и заплакала, да слезъ видно нѣту... продолжала она. Иной разъ такъ запечется сердце, что и сама не своя становлюсь. Такъ вотъ и обидишь человѣка... Ты ужъ и меня прости! Не обижайся.

— Я, бабушка, ничѣмъ не обиженъ. Мы земляки, и вотъ я разспрашиваю... Приходи еще посидѣть, покалякать; на улицѣ, чай, холодно.

— Да я и то приду къ тебѣ грубку топить, у насъ вѣдь соломой топятъ...

Въ сумерки бабка втащила огромную вязку соломы и, *откутавъ* грубку, приготовилась топить. Я очень люблю эту топку соломою. Мнѣ это припоминаетъ далекое дѣтство; такія же кучи чистыхъ стеблей жита, по которымъ можно было покататься, старую бабусю, вертящую *вихти* и *верчыки* и ввергающую ихъ въ грубку, заслоняя сразу отверстіе и тѣмъ производя темноту въ комнатѣ, затѣмъ вспыхивающій отсвѣтъ *поломня*, а послѣ ярко-красный жаръ соломы, покрывающійся, какъ чернымъ флеромъ, золою, все болѣе и болѣе густѣющею. За цѣлымъ безпрестанно повторяющимся рядомъ вспышекъ пламени, озаренія комнаты и затѣмъ положительной тьмы—нанесенная солома сжигается и въ грубкѣ накопляется жаръ, то чернѣющій отъ золы, то вспыхивающій, развороченный кочергою. А тамъ, въ этомъ жару, печеный картофель или любимое лакомство тыква, мягкая, сладкая, обжигающая и пачкающая руки и губы, но... вкусная. И ко всему этому сказки бабуси, интересныя, страшныя, полныя таинственныхъ ужасовъ, желѣзныхъ раскаленныхъ горъ, двѣнадцатиголовыхъ змѣевъ, *рукавичекъ*, съ которыхъ капаетъ кровь, самоиграющихъ сопилокъ, жалостныхъ прежалостныхъ припѣвовъ...

Все это мнѣ припоминается, когда вижу топку грубки соломою, и припомнилось, когда бабка—„полячка“ затѣяла эту топку. Она прежде всего въ какую то ряднину выгребла изъ грубки золу и вынесла ее, а ужъ послѣ начала топить.

— Ну, какъ же, бабка,—ты совсѣмъ забыла и свою сторону и свою *гуторку,* (языкъ)? — спросилъ я ради начала разговора.

— Да такъ и забыла... Еще на хуторѣ было когда и погуторишь по своему, а какъ *оттуль* вышла, такъ и наломилась по здѣшнему, по козачьи... *Тутки* усѣ такъ гуторятъ... Не по нашему.

Бабка, очевидно, понимала языки такъ: *свой* и *козачій.*

— Ну, и въ свою сторону не тянетъ?

— *Правду казать,* и не тянетъ. Наша одна, вотъ *лѣтось* только померла, царство ей небесное,—ходила въ Почаевъ, такъ и въ *своюй* сторонѣ побывала... „*Што жъ,* было разсказываетъ, прямо чужая—чужина: усѣ перемерли, а *кои* живые, тѣ не узнаютъ *яе*... Такъ—разсказывала—заплакала да и пошла“...

— Тутки уже, видно, вѣку доживать... добавила старуха, помолчавъ немного.

— Да вѣдь *воля* то вышла еще въ 1861 году, чего жъ вы никто и не вернулись въ свою сторону?

— Это вѣдь какъ кому... Иная ужъ при своихъ дѣтяхъ пристроилась, куда ей... И то сказать, съ чѣмъ было и идти. Вѣдь отпустили то чуть не въ томъ, въ чемъ мать родила... Вѣришь: была вотъ на комъ сорочка цѣлая, такъ и ту сняли, а дали латаную... А иной можетъ и *совѣсть зазритъ:* его-то приплодку штукъ по пяти—шести, а то и болѣ... Кои поросли, а то были и невеличкіе. Куда пойдешь? какъ бы съ собою разсуждала старуха.

Вспыхивающее отъ времени до времени пламя освѣщало опять ставшее серьезнымъ лицо старухи. Самое воспоминаніе, видно, подымало въ ней озлобленность.

— Ну, все жъ таки я не пойму, бабка, какъ же такъ это дѣти рождались... Отъ кого же это онѣ рожали?...

— Да отъ кого почтешъ! А замужъ, такъ и сказано, не отдадутъ... Они то *энти* паны еще за это хвалили. Особливо

которая это мальчика приведетъ.... такъ ту и отъ работы было *ослобоняютъ*: мальчикъ, это имъ въ прибыль...

— А что, бабка, эти паны—козаки строги были?

— Нѣ! *Што жъ* этого не *бувало*... Бою какого или тамъ чего еще—нѣ! *не бувало*. Грѣхъ казать... кормили добре, работы было много только лѣтомъ, ужъ извѣстно... А то такъ себѣ...

— А я слыхалъ, что васъ какъ вели сюда, такъ къ жердкѣ привязывали...

— Чего привязывали? Не разберу...

— Да такъ, чтобъ не утекали, такъ васъ прикручивали къ жерди...

— Ну! Съ чего ты *узялъ*!... Нѣ! Зачѣмъ прикручивать! И такъ некуда утекать... Нѣ! этого не *бувало*.

Бабка добирала послѣднюю солому, *верчики* становились маленькіе и вспышки пламени все рѣже и меньше озаряли комнату. Я зажегъ свѣчу. Отвѣты бабки на мои разспросы не вполнѣ удовлетворяли меня: мнѣ хотѣлось услыхать повѣсть объ ея личныхъ похожденіяхъ, о томъ, что она лично испытала на себѣ, и чтобы она рельефнѣе обрисовала самый фактъ. Сего ради я и спросилъ прямо бабку:

— Ты, бабушка, разскажи мнѣ про себя, какъ ты сама терпѣла всю эту бѣду, и какъ ты попала сюда отъ пановъ.

— А мнѣ чего тебѣ разсказывать?! Того што прошло не воротишь... Слезъ не соберешь...

Въ это время заскрипѣло крыльцо и послышалось топанье ногъ—въ домъ вошли хозяева. Оба они были немного навеселѣ, что можно было заключить изъ привѣтствія, адресованнаго ко мнѣ хозяйкой.

— Вечóръ добрый! Сидѣнье вамъ!..

Я слыхалъ еще нѣкоторое время какое-то бормотанье хозяина, но скоро ко мнѣ вошла хозяйка съ вопросомъ не „*повечеряю*“ ли я чего-нибудь. Я отказался, а попросилъ поставить самоваръ.

Немного погодя, я обратилъ вниманіе на темноту на половинѣ хозяевъ. Оказалось, что хозяинъ какъ пришелъ, такъ и свалился спать: наимяниничался. Дѣвочку бабка полусонную принесла на рукахъ, а „полячка“ ушла спать въ „избушку“— особую во дворѣ хатёнку, гдѣ, какъ я послѣ узналъ, устанавливался молочный скотъ и пребывало двое телятъ.

Я предложилъ хозяйкѣ выпить чаю со мною. Она согласилась.

Разговоръ у насъ начался съ того, что хозяйка стала объяснять мнѣ причину сильнаго охмеленія мужа.

— Кабы онъ у меня пилъ часто, а то такъ: когда да когда случится... Ну, чуть выпилъ и охмелѣлъ. А какъ не выпить— пристаютъ...

— А я тутъ разговорился съ вашей старухой, такъ вышло, что мы земляки...

— Это то съ полячкой?! Ну! И въ-заправду?!

Я сказалъ, какое наше землячество и помянулъ, что знаю и ея бывшихъ пановъ, которые ее продали. Хозяйка какъ бы обрадовалась всему этому и сообразила:

— То то все говорятъ „полячка“, а вѣры она нашей, не поляцкой... Такъ оно это потому, что изъ *Польщи*... рѣшила она.

— Какимъ же это образомъ она къ вамъ попала?

— А она што жъ не разсказывала тебѣ!...

— Нѣтъ. Я спрашивалъ, такъ она какъ-будто серчать стала...

— Это вѣрно: не любитъ, какъ *яе* разспрашивать. На што ужъ наше женское дѣло, своя сестра, а спросишь, такъ отмолчится, а послѣ ужъ ворчать станетъ: „чего нужно, зачѣмъ допытываешься“... Ну, и Богъ съ тобой, и бросишь—не пытаешь...

— Она, слышь, засужена была совсѣмъ, въ тюрьмѣ сколько годовъ сидѣла. Послѣ уже по манихвесту ее выпустили...

— Какъ же это такъ? Интересно... Разскажи пожалуста.

— Да я то малость и знаю про это дѣло. Такъ гуторятъ, какая-то про нее колись-то и бумага была приписана въ станичное, штобы, значитъ, имѣть въ надзорѣ ее, да я только тебѣ

доподлинно не съумѣю разсказать. Дѣло то случилось не тутъ, а у нихъ на хуторѣ, гдѣ-то туда за Кундрюцкой, да и давно, добре не упомнишь всего.

Дѣйствительно, изъ разсказа моей хозяйки-козачки я не составилъ себѣ яснаго понятія о дѣлѣ. Неумѣнье ли послѣдовательно излагать извѣстное ей, самая ли рѣчь козачки, а можетъ быть, и неиспарившійся хмель были причиною того, что я не уразумѣлъ сути дѣла: гдѣ-то она „полячка“ жила на хуторѣ у какого-то полковника, была съ нимъ въ связи, а послѣ кто-то зарѣзалъ полковника, а она не то была подозрѣваема въ этомъ, не то, зная убійцу, скрывала все... Какой-то „онъ“ все упоминался. Ничего не разобралъ... Такъ и разошлись мы съ хозяйкой, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

Къ свѣту возвратился мой посланный съ письмомъ отъ „нужнаго мнѣ человѣка“, въ коемъ онъ упрашивалъ меня пожить въ станицѣ—никакъ не болѣе двухъ дней, потому что у него пріѣзжій ревизоръ, который завтра уѣдетъ, и онъ сейчасъ же прикатитъ ко мнѣ. Хотя-нехотя приходилось жить и ожидать, и скучать. Хорошо еще, что я, по неизмѣнному обычаю, всегда захватываю съ собой въ чемоданъ какую-нибудь книжку для чтенія, а то сиди и тоскуй.

Морозъ немного сдался, и можно было выйти на улицу. Мой хозяинъ, старый козакъ, закутавшись въ тулупъ и въ большихъ бѣлыхъ валенкахъ, тоже сиживалъ у воротъ на скамейкѣ, степенно здороваясь съ прохожими и ни во что по хозяйству не вмѣшиваясь. Все дѣло по дому вела его „Аксентьевна“. Онъ оказался словоохотливымъ, много видавшимъ, бывалымъ, и потому много разсказывалъ. Служилъ онъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, бывалъ и въ Польшѣ. Изъ всѣхъ разсказовъ его у меня запечатлѣлись въ памяти разсказы о томъ, какъ они, козаки, въ Польшѣ (еще въ 1831 году) допытывались отъ мятежниковъ чего нужно было, и затѣмъ разсказъ про Бакланова.

Разсказы про Бакланова легендарны. Шашка у него девять фунтовъ. Ею онъ разсѣкалъ отъ плеча до сѣдла, а то и сѣдло

до потника. Пули его не брали. Даже въ Петербургѣ заинтересовались разсказами о немъ, пожелали видѣть его. Потребовали. Выслали противъ него карету, министровъ (sic). А онъ отъ заставы свернулъ въ сторону и объѣхалъ стороной. Привязалъ чомбуромъ лошадь къ рѣшеткѣ, а самъ и пошелъ. (Куда ужь онъ пошелъ, разсказчикъ не опредѣлялъ въ точности). Подымется на площадку, задыхается, какъ это хочетъ „отсапнуть", дыхнетъ, такъ часовые, что стоятъ на площадкѣ, и падаютъ. Тревоги надѣлалъ. Засуетились, послали сказать, чтобы онъ дальше не шелъ, а онъ уже былъ на 5-мъ этажѣ.

— Ну и наградили его...

Много разсказывалъ хозяинъ про этого своего донскаго героя.

Вечеромъ за чаемъ я попробовалъ навернуть словоохотливость моего хозяина на „полячку", но, оказалось, онъ про нее лично зналъ еще меньше, чѣмъ его жена. Зналъ, что она за что-то сидѣла въ тюрьмѣ, что ее въ чемъ-то подозрѣвали, и только. Вообще же о покупкѣ дѣвокъ разсказывалъ болѣе обстоятельно.

Паны-козаки скупали дѣвокъ въ Польшѣ и въ *Рассеи,* пригоняли къ себѣ на землю и тутъ изъ нихъ разводили своихъ крестьянъ. Рѣдко, рѣдко выдавали ихъ замужъ, и то только за своихъ же, а то и за бѣглыхъ, которыхъ тогда было много и которые часто записывались за козачьихъ пановъ. Это было не трудно: записывались на мѣсто умершихъ. Такъ вѣдь и населялись цѣлыя слободы. Много хохловъ поперегоняли послѣ воли на Салъ и Манычъ. Да и по Міусу все слободы, это все были панскіе [1]).

Хозяинъ мой довольно наивно объяснилъ, что весь разсчетъ дѣвовладѣльцевъ зиждился на неукоснительности физіологическихъ

---

[1]) Замѣчательно то, что у донцевъ не было подданныхъ великороссовъ, а только малороссы. Козачье рабовладѣльчество еще ждетъ своей исторіи. Я бы радъ былъ, если бы настоящая моя замѣтка вызвала разъясненіе этой стороны крѣпостничества.

отправленій рабынь.—(Не проживетъ такъ—съ кѣмъ нибудь свяжется).

Станица святковала. Отъ времени до времени по улицѣ проходила группа козачекъ. Шли онѣ не спѣша, пѣли пѣсни. При 5—8—10 козачкахъ обыкновенно плелся распрепьяный козакъ, котораго онѣ тузили, осмѣивали. „Это ужъ имъ на глумленье даденъ"... объяснялъ мнѣ хозяинъ. На базарѣ показывались иногда заѣзжіе калмыки; проѣзжали телѣгами, уставленными на полозья, „рассейскіе" люди, пробирающіеся далѣе на югъ въ Ставропольщину—на линію. Будки на телѣгахъ гарнированы множествомъ лаптей. При кибиткахъ иногда были большія мохнатыя собаки на цѣпяхъ. Это наши воронежскіе овчари двинулись въ „Орду" за гуртами овецъ...

Во многихъ домахъ веселились, были гости. Слышалось пѣніе, лики; на крыльцѣ и за воротами виднѣлись иногда раскраснѣвшіеся безъ шапокъ козаки, встрѣчавшіе или провожавшіе гостей...

Наконецъ, явился „нужный мнѣ человѣкъ". Остановился онъ у кого-то изъ знакомыхъ, и ко мнѣ пришелъ пѣшкомъ. Дѣло мое было просто, нужно было получить хоть часть долга и передѣлать договоры. Въ станичномъ правленіи оказался только какой-то старый писецъ, не писарь станичный, соотвѣтствующій нашему волостному писарю, а писецъ. Все остальное начальство ушло изъ правленія рано по случаю *зазыва* къ кому-то въ гости. Старикъ переписывалъ какія-то бумаги и на мое предложеніе согласился перебѣлить на актовой бумагѣ наши договоры и переписать опись, а ужъ на другой день мы должны были явиться въ правленіе для явки.

Въ сумерки писецъ принесъ мнѣ бумаги, и увидавъ „полячку", собиравшуюся топить грубку, поздоровался съ нею. Когда та вышла, я спросилъ его.

— Развѣ вы ее знаете?

— Еще бы, я служилъ тогда въ окружномъ правленіи. Доподлинно знаю. Какъ не знать. Мы ее судили...

Я обрадовался случаю и предложилъ пойти къ моему контрагенту, думая тамъ какъ-нибудь поразспросить. Но контрагента мы не застали на его квартирѣ, куда-то ушелъ, и я, не желая выпускать изъ рукъ писца, отъ котораго можно бы узнать исторію „полячки", предложилъ ему зайти въ гостинницу напиться чаю. Онъ согласился и скоро мы уже сидѣли за столомъ, застланнымъ розовою грязною салфеткою, имѣя предъ собою „двѣ пары" чаю и двойной графинчикъ съ закуской. Въ трактирѣ было людно. За столиками сидѣло много компаній по два, по три и по четыре человѣка; большею частью пили чай съ присоединеніемъ водки въ разныхъ размѣрахъ; накурено было сильно, въ боковой комнатѣ слышно было, какъ стучали шары на билліардѣ и по временамъ раздавался дружный хохотъ. Большинство публики были козаки.

Кое-какъ мнѣ удалось разговоръ нашъ навернуть на „полячку" и изъ этого разговора я узналъ слѣдующее:

Она называлась Евпраксія Горнюкова—по ихнему, какъ выразился разсказчикъ, *Пракседа*. Жила она на хуторѣ у полковника Г—нова, гдѣ у него былъ цѣлый поселокъ его же подданныхъ. Она была у него и экономкой, и любовницей. Дѣтей у нея не было; „можетъ быть потому, что полковникъ былъ уже старъ", комментировалъ мой собесѣдникъ. Да при томъ же она его не любила, но была во всемъ исправна, хозяйственна и никто ничего за нею не замѣчалъ. Немолодою уже она полюбилась съ однимъ человѣкомъ, бѣглымъ изъ Россіи. Стала проситься замужъ за него. Тутъ-то у нихъ и началось: этихъ купленныхъ дѣвокъ рѣдко отдавали замужъ, а ужъ ее, разумѣется, не отдалъ бы полковникъ; она стала надоѣдать просьбами ему, а онъ послѣ того, когда разъ она со своимъ возлюбленнымъ затѣяла было уйти, сталъ запирать ее на замокъ. Миленькаго дружка то, какъ поймали ихъ, полковникъ наказалъ, а ее подъ замокъ. Тутъ то и случись такъ, что утромъ разъ нашли полковника зарѣзаннымъ въ горницѣ. Заподозрили ее: передъ тѣмъ, будто бы, ея любовникъ было показался гдѣ-то поблизу. Ну,

такъ и порѣшили, что это дѣло ихъ—ея и ея миленькаго, потому что, кромѣ мести, тутъ ничего не могло быть: деньги не тронуты, все цѣло, а только глотка ножемъ перехвачена. Взялись за нее. Ну, разумѣется, въ острогъ ее, слѣдствіе, коммиссія. Чего ни дѣлали—нѣтъ и нѣтъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Всѣ догадывались, что она знаетъ, кто *онъ* таковъ, ея любовникъ, и откуда; ну, какъ заперлась, такъ и шабашъ. Вскорѣ въ острогѣ она и родила, видно отъ миленькаго. Тамъ то ее и „полячкой“ прозвали. И *онъ* гдѣ-то вертѣлся все около; да не поймали по безпечности мѣстной полиціи. Говорили, что *онъ* и въ острогъ за что-то напросился, но такъ и не разузнали. Писали, писали, судили, рядили—что жъ? сознанія нѣтъ, уликъ тоже нѣтъ, приходилось оставить въ сильномъ подозрѣніи. Дѣло тянулось лѣтъ 8—9; подошла подъ манифестъ; выпустили ее съ мальчикомъ. Какъ ужъ она прожила до 1861 года, разсказчикъ не могъ объяснить, только послѣ освобожденія крестьянъ она сошлась съ однимъ человѣкомъ: непремѣнно съ *нимъ* самимъ, потому что и мальченка при ней былъ уже большой; говорятъ, на него похожъ былъ, и поселились они въ этой станицѣ. Возобновлять дѣло нельзя было, давность уже прошла, да и манифестъ... Жили они себѣ покойно. *Онъ* былъ по ремеслу столяръ, и мальчикъ пріучался при немъ. Да случилось такъ, что разъ *онъ* поплылъ съ мальчикомъ за Донъ на лугъ за раками, плыли ужъ назадъ, какъ-то лодка опрокинулась, они и потонули. Она было „умомъ тронулась“, заболѣла, безъ памяти была, выздоровѣла, вотъ и доживаетъ вѣку у добрыхъ людей.

Да! Доживаетъ вѣку! Гдѣ-то другія ея товарки доживаютъ вѣку?!

Я пробылъ еще день въ станицѣ, но мнѣ не пришлось разговаривать съ „полячкою“. Да и что было больше спрашивать, и зачѣмъ спрашивать? Все равно она не сказала бы ничего и мнѣ, какъ не сказала слѣдственной коммиссіи.

Выѣзжалъ я какъ разъ наканунѣ Крещенья, 5-го января. Расплатившись съ хозяевами, я сунулъ въ руку и „полячкѣ“

благодарность за ея услуги. Она не хотѣла брать, не привыкла видно, но я уговорилъ ее. Между прочимъ, я вспомянулъ, что этотъ день у насъ съ нею на родинѣ называется „Голодная кутя".

— Не знаю я, забыла. Вѣдь меня то *оттуль узяли*, я была только на 14-мъ годочку... отвѣтила она.

Вотъ всего только и сказала она про себя лично.

Борисъ Познанскій.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

II.

Переѣздъ изъ Царскаго Села до Кіева.

Утромъ 7-го января, въ Царскомъ Селѣ, около дворца и улицы загромождены были экипажами. Поѣздъ императрицы состоялъ изъ 14 каретъ, 124 саней съ кибитками и 40 саней запасныхъ. Свита, назначенная на время путешествія, была очень многочисленна, часть свиты отправилась впередъ, а именно: статсъ-дамы: графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Екатерина Васильевна Скавронская; камергеры: Евграфъ Александровичъ Чертковъ, Петръ Степановичъ Валуевъ, Василій Петровичъ Салтыковъ; камеръ-юнкеры: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, Александръ Александровичъ Бибиковъ; флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ и полковникъ Василій Степановичъ Поповъ. Въ поѣздѣ императрицы находились посланники: австрійскій, англійскій и французскій, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Екатерина Ивановна Чернышева, отецъ ея графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ, гофмейстеръ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, управляющій кабинетомъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, генералъ-маіоръ Александръ Матвѣевичъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 11.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, флигель-адъютантъ Василій Ивановичъ Левашовъ, камергеръ Александръ Юрьевичъ Нелединскій-Мелецкій; камеръ-юнкеры: Викторъ Павловичъ Кочубей и графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ; дѣйст. ст. совѣтникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; лейбъ-медикъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ, лейбъ-хирургъ Кельхенъ, гофъ-хирургъ Мессингъ, докторъ Вейкартъ, аптекарь Гревсъ. Изъ комнатной прислуги женской: любимицы императрицы камеръ-юнфера Марья Савишна Перекусихина, другая камеръ-юнфера Марія Гуце и двѣ камеръ-медхены. Два камеръ-пажа: Дивовъ и Дурасовъ, парикмахеръ и два камердинера.

Отъ придворной конторы отправлены въ одномъ поѣздѣ съ императрицею: 20 лакеевъ, метрдотелей двое съ поварами, кондитеръ, мундшенкъ, тафельдекеръ, при нихъ ученики по разнымъ должностямъ, два скорохода и два арапа.

Вслѣдъ за императрицею до Кіева отправились нѣсколько чиновниковъ кабинета, иностранной коллегіи, почтамта, придворной конторы, канцелярій Безбородка и Храповицкаго.

Изъ кабинета Стрекаловъ взялъ для подарковъ разныхъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей цѣною на 196,853 р. Вещи были раздѣлены на слѣдующіе разряды:

1) Для губернаторовъ: табакерки, перстни, цѣною отъ 1,600 до 2,700 рублей.

2) Для вице-губернаторовъ: табакерки, часы отъ 1,200 до 1,400 р.

3) Для каждой губерніи: табакерки отъ 300 до 1,000 р.

4) Для каждой губерніи: перстни отъ 400 до 1,000 р.

5) Для губернскихъ предводителей: табакерки и перстни отъ 900 до 1,000 р.

6) Для городничихъ и исправниковъ: табакерки, часы и перстни отъ 180 до 300 р.

7) Табакерки съ портретомъ, цѣною отъ 3,200 до 6,500 р.

8) Табакерки съ вензелемъ отъ 2,000 до 3,000 р.

9) Одинъ солитеръ въ 3,000 р.

10) Табакерки, перстни, часы отъ 45 до 170 р.

11) Сверхъ того: двѣ табакерки: одна въ 7,500 р., другая въ 8,750 р. и два перстня одинъ въ 3,600, а другой въ 4,500 р. [1]).

Въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ съ царскосельской батареи, поѣздъ тронулся. Императрица пригласила съ собою въ шестимѣстную карету: камеръ-фрейлину Протасову, флигель-адъютанта Дмитріева-Мамонова, Льва Александровича Нарышкина и австрійскаго посланника Кобенцеля. Императрица одѣта была въ длинномъ суконномъ кафтанѣ на мѣху, съ шнурами впереди, на головѣ высокая соболья шапка. Въ этомъ костюмѣ крѣпостной человѣкъ князя Потемкина, самоучка-живописецъ Шибаевъ, написалъ портретъ императрицы, съ котораго сохранилась гравюра Валькера [2]).

Во время путешествія императрица не измѣнила своего обыкновеннаго ежедневнаго распредѣленія времени, и сообразясь съ этимъ распредѣленіемъ, назначены были станціи для обѣдовъ и ночлеговъ. Въ 9 часовъ утра выѣзжали со станціи, въ 2 часа остановка для обѣда, а въ 7 часовъ вечера для ночлега. Императрица вставала рано, иногда въ 6 часовъ, и утромъ занималась дѣлами съ Безбородко, Храповицкимъ, Стрекаловымъ и др. Послѣ обѣда, императрица переодѣвалась и приходила въ общую залу, разговаривала съ спутниками, играла въ карты и въ 9 часовъ вечера уходила въ свою комнату, гдѣ и писала письма до 11 часовъ вечера. Только при такомъ правильномъ распредѣленіи времени, императрица успѣвала заниматься государственными дѣлами и вести свою переписку съ великимъ княземъ и великою княгинею, великими князьями, съ Брюсомъ, Еропкинымъ, съ бароном Гриммомъ и др. лицами [3]).

Спутники императрицы въ шестимѣстномъ ея возкѣ, съ каждаго обѣда и ночлега перемѣнялись—кромѣ камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой и графа Александра Матвѣевича

---

[1]) Архивъ каб. ея в. л. а. д 176.

[2]) Изъ Камеръ-фурьер. жур. 1787 г.—тоже Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 32.

[3]) Письма эти напечатаны въ Сборникѣ истор. общества, въ Рус. Архивѣ, въ Рус. Старинѣ и въ др. печатныхъ изданіяхъ. Изъ напечатанныхъ писемъ будутъ помѣщаться только особенно необходимыя выписки, но письма Брюсу, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныя, будутъ излагаться вполнѣ.

Дмитріева-Мамонова, которые постоянно, безсмѣнно находились въ возкѣ императрицы.

Императрица относилась всегда къ спутникамъ своимъ съ особенною вѣжливостію, любезностію и деликатностію, особенно къ иностраннымъ посланникамъ (см. Донесеніе англійскаго посланника Фицъ-Герберта, помѣщ. въ сочиненіи Григоровича о Безбородкѣ). Несмотря на дальнее разстояніе и зимнее время, путешествіе скорѣе походило на прогулку, такъ какъ ѣхали въ возкахъ, движеніе которыхъ было также плавно и покойно, какъ движеніе гондолъ—такъ писалъ англійскій посланникъ Фицъ-Гербертъ, спутникъ Екатерины (тамъ же). Мы думаемъ, что это сравненіе было слишкомъ поэтично, такъ же какъ и отзывъ другаго спутника графа Сегюра. „Мы ѣхали по огненному пути, котораго свѣтъ былъ ярче солнечнаго свѣта“ (см. Записки Сегюра). Освѣщенія было довольно отъ горѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги смоляныхъ бочекъ и костровъ изъ елей, но на разстояніи каждыхъ 30 саженъ, что едва ли можно сравнить съ солнечными лучами. Для иностранцевъ, конечно, вечерніе переѣзды при этомъ освѣщеніи были очень эффектны, особенно когда при этомъ освѣщеніи впереди и около возка императрицы скакали верховые съ факелами (см. Херсон. Губ. Вѣд. 1871. №. 32).

Въ шестимѣстномъ возкѣ не только не скучали, но всегда были веселы и время шло незамѣтно въ разговорахъ чрезвычайно разнообразныхъ. Непринужденность и игривый умъ императрицы и французскаго посланника графа Сегюра поддерживали постоянно веселое настроеніе собесѣдниковъ. Обращаясь всегда мило и свободно, она не допускала никогда фамиліарности, особенно со стороны посланниковъ. Одинъ разъ графъ Сегюръ вышелъ было изъ границъ вѣжливой почтительности и тотчасъ же былъ наказанъ. Случилось это такъ: императрица, сидя съ нимъ въ шестимѣстной путевой каретѣ vis-à-vis, попросила сказать какое-нибудь шутливое изъ его сочиненій; графъ увлекся и началъ читать „un conte galant“—но при первыхъ стихахъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и не могъ продолжать: онъ увидѣлъ, что выраженіе лица императрицы вдругъ измѣнилось, вмѣсто веселости и привѣтливости, онъ видѣлъ то величіе,

которое было свойственно только ей и, не слушая начатаго стихотворенія, она громко сдѣлала вопросъ графу о предметѣ совершенно постороннемъ. Онъ понялъ—и не продолжалъ свой conte galant (изъ Записокъ гр. Сегюра).

Первая остановка, 7 января, была въ 1 часу дня въ городѣ Рожественѣ, куда императрица въѣхала при колокольномъ въ церквахъ звонѣ. Передъ домомъ, гдѣ назначено было пребываніе императрицы, встрѣтилъ ее петербургскій губернаторъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, уѣздный предводитель дворянства и купечество съ хлѣбомъ и солью. Передъ домомъ же стоялъ почетный караулъ съ штандартомъ отъ кирасирскаго „наслѣдничьяго полка“. Послѣ обѣда, изъ Рожествена сдѣланъ переѣздъ въ гор. Лугу (65 в.) къ ночлегу. Городъ былъ иллюминованъ, а при въѣздѣ освѣщаемые зажженными смоляными бочками ремесленники встрѣтили съ своими цеховыми значками. Для спутниковъ императрицы былъ изготовленъ ужинъ, но она не выходила къ столу, оставаясь во внутреннихъ покояхъ.

8 января изъ Луги проѣхали черезъ Ѳеофилову пустынь, гдѣ былъ обѣдъ, въ городъ Порховъ на ночлегъ. Между станціями Чалазъ и Боровичи, на границѣ псковской губерніи, встрѣтили императрицу: смоленскій и псковскій генералъ-губернаторъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ съ дворянствомъ возлѣ нарочито устроенныхъ тутъ тріумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ изъ ельника. Въ гор. Порховѣ также тріумфальныя ворота и иллюминація. На другой день утромъ, въ 9 часовъ передъ домомъ, гдѣ было пребываніе императрицы, народъ толпился, въ ожиданіи увидѣть ее, а на площади пестрѣли покрытыя разноцвѣтными коврами и сукнами кибитки и сани всевозможныхъ упряжекъ. Уѣздныя чиновницы и помѣщицы прискакали съ просьбою представиться императрицѣ. Желаніе ихъ было исполнено. Камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова въ „камеръ-собраніи“, такое давалось названіе комнатѣ, гдѣ собиралась свита,—поочередно представляли дамъ, которыхъ императрица жаловала къ рукѣ. Такимъ же порядкомъ князь Николай Васильевичъ представилъ чиновниковъ и дворянство. Купечество подносило хлѣбъ и соль.

Садясь въ карету, императрица сверхъ постоянныхъ ея спутниковъ, камеръ-фрейлины и Александра Дмитріевича Мамонова, пригласила ѣхать съ нею: графа Андрея Петровича Шувалова, графа Ангальта и графа Кобенцеля.

Отъѣзжая изъ Порхова, императрица поручила секретарю своему Александру Васильевичу Храповицкому писать журналъ [1]) высочайшаго путешествія и пересылать его въ Петербургъ къ графу Якову Александровичу Брюсу, а въ Москву къ главнокомандующему Москвою Еропкину. „Для отвращенія въ столицахъ пустыхъ рѣчей, pour les tenir en haleine и чтобъ дать жваку“ (см. Зап. Храповицкаго).

Изъ Порхова императрица написала къ Брюсу: „графъ Яковъ Александровичъ! вчерашній день, то есть въ пятницу въ вечеру, въ девятомъ часу, я благополучно сюда пріѣхала и мы всѣ здоровы. Въ девять часовъ сего утра ѣду отселѣ далѣе въ путь. Князя Репнина мы наѣхали на псковской границѣ и мнѣ онъ показался такъ толстъ и здоровъ, какъ я его давно уже не видала“.

По дорогѣ отъ Порхова, въ 28 верстахъ, въ деревнѣ Дубровкѣ остановка для обѣда назначена была въ домѣ помѣщика, отставнаго гвардіи прапорщика Мягкаго; къ обѣду былъ приглашенъ хозяинъ.

Не доѣхали еще Великихъ Лукъ, какъ снѣгъ сошелъ съ глубокопесчаной дороги и проѣхать по ней въ экипажахъ императорскаго поѣзда, бывшихъ на полозьяхъ, было почти невозможно. Мѣстныя власти озаботились предупредить замедленіе и неудобство ѣзды — для этого устроили искусственный санный путь: нагнали крестьянъ съ бочками воды и ведрами, залили песокъ водою, а морозъ въ 18° докончилъ дѣло, вода замерзла, набросали еще снѣгу и высочайшій поѣздъ безъ затрудненія прибылъ въ Великіе Луки (см. Taurische Reise der Kaserin v. Russland. Koblenz. 1799 г., стр. 22) 10 января въ 6 часовъ вечера, при пушечной пальбѣ съ крѣпости. Крѣпость эта, зем-

[1]) Журналъ путешествія печатался своевременно въ тогдашнихъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ляная, находилась тогда на лѣвомъ берегу р. Ловати съ бастіонами и окружена была палисадомъ. Посадъ находился на правомъ берегу (см. Путешествіе е. и. в. въ полуденный край. 1786 г., стр. 9).

Въ Великихъ Лукахъ живописецъ какой-то представилъ императрицы свою работу, за которую пожаловано ему 100 р. Коменданту крѣпости въ золотой табакеркѣ пожаловано 200 червонныхъ.

11 января, прощаясь въ Великихъ Лукахъ съ чинами псковской губерніи, императрица пожаловала псковскому губернатору Пилю орденъ св. Владиміра 2-й степени, а затѣмъ предводителямъ, судьямъ, городничимъ, исправникамъ и пр. роздано отъ имени императрицы подарковъ цѣнностію на сумму 7,096 руб. (Изъ приходорасход. докум. архива кабинета е. в.).

При отъѣздѣ изъ Великихъ Лукъ въ карету императрицы приглашены были: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Александръ Юрьевичъ Нелединскій-Мелецкій и графъ Кобенцель.

На границѣ псковскаго и полоцкаго намѣстничествъ въ дер. Сеньково откланялись: генералъ-губернаторъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ и псковскій губернаторъ Пиль. Императрица благодарила ихъ за устройство губерніи имъ ввѣренной. Сюда же выѣхали: генералъ-губернаторъ Петръ Богдановичъ Паленъ, полоцкій губернаторъ Лунинъ, губернскій предводитель Снарскій и прочіе уѣздные предводители и дворяне.

Обѣдъ 11 января былъ въ домѣ генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго въ мѣстечкѣ Усвятъ, основанномъ въ 1527 г. для обороны отъ литовскихъ и польскихъ нападеній. Во время самозванцевъ Усвятъ былъ отнятъ у насъ поляками, но въ 1772 г. возвращенъ (см. Путешествіе въ полуденный край, стр. 10—11).

Въ 7 часовъ вечера прибыли въ городъ Велижъ, откуда на другой день, 12 января, послѣ пріема императрицей дворянства и чиновниковъ, выѣхали въ 9 часовъ утра по дорогѣ въ Смоленскъ; въ гор. Порѣчье встрѣтили императрицу снова генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, смоленскій губернаторъ Платонъ Храповицкій, губернскій предводитель Степанъ Храповицкій, дворяне, чиновники и купечество.

12 января, къ вечеру, императрица прибыла въ Смоленскъ.

О приближеніи къ городу царскаго поѣзда жителямъ Смоленска дано было знать ракетою, пущенною съ Покровской горы, еще въ 5-мъ часу, когда поѣздъ находился на послѣдней станціи въ селѣ Териховѣ. Загудѣли колокола Успенскаго собора и всѣхъ церквей, а по кремлевскимъ стѣнамъ и башнямъ загорѣлась иллюминація. На встрѣчу императрицы выѣхали верхами генералъ-губернаторъ князь Репнинъ съ дивизіоннымъ генералитетомъ, съ штабъ и оберъ-офицерами и дворянами. Императрица въѣзжала въ своемъ путевомъ экипажѣ, въ шестимѣстной каретѣ, съ нею сидѣли: камеръ-фрейлина Протасова, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, посланники графъ Сегюръ и Фицъ-Гербертъ.

Торжественный въѣздъ императрицы, въ 8 часовъ вечера въ Смоленскъ, освѣщенный иллюминаціею, былъ небывалымъ зрѣлищемъ для смоленскихъ жителей. Сто почталіоновъ верхами скакали около экипажей съ зажженными факелами; впереди ѣхали верхами же генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, губернскій предводитель Храповицкій, двѣнадцать уѣздныхъ предводителей, 12 депутатовъ отъ дворянства, избранныхъ тогда для составленія дворянской родословной книги и 50 другихъ дворянъ. Плацъ-маіоръ съ 24 человѣками штатной конницы открывалъ шествіе. Передъ городомъ встрѣчало купечество и ремесленники съ цеховыми своими значками; въ предмѣстьи у нарочито выстроенныхъ тріумфальныхъ воротъ магистратъ; у Днѣпровскихъ городскихъ воротъ комендантъ крѣпости Эттингеръ съ городскими ключами; передъ Успенскимъ соборомъ епископъ смоленскій Парфеній съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, съ животворящимъ Крестомъ, на Малаховской улицѣ у народнаго училища стоявшіе въ три ряда 167 учениковъ и учители; у Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря духовенство и игуменья съ монахинями, у присутственныхъ мѣстъ члены всѣхъ палатъ съ чиновниками. При безпрестанной пушечной пальбѣ съ крѣпости, называемой *Королевской*, императрица въ четверть девятаго часа вечера прибыла ко дворцу. Стоявшій тутъ почетный караулъ отъ ингерманландскаго карабинернаго полка отдалъ честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ. На подъѣздѣ

ожидали: исправляющій должность губернатора вице-губернаторъ Иванъ Храповицкій и совѣтники, намѣстники правленія; передъ внутренними покоями императрицу встрѣчала жена генералъ-губернатора княгиня Дарья Александровна Репнина. Императрица удалилась въ свои покои, а вся свита, по приглашенію князя Репнина, отправилась къ нему на ужинъ.

13 января, въ 11-ть часовъ утра, съѣхались во дворецъ: высшее духовенство, дворянство, всѣ гражданскіе и военные чины. Первый былъ принятъ императрицею епископъ Парфеній; онъ поднесъ икону и сказалъ привѣтственную рѣчь; за нимъ выступилъ губернскій предводитель полковникъ Степанъ Храповицкій, для котораго пріѣздъ императрицы совпалъ съ днемъ семейной радости: въ то самое время, когда онъ садился на лошадь для встрѣчи императрицы, у него родилась дочь. Онъ сказалъ императрицѣ слѣдующую рѣчь, которая ей очень понравилась (см. Записки Храповицкаго, стр. 23): „Всемилостивѣйшая государыня! Тобою мы счастливы и благоденствуемъ. Ты царствуешь надъ нашими сердцами, неисчетными благодѣяніями твоими преисполненными; то ни съ чѣмъ несравненно величайшее наше счастіе, радость и восхищеніе тебя видѣть и лобызать десницу намъ благотворящую“ (см. Особенный журналъ путешествія 1787 г., рукопись, хранящ. въ арх. мин. имп. дв.).

Въ тотъ же день къ обѣду во дворецъ, въ присутствіи императрицы, приглашено было 76 лицъ, въ томъ числѣ епископъ Парфеній, архимандриты Петръ, Авраамієвскаго монастыря, и Іеронимъ, вяземскаго Предтечинскаго монастыря, князь Репнинъ съ женою, предводители, высшіе гражданскіе и военные чины и 12 депутатовъ отъ дворянства. Столъ кончился въ 2 часа по полудни (тамъ же).

Вечеромъ, по повѣсткѣ, съѣхались во дворецъ „генералитетъ“, дворянство и высшіе гражданскіе чины. Императрица вышла въ залу изъ своихъ покоевъ въ 7-мъ часу, и жаловала къ рукѣ представленныхъ ей камеръ-фрейлиною Протасовою смоленскихъ и пріѣзжихъ изъ уѣзда дамъ; потомъ, поигравъ до 8 часовъ въ карты, она удалилась въ свои покои. Балъ былъ блистательный, съѣхалось болѣе 300 дамъ, одѣтыхъ со вкусомъ

и по послѣдней модѣ (см. Mem. de Ségur., т. III, p. 12). Императрица писала къ графу Я. А. Брюсу: „на другой день моего пріѣзда въ сей городъ, былъ у меня по утру и въ вечеру такой съѣздъ, что я думала, что я на Москвѣ или въ Петербургѣ". (Изъ писемъ къ Брюсу).

По маршруту, въ Смоленскѣ предположено было остановиться только на три дня, но простуда многихъ изъ свиты и прислуги, а особенно болѣзнь Дмитріева-Мамонова, принудила пробыть въ Смоленскѣ нѣсколько лишнихъ дней.

„Графъ Яковъ Александровичъ, писала императрица 14 января, по причинѣ встрѣчныхъ вѣтровъ и великой стужи, отъ которой между служителями многіе имѣютъ боль въ глазахъ, я разсудила за благо здѣсь остановиться нѣсколько дней болѣе, нежели я думала, и надѣюсь съ Божіею помощью выѣхать отсюда въ понедѣльникъ. Я здорова и пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Смоленскъ 14 января 1787 г.".

О болѣзни Мамонова императрица не написала къ Брюсу, но наканунѣ отъѣзда изъ Смоленска написала объ этомъ великому князю Павлу Петровичу. „Я здѣсь остановилась дня четыре болѣе, нежели я думала, по причинѣ той, что Александръ Матвѣевичъ былъ болѣнъ, да всѣ устали и многіе глазами жаловались" (см. Сборникъ истор. общ. XXVII, 403). Послѣ, изъ Кричева, къ барону Гримму императрица писала объ этой неожиданной остановкѣ въ Смоленскѣ подробнѣе: „господинъ красный кафтанъ (такое прозваніе она давала Мамонову въ письмахъ своихъ къ Гримму) растянулся во весь ростъ на своей постели въ жестокой лихорадкѣ (fievre de cheval, въ подлинникѣ, писанномъ на французскомъ языкѣ) и съ страшною болью въ горлѣ, но г. Рожерсонъ (лейбъ-медикъ императрицы) прервалъ болѣзнь порошками Жемса и шпанскою мушкою, что окончательно его вылечило во время четырехдневнаго пребыванія моего въ этомъ городѣ. Замѣчательно, что отъ встрѣчнаго вѣтра, дувшаго 72 часа, большая часть служителей, пріѣхавшихъ въ Смоленскъ, заболѣли глазами".

Вниманіе императрицы къ семейству Мамонова было такъ велико, что озабоченная мыслью объ испугѣ отца Александра

Матвѣевича, когда до него дойдетъ слухъ о болѣзни его сына, она поручила главнокомандующему въ Москвѣ передать посылаемое письмо Александра Матвѣевича отцу его Матвѣю Васильевичу и увѣрить старика „по чести и по совѣсти, что ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія въ семъ припадкѣ, дабы не встревожены были какими ложными слухами“ (см. Сочинен. Екатерины II, изд. Смирдина, т. III, стр. 332).

14 января императрица утромъ никого не принимала и не выходила изъ своихъ комнатъ до 6-ти часовъ вечера, а потомъ вышла въ „собраніе“, т. е. въ залу, гдѣ собиралась свита, и провела вечеръ, играя въ карты до 8-ми часовъ.

15 января, во дворцѣ (такъ называли по случаю пріѣзда домъ, гдѣ остановилась императрица) императрица крестила передъ обѣдомъ новорожденную дочь губернскаго предводителя Степана Юрьевича Храповицкаго, а потомъ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ пріѣхавшаго изъ Бѣлоруссіи католическаго архіепископа могилевскаго и полоцкаго Станислава Сестренцевича-Богуша. Французскій посланникъ графъ Сегюръ, присутствовавшій при этомъ представленіи, послѣ, когда Сестренцевичъ ушелъ, высказалъ императрицѣ свое удивленіе, что пріемы и походка архіепископа приличнѣе военному, нежели духовному лицу.—„Неудивительно, отвѣчала Сегюру императрица,—онъ служилъ долго капитаномъ въ драгунахъ. En cette qualité, je vous conseille de vous confesser à lui“.

„Добродушный прелатъ доказалъ вскорѣ на самомъ дѣлѣ, что онъ не забылъ своей прежней кавалерійской службы и провожалъ императрицу до Кіева верхомъ, не жалуясь ни на усталость, ни на холодъ“ (см. Записки Сегюра). Вечеромъ въ городѣ случилась страшная тревога: пожаръ возлѣ самаго дворца, который былъ деревянный; загорѣлся и сгорѣлъ до тла домъ княгини Друцкой-Соколинской. Опасность для дворца была такъ близка, что готовились придворные экипажи для выѣзда императрицы и свиты, но пожаръ скоро былъ потушенъ, и при отъѣздѣ изъ Смоленска императрица пожаловала княгинѣ денегъ на постройку каменнаго дома изъ суммъ кабинета четыре тысячи рублей (Дѣло кабинета е. в., стр. 489 и Днев. Храпов., 13.

Тоже Исторія губ. гор. Смоленска Д. И. Мурзакевича. Смоленскъ. 1804 г., стр. 218).

16 января больные все еще не поправлялись и императрица не выходила изъ своихъ комнатъ—пріему никакого не было, а вечеромъ приглашенъ былъ только кн. Репнинъ съ супругою. (К.-фур. ж.).

Наконецъ больные всѣ поправились. 17 января императрица писала графу Брюсу: „въ пятницу крестила я дочь губернскаго предводителя, которая родилась въ самое то время, какъ онъ садился на лошадь для встрѣчи; сего вечера будетъ у меня балъ, а завтра по утру, дастъ Богъ здоровья, поѣду отселѣ и буду ночевать въ могилевской губерніи, въ городѣ Мстиславлѣ".

Въ воскресенье 17 января, наканунѣ отъѣзда, въ началѣ 12 часа, императрица, пригласивъ съ собою камеръ-фрейлину Протасову, въ четверомѣстной каретѣ, въ сопровожденіи всей свиты, изъ дома генералъ-губернатора, гдѣ она имѣла пребываніе, выѣхала къ обѣднѣ въ церковь Іоанна Предтечи, близъ Успенскаго собора. На паперти встрѣтилъ епископъ Парфеній съ духовенствомъ. Литургію служилъ онъ же съ духовникомъ императрицы Іоанномъ Іоанновичемъ Панфиловымъ.

Послѣ литургіи императрица посѣтила епископа Парфенія въ его келіи, гдѣ онъ показалъ государынѣ серебряные церковные сосуды и чеканныя серебряныя царскія двери, изготовленныя для новостроившагося собора. Императрица пожаловала преосвященному 1,000 руб., на соборъ и архіерейскій домъ 1,000 р., на смоленскую семинарію и на духовныя училища въ прибавокъ къ ежегодной суммѣ еще 2,500 р. Тремъ монастырямъ въ Смоленскѣ 500 р. и на богадѣльню 500 р. (Изъ К.-ф. ж. 1787 г. и изъ дѣла арх. каб. е. в.).

Передъ обѣдомъ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ чиновниковъ и дворянъ смоленской губерніи, которымъ пожалованы были разные драгоцѣнные подарки. Въ этотъ же день князь Репнинъ выпросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Императрица уволила его только на два года съ сохраненіемъ жалованья (Дѣло № 65 архива кабинета е. в.). Вечеромъ, въ 5-мъ часу съѣхались во дворецъ приглашенные на

балъ; императрица вышла въ залу въ 7 часовъ, и балъ былъ открытъ, оберъ-шталмейстеромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ съ камеръ-фрейлиною Протасовою. Императрица смотрѣла на танцующихъ, играя по обыкновенію въ карты съ посланниками, и въ 9 часовъ удалилась во внутренніе покои.

18 января императрица, въ 9 часовъ утра, выѣхала изъ Смоленска, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, въ дорожномъ шестимѣстномъ возкѣ, пригласивъ съ собою князя Репнина, Л. А. Нарышкина и графа Кобенцеля.

Во все время пребыванія императрицы въ Смоленскѣ, народъ бѣгалъ за нею толпами, когда она проѣзжала по улицамъ, и съ утра толпился передъ дворцомъ. Бывшій при императрицѣ секретарь Храповицкій обратилъ на это ея вниманіе. „И медвѣдя смотрѣть кучами собираются“, отвѣчала Екатерина (см. Записки Храповицкаго, стр. 23).

Безпрестанное стеченіе народа передъ покоями ея величества во все время пребыванія въ Смоленскѣ, выражало общую радость и удовольствіе видѣть свою монархиню (Журналъ путешествія 1787 г. Рукопись).

Выѣздъ изъ Смоленска послѣдовалъ съ тою же торжественною обстановкою, какъ и прибытіе.

На границѣ смоленскаго и могилевскаго намѣстничествъ встрѣтилъ могилевскій генералъ-губернаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ съ дворянами. Обѣдъ былъ въ мѣстечкѣ Хославичахъ, въ домѣ помѣщика, камергера графа Алексѣя Владиміровича Салтыкова, который приглашенъ былъ къ столу императрицы; къ вечеру 18 января, въ 6 часовъ, пріѣхали на ночлегъ въ гор. Мстиславль при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. При въѣздѣ въ городъ, у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили цеховые и ремесленники съ ихъ значками. Городъ весь былъ иллюминованъ и особенно красовалась іезуитская церковь, освѣщенная разноцвѣтными огнями.

Вечеромъ въ іезуитской церкви совершено благодарственное богослуженіе по случаю пріѣзда императрицы, и многіе изъ свиты ѣздили туда слушать церковную музыку. На слѣдующій день, 19 января, въ 10-мъ часу утра, представились императрицѣ:

Георгій Конисскій, архіепископъ могилевскій, Станиславъ Сестренцевичъ, архіепископъ католическій, и Ленкевичъ, генеральный викарій іезуитскаго ордена, Ираклій, архіепископъ уніатскій, также дворянство съ предводителемъ. Архіепископъ Георгій Конисскій сказалъ императрицѣ свою знаменитую рѣчь: „Пресвѣтлѣйшая императрица! оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается или солнце обращается вокругъ земли. Наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, дабы мы въ благополучіи почивали". (См. другой текстъ рѣчи Георгія Конисскаго въ „Русской Старинѣ" IV, 191—192). Іезуиты поднесли императрицѣ печатные привѣтственные стихи на разныхъ языкахъ. Въ это время въ іезуитскомъ смоленскомъ коллегіумѣ находилось двадцать іезуитовъ изъ поляковъ, одинъ только былъ нѣмецъ и одинъ австріецъ (изъ рукописи журнала путешествія).

Іезуиты напомнили еще разъ о себѣ въ мѣстечкѣ Кричевѣ, принадлежавшемъ тогда князю Потемкину, гдѣ былъ ночлегъ. Костелъ іезуитскій былъ великолѣпно освѣщенъ разноцвѣтными огнями.

Въ мѣстечко Пропойскъ, принадлежавшее тогда бывшему оберъ-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну, прибыли 20 января къ обѣду. Князь Голицынъ, жившій въ Москвѣ, писалъ по этому случаю въ Вѣну къ брату своему князю Дмитрію Михайловичу: „Домъ въ Пропойскѣ хотя и просто построенъ, но покоенъ и убранъ пристойнымъ образомъ. Онъ лежитъ на горѣ и на мѣстѣ весьма красивомъ и видномъ; подъ горою и подъ самымъ домомъ соединились двѣ большія рѣки, на другой сторонѣ которыхъ находится пространный лугъ, обшитый (sic) дубовымъ лѣсомъ. Сію вотчину, въ 3,400 душъ мужеска пола состоящею, имѣю я отъ щедротъ ея императорскаго величества, и ежели оная не была бы въ 600 верстахъ отъ Москвы, тобъ не можно для меня имѣть пріятнѣйшаго пребыванія, какъ въ оной". (Изъ бумагъ князя Голицына, хранящихся въ главномъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ въ Москвѣ).

На ночлегъ прибыли въ мѣстечко Чечерскъ, жалованное графу Захару Григорьевичу Чернышову, въ которомъ жила тогда

вдова его графиня Анна Родіоновна. У тріумфальныхъ воротъ ожидали купцы, мастеровые и ремесленники съ ихъ цеховыми значками.

Здѣсь же явился къ императрицѣ фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, въ качествѣ генералъ-губернатора трехъ малороссійскихъ губерній. Во время проѣзда отъ тріумфальныхъ воротъ до самаго дома, возокъ императрицы сопровождали верхами графъ Румянцевъ съ дворянами, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ.

На подъѣздѣ дома встрѣтили императрицу гр. Румянцевъ, хозяйка-графиня и ея родственники, бывшій тогда въ свитѣ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и дочь его, фрейлина графиня Екатерина Ивановна. (См. К.-ф. ж.)

Изъ Чечерска императрица писала къ графу Я. А. Брюсу: „Сего вечера, въ осьмомъ часу, я пріѣхала сюда, гдѣ нашла у графини Чернышевой превеликое число людей; она меня встрѣтила обще съ генераломъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ; скажите графинѣ Марьѣ Андревнѣ [1]), что онъ на виду свѣжъ, здоровъ и бодръ такъ, какъ я его видѣла шесть лѣтъ назадъ. Я здорова и всѣ при мнѣ находящіеся. Завтра по утру я поѣду отселѣ въ 11 часу. Послѣ завтра съ помощью Божіею ночевать буду въ Новгородѣ Сѣверскомъ". (Изъ писемъ къ Брюсу.)

Въ Чечерскѣ постоянный спутникъ шестимѣстнаго возка генералъ-маіоръ и кавалергардскаго корпуса корнетъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. (Высоч. повел. по придв. части, кн. № 168).

Въ Чечерскѣ, особенно вниманіе путешествующихъ обращала на себя оригинальная иллюминація еврейскаго школьнаго дома и жидовская музыка, игравшая на ратушѣ во время иллюминаціи.

Старушка графиня Чернышева, проводивъ императрицу, отправилась къ своей сосѣдкѣ госпожѣ Фабриціановой пора-

---

[1]) Мать Румянцева, рожденная графиня Матвѣева, оберъ-гофмейстерина, скончалась въ слѣдующемъ 1788 году, девяноста лѣтъ отъ роду.

сказать о своей радости, какъ ей удалось угостить императрицу, объ оказанныхъ ей милостяхъ, о великолѣпіи императорскаго поѣзда и пр.; графиня осталась ночевать у сосѣдки и за этотъ визитъ едва не поплатилась своею жизнію.

„Во время ночлега графини у госпожи Фабриціановой сгорѣлъ сей генеральши домъ, въ которомъ потерю считаютъ не токмо на большую сумму денегъ, но притомъ и имѣли несчастіе погибнуть пріѣхавшіе туда съ графинею маіоръ Луксъ, землемѣръ и одинъ офицеръ. Графиня и хозяйка дома сами едва спаслись". (Изъ письма кн. Александра Мих. Голицына къ Пассеку, находящагося въ бумагахъ Голицынскихъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ этомъ происшествіи упоминается и въ книгѣ *Tauruche Reise*, стр. 44).

21 января, въ мѣстечкѣ Столбунь, на границѣ новгородъ-сѣверской губерніи, назначенъ былъ обѣдъ, и здѣсь явился губернаторъ Илья Богдановичъ Бибиковъ съ дворянствомъ. Въ тотъ же день, въ городѣ Новомѣстѣ, у церкви Гамалѣевскаго монастыря, встрѣтилъ архимандритъ Іоаннъ съ крестомъ. Откушавъ чай въ Новомѣстѣ и продолжая путь, въ слободѣ Зыбкой императрица была пріостановлена жителями слободы раскольниками;у тріумфальныхъ воротъ, ими выстроенныхъ, они съ женами и дѣтьми окружили возокъ императрицы и просили принять отъ нихъ хлѣбъ-соль и фрукты. Удостоенные ласковаго пріема, раскольники съ радостными криками провожали императрицу и скакали верхами около ея возка до станціи Нижней, гдѣ была остановка для ночлега въ домѣ помѣщика преміеръ-маіора Миклашевскаго; хозяинъ встрѣтилъ императрицу на крыльцѣ своего дома съ матерью своею и сестрами дѣвицами. (См. К.-ф. ж.)

Выѣзжая со станціи Нижней, 22 января, императрица пригласила въ свой возокъ: графа Петра Александровича Румянцева, Ивана Ивановича Шувалова и графа Сегюра. Раскольники снова явились и поднесли хлѣбъ и соль на серебряномъ блюдѣ.

Послѣ обѣда въ гор. Стародубѣ, въ домѣ помѣщика Шарая, продолжался путь къ Новгороду-Сѣверскому черезъ дер. Андреевку и мѣстечко Смячь; въ послѣднемъ священникъ мѣст-

ной церкви встрѣтилъ съ крестомъ и императрица приложилась ко кресту въ возкѣ, не выходя изъ онаго. (К.-ф. ж.)

Когда поѣздъ приблизился къ Новгороду-Сѣверскому за версту, по ракетному сигналу начались въ городѣ пушечная пальба и колольный звонъ въ церквахъ. У тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ губернаторъ и всѣ мѣстные военные и гражданскіе высшіе чины; на улицѣ купечество и цеховые. Улицы, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, были иллюминованы.

На слѣдующій день, 23 января, утромъ въ 11 часовъ, собрались во дворецъ: Иларіонъ, епископъ новгородъ-сѣверскій и глуховскій съ двумя архимандритами, губернаторъ и купечество. Въ три четверти 12-го часа, императрица вышла изъ своихъ покоевъ и епископъ Иларіонъ первый привѣтствовалъ ее поздравительною рѣчью и поднесъ ей икону и хлѣбъ-соль; затѣмъ выступилъ передъ императрицею и сказалъ также рѣчь 88-лѣтній старикъ дворянинъ Ломиковскій. Всѣ присутствовавшіе были пожалованы къ рукѣ, а къ обѣду въ присутствіи императрицы приглашено было 62 особы.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, съѣхались городскія и пріѣхавшія изъ уѣзда дамы, жены и дочери военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и до начатія бала представлены императрицѣ камеръ-фрейлиною Протасовою. Дамы, неимѣвшія права быть представленными императрицѣ, смотрѣли на балъ съ хоръ. Балъ кончился въ 9 часовъ вечера. (К.-ф. ж.)

Балъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ былъ особенно любопытенъ для посланниковъ, увидѣвшихъ здѣсь въ первый разъ малороссійскія пляски, въ которыхъ особенно отличались дѣвицы Скоропадская и Кулябка. (К.-ф. ж. 1788 г. Записки Храповицкаго подъ 23-мъ января.)

Въ воскресенье, 24 января, отслушавъ литургію въ домовой архіерейской церкви св. пророка Иліи, императрица выѣхала къ обѣду въ мѣстечко Вишенки, принадлежавшее фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву.

Въ Вишенкахъ фельдмаршалъ принималъ императрицу въ построенномъ имъ великолѣпномъ домѣ, на крутомъ берегу р. Десны; все зданіе было въ византійскомъ вкусѣ, съ 24-мя баш-

нями, и замѣчательное по своей оригинальной, необыкновенной архитектурѣ [1]).

Императорскій поѣздъ встрѣченъ былъ пальбою изъ пушекъ, стоявшихъ возлѣ дома. За обѣдомъ также гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа. Передъ отъѣздомъ въ саду и по всему мѣстечку зажжена иллюминація, а передъ домомъ поставлены были разныя, освѣщенныя разноцвѣтными огнями аллегоричическія изображенія съ надписями въ честь императрицы. (См. К.-ф. ж. 1787).

„Я обѣдала у фельдмаршала Румянцева въ Вишенкѣ (писала императрица къ графу Брюсу), гдѣ онъ построилъ домъ весьма изрядный, каменный и съ башнями въ готическомъ вкусѣ, сколько зимой судить можно о положеніи мѣста, то кажется, что оно очень быть должно пріятно". (Изъ неизданныхъ писемъ къ Брюсу). При отъѣздѣ императрица пожаловала прислугѣ графа 1,000 червонцевъ. (Приходо-расход. книга 1787, архивъ каб. Е. В.)

Послѣ ночлега (съ 24-го на 25-е января) въ городѣ Сосницѣ, въ домѣ помѣщика Полторацкаго, на границѣ новгородъ-сѣверскаго и черниговскаго намѣстничествъ встрѣтилъ черниговскій губернаторъ генералъ-поручикъ Андрей Степановичъ Милорадовичъ. Обѣдъ былъ въ городѣ Березнѣ, и отсюда до самаго Чернигова, смѣняясь на каждой станціи, возлѣ возка императрицы скакали верхами нѣсколько дворянъ. Не доѣзжая двухъ верстъ до города Чернигова, выѣхали на встрѣчу верхами: генералъ аншефъ баронъ Эльмптъ, генералъ-поручики: Милорадовичъ и князь Иванъ Голицынъ и генералъ-маіоръ Сергѣй Салтыковъ. У тріумфальныхъ воротъ ожидали: вице-губернаторъ, гражданскіе чины, граждане и ремесленники.

При въѣздѣ въ черниговскую крѣпость, комендантъ крѣпости бригадиръ Мухинъ поднесъ императрицѣ городскіе крѣпостные ключи.

Лучшія зданія въ городѣ были иллюминованы.

---

[1]) Полуразрушенный дворецъ этотъ существовалъ еще въ 1850 г., о чемъ напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ" 1850 г., съ присовокупленіемъ описанія пребыванія

Для пребыванія императрицы выстроенъ былъ къ ея пріѣзду „*путевой дворецъ*“ могилевскимъ дворяниномъ Молотковичемъ на собственныя его деньги. Императрица пожаловала ему 2,000 руб. (Архивъ кабин. л. Б. св. 12).

„Я пріѣхала сюда благополучно и здорова, писала императрица къ Брюсу, здѣсь почти снѣга нѣтъ и тепло становится; острота воздуха вовсе насъ покинула отъ самаго Смоленска“.

Въ Черниговѣ, 26 января, утромъ, представлялся императрицѣ Ѳеофилъ, епископъ черниговскій, съ духовенствомъ и поднесъ икону и книгу „*Новый Завѣтъ*“, напечатанную въ Черниговѣ. Губернскій предводитель Полетика сказалъ привѣтственную рѣчь (см. Чтенія моск. общ. исторіи и древн. Рос. 1865 г. II. 190). Послѣ пріема, передъ обѣдомъ, императрица играла въ шахматы съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, Степаномъ Ѳедоровичемъ Стрекаловымъ и англійскимъ посланникомъ.

Въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи императрицы, начался балъ, во время котораго императрица играла въ карты съ посланниками. Балъ кончился въ 9 часовъ вечера (К.-ф.ж. 1787 г.).

Въ Нѣжинѣ, куда прибыли въ 7 часовъ вечера 27 января, для пребыванія императрицы приготовленъ былъ домъ Александра Андреевича Безбородка (см. Сбор. имп. общества исторіи, т. XXVI, стр. 179), который, опередя императорскій поѣздъ, встрѣтилъ дорогую гостью на подъѣздѣ дома.

Въ Нѣжинѣ построены были къ пріѣзду императрицы тріумфальныя ворота греческимъ торговымъ мѣстнымъ обществомъ и тутъ встрѣчали всѣ нѣжинскіе греки съ женами и дѣтьми, по обыкновенію, поднося хлѣбъ и соль (К.-ф. ж. 1787 г.). Дворянство встрѣчало императрицу у подъѣзда дома Безбородка. На слѣдующій день (28 января) съ 12 часовъ утра начались представленія. Сперва, по принятому порядку, духовенство: первый, нѣжинскаго Благовѣщенскаго, Назаретъ называемаго, монастыря

въ немъ императрицы 17 мая. Неизвѣстно откуда взято это описаніе, незаслуживающее вѣроятія, потому что, по оффиціальнымъ вѣрнымъ документамъ, во первыхъ, императрица была тутъ 23 января, и, во вторыхъ, она только обѣдала въ Вишенкахъ, а не ночевала.

архимандритъ Дороѳей поднесъ икону и съ привѣтственною рѣчью хлѣбъ и соль, за нимъ подходилъ случайно бывшій въ то время въ Нѣжинѣ іерусалимскаго монастыря Гроба Господня архимандритъ Варѳоломей. Императрицѣ очень понравилась рѣчь архимандрита Дороѳея: „онъ хорошо выражалъ слова, къ Кресту относящіяся“, сказала императрица своему секретарю Храповицкому (см. Записки Храповицкаго, стр. 24).

Послѣ духовенства, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова представила нѣжинскихъ дамъ и женъ купцовъ, а генералъ-губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ и „знатныхъ“ изъ купечества. Старшина греческаго нѣжинскаго торговаго общества Павло-Эліатъ сказалъ императрицѣ рѣчь на греческомъ языкѣ. Императрица всѣхъ жаловала къ рукѣ (К.-ф. ж. 1787 г.). Въ письмѣ къ великому князю Константину Павловичу, котораго обучали греческому языку, императрица писала изъ Нѣжина: „въ Нѣжинѣ я слушала греческую рѣчь, я не поняла ни одного слова, потому что васъ не было со мною“ (изъ бум.изд.Бычковымъ 36—41).

Изъ Нѣжина императрица писала къ великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ: „я прибыла сюда въ добромъ здоровьѣ; завтра, Богъ дастъ, буду въ Кіевѣ, гдѣ мы успѣемъ отдохнуть, хотя никто не жалуется на утомленіе, напротивъ, мое путешествіе такъ расположено, что это скорѣе прогулка“ (Рус. Старина. Ноябрь. 1873 г.).

Въ Нѣжинѣ императрицѣ очень хотѣлось купить игрушекъ для своихъ внучекъ, но ничего приличнаго и занимательнаго не нашли; но греки-торговцы воспользовались посѣщеніемъ императрицею ихъ города и предложили разныя шелковыя и парчевыя матеріи.

Императрицѣ очень понравились два куска черкесской парчи. „Голубую съ серебромъ, писала императрица великой княгинѣ, назначаю вамъ, сударыня, и внучкамъ моимъ. Надѣюсь, что ее достанетъ на васъ. Фіолетовую же съ золотомъ великому князю и внукамъ моимъ и такимъ образомъ къ Пасхѣ всѣ семеро будутъ съ обновками, купленными въ Нѣжинѣ“ (см. Рус. Старина 1873 г. Ноябрь). Парча куплена была у грека Аведуліева за 1,087 руб. (см. дѣло арх. каб. е. в. л. Б.).

Пригласивъ въ свою карету графа Ивана Григорьевича Чернышева, графа Сегюра и графа Кобенцеля, императрица въ половинѣ 2-го часа дня выѣхала изъ Нѣжина; въ мѣстечкѣ Носо́вкѣ (30 верстъ) кушали чай, а въ м. Казарахъ, у нарочито построенныхъ тріумфальныхъ воротъ, на границѣ намѣстничествъ черниговскаго и кіевскаго, встрѣтили: кіевскій губернаторъ Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, губернскій предводитель Каннистъ, предводители и дворяне ближайшихъ уѣздовъ. Тутъ же откланялись черниговскій губернаторъ Милорадовичъ и 12 черниговскихъ дворянъ, сопровождавшихъ верхами императрицу отъ Нѣжина; на смѣну ихъ явились 12 козелецкихъ дворянъ и двадцать поселянъ изъ бывшихъ прежде малороссійскихъ козаковъ.

Не доѣзжая города Козельца, встрѣтили военное начальство расположенныхъ тутъ карабинерныхъ полковъ: переяславскаго, лубенскаго, тверскаго и нѣжинскаго, и всѣ послѣдовали верхами за возкомъ императрицы. При въѣздѣ въ городъ, въ тріумфальныхъ воротахъ мѣщанки бросали цвѣты подъ возокъ императрицы (К.-ф. ж.).

Вечеръ, по обыкновенію, императрица оканчивала „забавляясь въ карты“; въ этотъ день партію ее составляли оберъ-камергеръ Шуваловъ и посланники. Во время карточной игры императрицѣ доложили, что пришли мѣстные купцы и просятъ дозволенія поднести лично хлѣбъ и соль. Желаніе ихъ было исполнено и они, сверхъ хлѣба и соли, на серебряномъ блюдѣ поднесли яблоки и въ стекляныхъ сосудахъ бѣлое и красное „волошское“ вино (К.-ф. ж.).

На слѣдующій день, 29 января, передъ отъѣздомъ, въ Козелецъ явился къ императрицѣ присланный отъ кіевскаго митрополита переяславскаго Вознесенскаго монастыря архимандритъ Іоиль съ иконою.

Въ 9 утра, въ шестимѣстной своей путевой каретѣ, императрица выѣхала изъ Козельца, пригласивъ съ собою спутниками Ив. Ив. Шувалова, графа Сегюра и графа Кобенцеля. Обѣдъ былъ въ Броварахъ, отсюда къ вечеру поѣздъ направился прямо къ Кіеву.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1].

(ОКОНЧАНІЕ).

VI.

Панъ Захарія—единственный наслѣдникъ имѣній.—Война съ женой брацлавскаго хорунжія.—Насильственное занятіе Тывров а.

Младшій сынъ пана Павла рѣзко отличался отъ старшаго брата Августина: безпокойный, энергичный, настойчивый. Только человѣкъ съ желѣзной волей могъ благополучно распутать спорныя дѣла по имуществу, доставшіяся на его долю. Поэтому вся жизнь его прошла въ процессахъ и спорахъ, подогрѣтыхъ самолюбіемъ и желаніемъ во что бы то ни стало поставить на своемъ; вѣчно занятый своими дѣлами, онъ мало интересовался общественной жизнью. Какъ загнанный звѣрь, долженъ онъ былъ обороняться противъ цѣлой стаи претендентовъ на дошедшее къ нему имущество. Онъ боролся съ ожесточеніемъ, испыталъ всѣ орудія и способы, досконально изучилъ современное право, такъ что могъ заткнуть за поясъ любого изъ адвокатовъ, которыми кишѣла окраина. Въ домашнихъ спорахъ и судебныхъ процессахъ протекло почти четверть вѣка, а когда можно было уже успокоиться, то не хватило силъ и охоты къ общественной дѣятельности. При томъ же поднялись новыя вѣянія, чувствовалась

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 11.

необходимость реформъ, все кругомъ толковало объ этомъ, но панъ Захарія былъ человѣкомъ стараго закала; онъ строго держался принциповъ барской конфедераціи и не отступалъ отъ этой почвы *usque ad finem*, хотя и не препятствовалъ сыновьямъ искать новыхъ путей.

Внѣшняя исторія пана Захаріи не сложна: родился онъ въ 1700 г., въ 36 лѣтъ былъ назначенъ мечникомъ винницкимъ, въ 50—стольникомъ винницкимъ, и дальше не двигался. Титулы не составляли для него приманки. Въ 1742 г. онъ женился на Маріаннѣ Щеніовской, дочери теребовльскаго подчашія Михаила изъ Вел. Щеніова и Ходорова и жены его Анны изъ Паславья. На другой день панъ Захарія внесъ въ акты документъ, обезпечивающій на родовыхъ помѣстьяхъ вѣно жены въ суммѣ 40,000 зл. Бракъ былъ удачный. Панъ Захарія нашелъ въ женѣ помощницу энергичную, заботливую и домовитую. Она вела обширное домашнее хозяйство въ многочисленныхъ имѣніяхъ мужа, за всѣмъ успѣвала приглядѣть, вездѣ распорядиться во время и кстати. Переписка ея съ мужемъ по поводу хозяйственныхъ заботъ представляетъ большой интересъ для характеристики окраинной помѣщичьей жизни. По смерти пана Августина, супруги переселились изъ Олизарова на Волыни въ брацлавскую Василевку. Палацъ былъ расширенъ, устроена каплица, приглашенъ капуцинъ изъ Винницы на должность капеллана; тутъ же во дворѣ жила милиція изъ испытанныхъ козаковъ и драгунъ, для устрашенія гайдамакъ, нерѣдко появлявшихся въ окрестности. Уничтоженные ранѣе степные хутора, пикеты и „паланки“ вновь появлялись и туда стекался разный людъ, стоявшій во враждѣ съ закономъ. Ничто не помогало, ни устройство пограничной стражи, ни вѣчная бѣготня вдоль границы регментарей разнаго наименованія: гайдамаки вторгались за границу и, находя здѣсь готовый ферментъ, организовали свои купы и дѣйствовали безпощадно, такъ какъ и сами не ждали пощады отъ пановъ. Брацлавское воеводство было поставлено въ этомъ отношеніи хуже остальныхъ: съ юга и запада никакой защиты; населеніе было здѣсь рѣже и гайдамаки находили здѣсь болѣе безопасное пристанище, такъ какъ сельская масса не давала

заковать себя въ крѣпостные кандалы и склонна была къ протесту противъ пановъ. Въ то время, какъ въ другихъ воеводствахъ было сравнительно спокойно, брацлавскій помѣщикъ долженъ былъ ограждать свой дворъ палисадомъ и не рѣшался даже съѣздить къ сосѣду безъ конвоя, нерѣдко весьма почтенныхъ размѣровъ. Страхъ передъ гайдамаками—вотъ вѣчная злоба дня современнаго шляхтича. Ни форвахты, ни подъѣзды, ни ландмилиція не помогали; ежегодно гайдамаки наводняли брацлавскія равнины; они выростали какъ будто изъ-подъ земли разомъ съ весенними листьями. Особенно далъ себя чувствовать 1759 годъ. Общественныя дѣла остановились; все было на военной ногѣ; безъ конвоя—ни шагу; стычки оканчивались нерѣдко кровопролитіемъ нешуточнымъ; жизнь не была въ безопасности; все и вся чувствовало себя необезпеченнымъ отъ стихійной грозы, которая могла смести шляхту съ насиженныхъ мѣстъ.

Панъ Захарія владѣлъ имуществомъ въ наиболѣе угрожаемой мѣстности. Онъ старался склонить населеніе къ миролюбію мѣрами кротости,—по крайней мѣрѣ мы не слышимъ о смертной казни по его приказу; провинившихся онъ отсылалъ въ немировскій замокъ. Ради безопасности своей собственной и семьи онъ содержалъ военную силу, которою пользовался, впрочемъ, не только противъ гайдамакъ,—онъ былъ сыномъ своего вѣка, всѣ вокругъ поступали точно такъ же; при Августѣ III общественныя связи дотого расшатались, что члены этого общества просто не умѣли взять себѣ въ толкъ, что̀ можно и чего нельзя. Притомъ же значительная часть имѣній пана Захаріи находилась въ неопредѣленномъ положеніи касательно титуловъ владѣнія; самыя границы ихъ не были въ точности извѣстны. А тутъ еще близкій сосѣдъ и родственникъ, Михаилъ Калетынскій, упорно продолжалъ свои захваты и между прочимъ захватилъ также и огромный кусокъ василевскихъ грунтовъ. Панъ Захарія уже въ 1748 г. рѣшилъ возстановить нарушенную границу,—вмѣшательство въ дѣло жены Калетынскаго исключало всякую возможность мирнаго разрѣшенія спора. Рожденная Домицелія Четвертинская, какъ женщина бѣдная, всячески старалась о пріумноженіи мужняго добра. Съ различными обнищалыми претен-

дентами споръ былъ еще не такъ труденъ; съ паномъ Августиномъ еще можно было ладить, но какъ одолѣть пана Захарію—вотъ вопросъ, который наполнялъ тревогой пани Домицелію.

Панъ Захарія предложилъ третейскій судъ,—Калетынскій отказался. Стольникъ еще не успѣлъ рѣшить что-либо далѣе, какъ получилъ вызовъ отъ противной стороны, котораго снести равнодушно не было возможности. По поводу какого-то „сосѣдскаго“ недоразумѣнія онъ получилъ собственноручное письмо отъ пана Калетынскаго; въ концѣ находилась приписка размашистымъ почеркомъ пани хорунжиной, гласившая дословно: „какъ видно, у васъ чешется спина; не совѣтую совать палецъ межъ дверей“. Разсерженный панъ Захарія разумѣется открылъ бой, который тянулся почти въ теченіи всей его остальной жизни. Укажемъ здѣсь лишь главные моменты этой шляхетской усобицы, столь характерной для своего времени.

Панъ Захарія прежде всего обратился за помощью къ законникамъ. Онъ былъ въ своемъ правѣ; все наслѣдство Василія Клещевскаго дошло къ нему законнымъ образомъ, поэтому можно было смѣло опереться на актъ раздѣла 1611 г. между братьями Клещевскими. Прежде всего нужно было потребовать возстановленія нарушеннаго сосѣдомъ владѣнія, затѣмъ фактическаго ввода, новаго разграниченія, а затѣмъ... „о, затѣмъ, прибавилъ адвокатъ, извѣстный панъ Гашыньскій, потребуемъ отъ пана хорунжаго убытки за провладѣніе въ теченіи 30 или 40 лѣтъ“. Панъ Захарія началъ съ того, что занялъ кусокъ лѣса. Пани Калетынская вновь первая бросила вызовъ противнику. Военный отрядъ подъ начальствомъ Іосифа Папроцкаго выгналъ рабочихъ Ярошинскаго, а лѣсной матеріалъ былъ отобранъ въ пользу Калетынскаго. Дѣло получало угрожающій оборотъ. Мужчины думали какъ нибудь уладить дѣло миромъ, но женщина все испортила своимъ вмѣшательствомъ. Дѣло въ томъ, что Папроцкій былъ такъ сказать знаменитымъ *condotier* своего времени, отчаянный рубака и сорви голова; мало того, что выгналъ рабочихъ изъ лѣса,—онъ вторгся въ Василевку и грозилъ перестрѣлять крестьянъ, какъ дикихъ звѣрей, въ случаѣ новаго нарушенія границы и сжить со свѣта самого пана Захарію. Разумѣется,

послѣднему донесли объ этомъ казусѣ. Ну, что жъ, война такъ война! Панъ Захарія началъ въ свою очередь организовать военную силу: надъ милиціей былъ поставленъ Заіончковскій, Бѣлостоцкій надъ драгунами; атаманомъ надъ козаками изъ Куны былъ Варывода. Такъ какъ козацкая милиція Калетынскаго имѣла бѣлые жупаны, то козакамъ Варыводы для отличія были даны голубые „знаки“. Панъ Захарія просилъ сосѣдей о помощи и не ошибся въ разсчетѣ, такъ какъ пани Калетынская не пользовалась популярностью среди шляхетства. Однимъ изъ первыхъ предложилъ военную помощь архіепископъ львовскій, Николай Игнатій Выжицкій, который имѣлъ совершенно шляхетскія понятія о „вооруженныхъ интромиссіяхъ“, несмотря на свой санъ, и неудивительно, такъ какъ онъ былъ истый брацлавянинъ и имѣлъ свои счеты съ Калетынскимъ, какъ потомокъ Жабоклицкихъ по матери.

Между тѣмъ адвокатъ пана Захаріи, Гашыньскій, побѣдоносно уличилъ на судѣ пана Калетынскаго въ захватѣ чужихъ грунтовъ: на мѣстѣ старой Василевки, разоренной козаками въ XVII в., Калетынскій основалъ село уже отъ своего имени, назвавъ его Михайловкой; на мѣстѣ Старой Гуты явилось село подъ именемъ Шкляровки. Судъ высказался въ пользу пана Захаріи. И вотъ въ одну изъ бурныхъ сентябрьскихъ ночей 1749 г. произошло необычайное событіе, наполнившее тревогой сердце бѣдной пани хорунжиной: ей донесли, что тутъ жэ подъ Тывровымъ, на той самой землѣ, на которую неправо претендуетъ панъ Захарія—„явился домикъ съ прочнымъ палисадомъ, на подобіе крѣпости“, что на поляхъ даже за лѣсомъ виднѣются шалаши, а въ нихъ размѣщены вооруженные люди.

Можно себѣ вообразить изумленіе пани Домицеліи. Она сперва не повѣрила,—возможное ли дѣло устроить все такъ скоро? Но пану Захаріи помогли плотники-филипоны, которые заготовили все заранѣе и затѣмъ сколотили уже на мѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Хорунжина отправилась лично убѣдиться въ фактѣ новаго „насилія“—и убѣдилась. Домикъ довольно приличный, деревянный, необыкновенной конструкціи, весело выглядѣлъ изъ-за частокола своими маленькими окнами;

огромный, свѣже-насыпанный земляной валъ служилъ для него обороной. Козацкіе шалаши дѣйствительно торчали въ отдаленіи, на границѣ „измышленныхъ“ притязаній пана Захаріи; Варывода на буланомъ конѣ объѣзжалъ крѣпость, даже не обративъ вниманія на недавнюю владѣлицу этихъ мѣстъ. Съ плачемъ возвратилась домой пани хорунжина, жалуясь мужу на подкупность судовъ, наглость сосѣда и т. д. и т. д. Бѣдный панъ хорунжій въ то время уже не покидалъ постели, почти впалъ въ дѣтство и заботился только о спасеніи души. Неугомонная хорунжина обратилась за помощью къ братьямъ, но и тѣ не могли помочь ей противъ сильнаго противника. Пришлось пойти на мировую. Панъ Захарія, конечно, отказался возвратить занятые грунты, но, съ другой стороны, согласился не требовать своей части Тыврова до смерти Калетынскаго.

Такъ прошло два сравнительно спокойныхъ года. Но побѣда стольника подняла его кредитъ:—точно рой окружили его многочисленные наслѣдники клещевскихъ имѣній, не ужившіеся съ Калетынскимъ. Тогда то они уступили пану Захаріи с. Звониху, а затѣмъ права на третью часть Тыврова, такъ что Ярошинскій сталъ обладателемъ двухъ третей клещевскаго наслѣдства, исключая с. Клещева, гдѣ сидѣли Чарнецкіе, друзья пани Калетынской. Послѣдняя опасалась пана Захаріи еще и потому, что всѣ безчисленные родственники ея мужа, недовольные передачей ей имѣній въ пожизненное владѣніе, искали содѣйствія у Ярошинскаго. Поэтому пани Домицелія рѣшилась начать войну вновь и бороться до послѣдней возможности. Папроцкій обѣщалъ изгнать врага очень скоро, но всѣ его попытки оказались тщетны: всякій разъ противникъ готовъ былъ встрѣтить нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому Папроцкій рѣшился разорить Василевку и свалить все на гайдамакъ. Для этого онъ выбралъ весну 1754 г., но кончилъ печально—сложилъ въ сей стычкѣ буйную головушку вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, козакомъ Трояномъ; нападающіе убѣжали, успѣвъ сжечь нѣсколько хатъ. Нарочито поддерживались слухи о появленіи гайдамакъ, съ непріятными для Ярошинскаго комментаріями, но скоро вся махинація открылась. Дѣло дошло до суда. Калетынскіе приго-

ворены были къ аресту, панъ Захарій—долженъ былъ внести 250 гривенъ (400 зл.) въ костелъ винницкихъ капуциновъ на поминовеніе души усопшаго.

И вновь завязалась борьба, тянувшаяся почти два года. Имѣнія сосѣдей представляли два непріятельскихъ лагеря, съ той разницей, что вмѣсто хорунжаго, ничего не подозрѣвавшаго о войнѣ, выступала его жена. Нерѣдко выѣзжала она на поле дѣйствій для рекогнисцировокъ и составленія стратегическихъ плановъ по части неожиданныхъ ночныхъ нападеній и т. п. Бывали и трагикомическія положенія при этомъ. Такъ напр., въ 1755 г., въ одинъ прекрасный майскій день, пани Калетынская отправилась въ лѣсъ; путь ея лежалъ мимо ненавистной крѣпости и затѣмъ одного изъ козацкихъ шалашей, украшеннаго голубымъ значкомъ и слѣдовательно служившаго главной квартирой самого атамана. Трудно понять, для чего хорунжина остановилась въ этомъ именно мѣстѣ, вышла изъ коляски и явилась въ шалашъ,—достаточно знать, что немедленно начались упреки, затѣмъ атаманъ получилъ отъ пани увѣсистую затрещину, а минуту спустя сама пани хорунжина стонала отъ боли, растянувшись на полу. Дѣло дошло до суда. Приглашенъ былъ даже возный для осмотра тѣлесныхъ поврежденій пани хорунжиной, но послѣдняя не пожелала пройти эту процедуру. Дѣло кончилось ничѣмъ, но вражда усиливалась. Противная сторона, какъ бы въ отместку, устроила нападеніе на пани стольникову на дорогѣ. Было сдѣлано до 40 выстрѣловъ, убитъ упряжной конь, и лишь благодаря счастливой случайности, стычка обошлась безъ жертвъ. На равнинѣ, гдѣ была осажена старая Василевка еще до гайдамачины, кипѣла безпрестанная война. Панъ Захарія—въ полномъ вооруженіи — рубилъ лѣсъ, устраивалъ поташные заводы. За плугомъ шелъ мужикъ, вооруженный самопаломъ; стража бдительно слѣдила за окрестностью, опасаясь засады. Рѣдкая ночь проходила безъ стрѣльбы; съ той и другой стороны были жертвы. Такъ погибъ преемникъ Папроцкаго Янъ Станьковскій, а изъ милиціи пана Захаріи—Даныло Вергелесъ, Романъ Прислуга; изъ драгунъ—Стефанъ Медынскій и Янъ Ментовскій, но конечно списокъ жертвъ не исчерпывался этими именами.

Къ осени 1755 г. панъ Захарія уже имѣлъ въ рукахъ необходимые документы на право занятія Тыврова и кромѣ того предстояло исполнить опредѣленіе суда о раздѣлѣ имущества Клещевскихъ между многочисленными наслѣдниками. Всѣ чувствовали, что катастрофа приближается. Калетынскій видимо угасалъ; по слухамъ, онъ потерялъ память, не принималъ пищи, но жена окружила его жизнь глубокой тайной и всѣмъ распоряжалась самолично. Братья пани Домицеліи, Александръ и Святославъ и шуринъ ни на минуту не оставляли Тыврова. Во всѣ стороны летали гонцы съ письмами о помощи. Рождественскіе праздники прошли невесело, въ приготовленіяхъ къ борьбѣ. И на сей разъ иниціатива принадлежала пани Домицеліи. По ея просьбѣ и ходатайству ея брата подсудка, изъ Брацлава были перевезены въ Тывровъ четыре пушки, которыя и водружены на замковой стѣнѣ; орудія не годились никуда, да и аммуниціи не было вовсе,—тѣмъ не менѣе угроза была на лицо. Военный людъ отовсюду сходился въ Тыврово. Къ концу февраля въ распоряженіи энергичной пани хорунжиной было уже до 600 вооруженныхъ козаковъ изъ Животовскаго ключа, изъ Комаргорода, Вороновицы, Стрижевки, Таганчи, Очеретной и Микулинецъ. Ярошинскій также не сидѣлъ сложа руки и все расширялъ свою милицію.

3 февраля 1756 г. скончался, наконецъ, брацлавскій хорунжій; колокольный звонъ извѣстилъ окрестныхъ жителей объ этомъ событіи. Немало народу собралось въ Тывровѣ, въ томъ числѣ и мѣстные козаки, которые на похоронахъ выступали уже въ военномъ строю, подъ командой начальниковъ. Никто этому не удивлялся, такъ какъ всѣ болѣе крупные шляхтичи явились съ своими отрядами. Тѣло покойнаго положили пока въ каплицѣ—склепъ еще не былъ готовъ. Неутѣшная вдова провела вечеръ въ кругу родственниковъ и друзей, готовясь къ борьбѣ. Не ожидая столь внезапнаго нападенія, войсковая стража подвыпила на похоронахъ и забыла о предосторожностяхъ. Стольникъ и воспользовался этимъ моментомъ. Подъ охраной ночи, во главѣ 200 вооруженныхъ людей, тихо выступилъ онъ изъ Василевки, въ сопровожденіи Заіончковскаго и

Варыводы. Тутъ же ковылялъ на старой клячѣ адвокатъ изъ Винницы Гашинскій, будущій исторіографъ этой войны. Незамѣченными подъѣхали они къ мѣстечку и направились къ ратушѣ. Все здѣсь было погружено въ глубокій сонъ. Стольникъ тотчасъ-же овладѣлъ ратушей, а это было для него важнѣе всего. Теперь нужно было только удержать за собою занятое. Ратуша представляла обширное каменное зданіе со всевозможными отдѣленіями для людей, лошадей и припасовъ,—здѣсь можно было отсидѣться. Къ разсвѣту, занявшіе ратушу уже были готовы къ оборонѣ; караулы стояли на мѣстѣ, назначены пароли, обезпечена возможность сноситься съ Василевкой. Еслибы не толпа любопытныхъ вокругъ, то никто и не подозрѣвалъ бы, что въ ратушѣ засѣлъ непріятель; время отъ времени изъ воротъ выбѣгали козаки, чтобы разгонять толпу пинками и нагайками,—и затѣмъ ворота вновь запирались. Разумѣется, торговля въ мѣстечкѣ пріостановилась. Лишь позднимъ утромъ узнали въ замкѣ о смѣломъ поступкѣ стольника. Военный совѣтъ рѣшилъ сперва послать делегатовъ въ ратушу, а въ случаѣ неуспѣха переговоровъ приступить къ правильной осадѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что пани хорунжина приняла это дѣло такъ близко къ сердцу: занятіе мѣстечка Ярошинскимъ грозило ей лишеніемъ не только владѣнія въ Тывровѣ, хотя-бы и неправаго, но также и отнятіемъ пожизненнаго владѣнія остальнымъ имѣніемъ въ пользу многочисленныхъ претендентовъ. Притомъ же пани Домицелія происходила изъ рода Четвертинскихъ, которые еще не забыли своего княжескаго прошлаго и отличалались необыкновеннымъ упрямствомъ: всѣ ихъ столкновенія съ сосѣдями обыкновенно оканчивались кровопролитіемъ. И въ данномъ случаѣ руководящую роль взялъ на себя панъ подсудокъ, рѣшившій не отступать ни предъ какими мѣрами, лишь бы выжить противника изъ ратуши.—Парламентеры, какъ и слѣдовало ожидать, вернулись ни съ чѣмъ. Значитъ, война.

И началась война, тянувшаяся цѣлыхъ 15 дней, война жаркая, ожесточенная и безпрерывная. Панъ Захарія держался стойко, но спокойно, не отвѣчая на вызовы и стрѣльбу врага. Къ вечеру начался штурмъ. Первые выстрѣлы были направлены изъ

церковной колокольни,—необходимо было сперва вытѣснить противника съ верхняго этажа ратуши. Все напрасно: противникъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями осаждающихъ и не оставался въ дóлгу. На другой день—съ самаго утра—вновь закипѣлъ бой. Не обошлось безъ взаимныхъ укоровъ, безъ вызова на поединокъ. Такъ, изъ замковыхъ воиновъ предложилъ пану Захаріи поединокъ на сабляхъ нѣкій Нѣмыскій, чтобы прекратить это кровопролитіе. Панъ Захарія отвѣчалъ, что не онъ нападающая сторона, такъ какъ беретъ лишь то, что́ принадлежитъ ему по праву, но что, съ другой стороны, онъ будетъ стоять за свое до конца. Бесѣду противниковъ прервалъ вошедшій въ то время Гашинскій; онъ смѣрялъ парламентера взоромъ василиска и кроткимъ и сладкимъ голосомъ замѣтилъ, что, какъ ему досконально извѣстно, пани Дамицелія обѣщала Нѣмыскому 1,000 зл. за голову стольника. Можно себѣ вообразить конфузъ посланца, тѣмъ болѣе, что адвокатъ имѣлъ постоянно свѣжія новости изъ враждебнаго лагеря, перехватывалъ корреспонденцію у рогатокъ, задерживалъ подозрительныхъ и т. д., словомъ, былъ дѣятельнымъ участникомъ войны. На слѣдующій день уже кипѣлъ ожесточенный бой на всѣхъ пунктахъ; были убитые, были и раненые. Въ числѣ послѣднихъ былъ и парохъ Михалевскій,—былъ даже пущенъ слухъ, что онъ убитъ, но это остановило бой не надолго, такъ какъ истина вскорѣ открылась. Люди пана подсудка нещадно грабили мѣстечко. Ожесточеніе сторонъ возрастало. Болѣе всего доставалось плѣннымъ: „имъ смалили бороды, усы и чуприны, поджаривали пятки“. Разумѣется, начались и пожары. Испуганные мѣщане разбѣжались куда глаза глядятъ. Болѣе всего пугали ихъ разрывныя гранаты,—нѣсколько ихъ упало въ замокъ, поэтому была наряжена для этого случая особая стража. Но ничто не помогало,—панъ Захарія держался, а Заіончковскій производилъ даже иногда вылазки, особенно ночью, когда на другомъ концѣ мѣстечка пожаръ истреблялъ остатки добра несчастныхъ жителей. Въ отместку, воины пани Калетынской рѣшили напасть на Василевку и Шершни и сжечь ихъ безъ остатка, но встрѣтили отпоръ: не обошлось безъ огня и человѣческихъ жертъ. Кревскіе, наслѣдники покойнаго хорун-

жаго, появились въ мѣстечкѣ на челѣ 50 воиновъ,—пани Калетынская ужаснулась, пригласила ихъ себѣ „и дала обязательство покончить съ ними дѣло третейскимъ судомъ, послѣ чего они оставили Тывровъ". Эта диверсія дала возможность осажденнымъ хоть немного опомниться. Положеніе ихъ дѣлалось критическимъ: огненное кольцо все съуживалось вокругъ ратуши, дымъ душилъ, испуганныя лошади отказывались принимать пищу. Воду пришлось добывать съ опасностью жизни. „Наконецъ, изъ селъ появились возы съ соломою съ цѣлью окружить замокъ съ паномъ Ярошинскимъ, но онъ не допустилъ до этого". Моментъ былъ трагическій. Въ одно прекрасное утро на рынкѣ появилось десятка полтора стоговъ соломы, сложенной на подобіе огромныхъ копенъ. Сперва онѣ стояли на краю площади, но затѣмъ стали медленно, но безостановочно подвигаться къ ратушѣ. Козаки Варыводы бросились на эти копны, но за каждою стояло нѣсколько оружныхъ людей, ожидавшихъ противника. Нападавшіе были встрѣчены градомъ пуль. Тогда въ бой кинулся Андрей Заіончковскій съ драгунами, но палъ на мѣстѣ, сраженный пулею. Всѣ усилія осажденныхъ могли только задержать, но не остановить приближеніе противника. Соломенное кольцо все съуживалось, и на третій день осажденные испугались не на шутку. Стольникъ не терялъ присутствія духа, но видимо волновался. Гашинскій совѣтовалъ бѣжать, многіе другіе рекомендовали тоже самое: былъ четырнадцатый день войны, всѣ измучились до крайности,—подкрѣпленій не было. Приближалась ночь 21 февраля—мрачная и бурная. Достаточно было придвинуть къ ратушѣ стоги еще шаговъ на десять и зажечь солому—и все погибло. Прибывшій изъ замка парламентеръ предложилъ добровольную сдачу, такъ какъ иначе пани хорунжина души живой не выпуститъ изъ ратуши. Къ общему ужасу, панъ Захарія отказался сдаться. Дѣло въ томъ, что еще ранѣе онъ послалъ просьбу о подкрѣпленіи въ Куну и Тележинцы, имѣнія львовскаго архіепископа. Въ самый трагическій моментъ незамѣтно явились оттуда четыре сотни козаковъ и во мгновеніе ока разсѣяли воиновъ, укрытыхъ за соломою, а для довершенія замѣшательства зажгли факелы изъ соломы и смолы и

разсыпались по мѣстечку и даже дошли до замка, такъ что пани хорунжина начала подумывать о бѣгствѣ. Стольникъ побѣдилъ; непріятель былъ оттѣсненъ; поэтому на другой день Зáхарія получилъ оффиціальную „экспульсію“ незаконной пожизненной владѣлицы. Побѣда досталась не дешево,—вмѣсто прекраснаго мѣстечка стояли дымящіяся развалины. Черезъ шесть дней по окончаніи баталіи, пишетъ современникъ въ частномъ письмѣ: „въ Тывровѣ городъ сожженъ, осталась только новая ратуша, въ которой сидитъ панъ Ярошинскій, и дома четыре вокругъ костела. Мѣщанскихъ домовъ сгорѣло нѣсколько десятковъ, много народа перестрѣляно и побито до смерти... Мало жителей осталось въ Тывровѣ; самые зажиточные хозяева ушли; трудно имъ было держаться, такъ какъ снимали и послѣднюю сорочку“. Другой пишетъ: „городъ *funditus* сожгла пани Калетынская во время аттакъ, лишь два дома осталось невредимыми. Люди разбѣжались и немало изъ нихъ погибло; даже попа ранили смертельно“...

Печальный былъ тріумфъ для пана Ярошинскаго. Вытѣсненная изъ Тыврова вдова подняла на ноги весь округъ. Четвертинскіе пользовались вліяніемъ. Не было выдумки, которую не валили-бы на побѣдителя. Но, главное, его обвиняли въ смерти священника Михалевскаго. Уніатскій митрополитъ даже нарядилъ слѣдствіе. Оказалось, что парохъ былъ дѣйствительно раненъ, но черезъ 70 дней уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и торжественно заявилъ, что не имѣетъ претензіи къ стольнику. Между тѣмъ пани хорунжина старалась задобрить судъ, но безуспѣшно. Въ 1757 г. обѣ стороны были приговорены къ штрафу и мѣсячному аресту за разореніе Тыврова. Но стольникъ избавился отъ ареста уплативши 2,000 злотыхъ или 112 червонцевъ и продолжалъ раздѣлъ съ наслѣдниками. Раздѣлу подлежали: Тывровъ, частью уже отстроенный, Звониха, Соколинцы, Пилава, Клищово, Михаиловка Клищевская и Филиповская, также Василевка,—всего до 20,000 морговъ. На этомъ огромномъ пространствѣ числилось населенія: мѣщанъ — 180 дымовъ или семействъ, евреевъ — 61, чиншевой шляхты—22, панскихъ крестьянъ—525, людей „вольныхъ отъ

даней" или „слобожанъ"—30, „дѣдовъ въ ямахъ" или „бѣдняковъ безъ хатъ"—11. Ежегодный доходъ исчисленъ въ 21,489 зл. Стольнику, кромѣ части Тыврова, досталась часть Василевки и с. Звониха, а наслѣдники Ильи Клищевскаго тогда же уступили ему свою часть Тыврова. Пани хорунжина, вышедшая замужъ за Чарнецкаго, продала свое пожизненное право наслѣдникамъ перваго мужа и даже помирилась съ Ярошинскимъ, который уплатилъ ей 8500 зл. за выстроенный ею въ Тывровѣ домъ, гдѣ и поселился.

Четвертинскіе удивлялись щедрости пана Захаріи,—опустошенный Тывровъ не представлялъ большой цѣнности. Пришлось сводить счеты съ наслѣдниками Калетынскаго и цѣлымъ роемъ другихъ претендентовъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, напр., уніатскимъ митрополитомъ Гребницкимъ, каменецкимъ суфраганомъ Оранскимъ, съ Любомирскими, Прушинскими, Липскими, съ нѣкіимъ Глоуэромъ, потомкомъ англійскаго инженера, поселившагося въ Польшѣ въ началѣ XVIII ст., съ какими-то двумя Морисонами, Котонами, Веруками и т. д. Стольникъ платилъ безъ конца, составлялъ мировыя, но безуспѣшно: этой исторіи не предвидѣлось скораго конца. Особенно трудно было считаться съ Кревскими, владѣльцами трети Тыврова: пришлось пріобрѣтать каждый кусокъ земли чуть не на вѣсъ золота. Другія имѣнія пана Захаріи или лежали въ забвеніи, или передавались въ другія руки на залоговомъ правѣ, самъ же магнатъ цѣпко держался Тыврова. Какъ видно, это была натура, требовавшая вѣчнаго движенія, борьбы, но въ саксонскую эпоху не было съ кѣмъ бороться, и избытокъ силъ тратился въ домашней войнѣ. Гдѣ сила не помогала, тамъ пришлось обратиться къ современному юридическому аппарату, а разъ вступивши на этотъ путь, панъ Захарія на вѣки погрязъ въ дебряхъ судебныхъ процессовъ. На это уходили также огромныя суммы, извлекаемыя изъ другихъ имѣній. Стольникъ былъ рачительнымъ хозяиномъ, умѣлъ выбирать людей и заботился о нихъ, щадя въ то же время по возможности рабочую массу. Доходы съ имѣній увеличивались, благодаря умѣнію сбывать продукты безъ участія посредниковъ. Еще въ 1755 г. онъ вошелъ въ прямыя сношенія съ

Данцигомъ, куда посылалъ все. Архивъ переполненъ разсчетами съ данцигскими торговыми фирмами за 20 лѣтъ безъ перерыва. Такъ напр. въ іюнѣ 1758 года отправленъ транспортъ пшеницы, ржи, поташа на сумму всего 11,144 зл., а такихъ транспортовъ было ежегодно отъ 6 до 8. Неудивительно, что, несмотря на огромные расходы, стольникъ успѣвалъ кой-что и пріобрѣтать вновь; такъ, онъ пріобрѣлъ на залоговомъ правѣ Бродецкое и Ясеновку, принадлежавшія рѣчицкому старостѣ кн. Радзивилу, уплативши за это почти 60 тыс. злотыхъ.

Такъ прошло почти десять лѣтъ въ сравнительномъ спокойствіи. Объ общественной дѣятельности почти не было рѣчи,—стольникъ вовсе не стремился къ почестямъ, какъ его отецъ. Охотнѣе всего проводилъ онъ время въ Тывровѣ. Изъ противниковъ держались пока только Кревскіе, жившіе въ замкѣ: опутанные долгами, обнищалые, они не переставали вызывать на борьбу пана Захарію, не привыкшаго отступать и надѣявшагося на свои силы. Чрезъ мѣру натянутая струна должна была наконецъ лопнуть—и лопнула.

VII.

Новая ссора.—Кровавое столкновеніе.—Послѣдніе годы винницкаго стольника.—Раздѣлъ наслѣдства между сыновьями.

Дѣло было въ 1767 году. Въ эту пору весь Тывровъ *de jure* принадлежалъ Ярошинскому, но *de facto* въ замкѣ сидѣли Кревскіе, самые энергичные изъ противниковъ стольника: старшій братъ Игнатій, чашникъ новогродскій, и двое младшихъ, Яцекъ и Андрей. Проигравъ всѣ процессы, погрязая въ долгахъ, они не думали уступать, тѣмъ болѣе, что монастырь и Четвертинскіе обѣщали имъ поддержку. Преоромъ въ монастырѣ былъ о. Кандидъ Черномынскій, страстный охотникъ; Андрей Кревскій тоже былъ завзятымъ звѣробоемъ; общность вкусовъ соединила ихъ. Притомъ же о. Кандидъ былъ золъ на пана Захарію, который не позволялъ ему охотиться въ своихъ лѣсахъ. Борьба была неизбѣжна, такъ какъ Кревскіе раньше или позже должны

были оставить замокъ въ пользу кредитора. Обѣ стороны дѣятельно готовились къ войнѣ. Изъ замка удалили всѣхъ женщинъ; Ярошинскій сдѣлалъ тоже самое въ своемъ домѣ: жена его уѣхала къ роднымъ, съ отцомъ остались старшій сынъ Николай и одинъ изъ младшихъ Ипполитъ. Стоялъ сентябрь. 19-го была ярмарка въ Тывровѣ, 20-го—день св. Матвѣя, когда въ костелѣ происходило торжество. Уже на первый день замѣчено было не мало оружнаго народа изъ лагеря стольника. Происходили уже недоразумѣнія и споры, доходило до угрозъ смертью и побоевъ. Теплая, тихая и темная ночь раздѣлила противниковъ.

Наконецъ настало роскошное сентябрьское утро; туманъ и мгла надъ Бугомъ и сосѣдними полями скоро разсѣялись, воздухъ былъ удивительно прозраченъ, колокольный звонъ, созывавшій вѣрующихъ на службу, громко отдавался въ окрестности, теряясь въ отдаленіи на обширныхъ равнинахъ за рѣкой. Народъ двигался къ костелу, съѣздъ духовенства былъ значительный; изъ Винницы прибыли доминикане и капуцины. Ярошинскій съ сыномъ сидѣлъ у себя на крыльцѣ, какъ вдругъ прибѣжалъ посолъ отъ Кревскихъ съ заявленіемъ, что они добровольно оставляютъ замокъ и предлагаютъ стольнику занять его. Панъ Захарія колебался: онъ подозрѣвалъ здѣсь какой-то злой умыселъ. И не безъ основанія: хотя Четвертинскій еще не прислалъ обѣщанной помощи, но Кревскіе рѣшились начать бой на свой страхъ, разсчитывая, что подкрѣпленія прибудутъ какъ разъ во время, а между тѣмъ стольникъ не успѣетъ приготовиться. Какъ бы то ни было, панъ Захарія не считалъ возможнымъ отклонить мирное предложеніе, поэтому приказалъ своимъ ротмистрамъ Бродзинскому и Корженіовскому занять замокъ, соблюдая всевозможную осторожность и не прибѣгая къ огнестрѣльному оружію до послѣдней крайности.

Познакомимся съ мѣстностью, гдѣ разыгралась послѣдующая драма.—Дворъ Ярошинскаго стоялъ на взгорьи, фасадомъ къ монастырю и постройкамъ, временной резиденціи Кревскихъ. Постройки эти составляли какъ бы одно цѣлое: впереди костелъ, затѣмъ помѣщеніе монаховъ, все это окружено было каменной стѣной, задняя часть которой отдѣляла замковой садъ отъ цер-

ковнаго кладбища. Въ этой части стѣны была пробита небольшая дверь, а надъ нею высился родъ бастіона, иначе бесѣдка, окруженная галлереей и обшитая толстыми дубовыми досками. Проникнуть къ замку черезъ главныя ворота можно было не иначе, какъ подъ огнемъ выстрѣловъ изъ этой бесѣдки. Весь замковой дворъ имѣлъ видъ настоящаго укрѣпленія, которое должно было давать мѣщанамъ защиту отъ гайдамакъ.

Въ тотъ моментъ, когда военный отрядъ пана Захаріи подходилъ къ замковымъ воротамъ, въ костелѣ священникъ началъ обѣдню, а Дамазій Латына, молодой проповѣдникъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ сторонкѣ той минуты, когда ему придется держать рѣчь съ амвона... Ораторскій пылъ не давалъ ему покоя, онъ безпрестанно заглядывалъ въ конспектикъ своей проповѣди. По странной случайности, онъ убѣждалъ въ ней вѣрующихъ хранить миролюбіе и въ яркихъ краскахъ думалъ нарисовать благодѣянія мира.

Вдругъ раздались выстрѣлы тутъ же у костела. Молящіеся начали выглядывать въ дверь, органистъ пересталъ играть, капелланъ у алтаря колебался, возносить ли безкровную жертву. О. преоръ вышелъ взглянуть на кладбищенскій дворъ. Что же оказалось? Въ то время, какъ отрядъ Ярошинскаго подошелъ къ воротамъ, неожиданно его встрѣтили ружейной пальбой изъ бесѣдки; въ то же время нѣсколько пуль изъ замковаго двора пролетѣло надъ головами прибывшихъ. Эти остановились въ нерѣшительности. Новые выстрѣлы; двое изъ дружины упали смертельно раненые. Въ мгновеніе ока отрядъ разбился на двое: одна половина начала обстрѣливать бесѣдку, другая кинулась во дворъ, чтобы вытѣснить оттуда непріятеля. Сотникъ Варывода ворвался въ садъ для поисковъ за врагомъ. О. преоръ явился какъ разъ во время, черезъ крытую галлерею проникъ въ бастіонъ и выпроводилъ оттуда Кревскихъ съ ихъ козаками, которые собственно и начали сраженіе; всѣ они нашли убѣжище въ монастырѣ, въ одной изъ монашескихъ келій. Теперь нужно было остановить перестрѣлку. О. преоръ возвращался въ бесѣдку, когда его догналъ о. Латына и тоже отправился туда,—онъ такъ мечталъ о своей проповѣди, а тутъ эта пальба можетъ лишить

его слушателей... Они пошли рядомъ. Проповѣдникъ съ ревностнымъ духомъ взошелъ по крытой лѣстницѣ на крышу и возгласилъ: „вельможный пане подстолій, прекрати дальнѣйшее нападеніе, прикажи своимъ людямъ отступить, ибо паны Кревскіе уже ушли изъ бесѣдки и добровольно уступили". „Но—какъ разсказываютъ Кревскіе въ своихъ заявленіяхъ суду—въ это самое время раздался залпъ изъ замка и о. проповѣдникъ, сраженный пулею подъ самый глазъ, долженъ былъ тутъ же на мѣстѣ и безъ покаянія отдать Богу душу". Наступило страшное волненіе, особенно когда о. преоръ, обагренный кровью, выскочилъ изъ бастіона съ отчаяннымъ воплемъ: „ахъ, несчастье, убили моего проповѣдника!" Собралась толпа, пальба прекратилась, наступила зловѣщая тишина. Панъ Захарія, узнавши въ чемъ дѣло, явился въ бесѣдку, велѣлъ ее опечатать, приставилъ караулъ и послалъ въ Винницу за вознымъ. Этотъ высокій сановникъ, безжалостно преслѣдуемый тяжущимися сторонами—такъ какъ не могъ угодить обѣимъ разомъ—исполнялъ важныя функціи слѣдственнаго судьи и судебнаго врача. Еще до прибытія вознаго панъ Захарія самолично произвелъ дознаніе и убѣдился, что его люди неповинны въ смерти Латына. Тѣмъ не менѣе, онъ даже заболѣлъ отъ передряги, такъ какъ враги не преминули воспользоваться случаемъ, чтобы взвалить на него тяжкое преступленіе. Возный долго не показывался. Тѣло лежало безъ погребенія, отсюда нареканія. Пана Захарію подвергли допросу. Наконецъ, явился панъ Чолганскій, возный, и приступили къ осмотру бесѣдки. Тѣло бѣднаго монаха, одѣтое въ бѣлую сутану, лежало на полу; въ конвульсивно сжатой рукѣ оказался конспектъ проповѣди о мирѣ и согласіи; но любопытнѣе всего, что вдоль стѣнъ бесѣдки рядышкомъ разставлены были принадлежавшіе монастырю карабины, заряженные, со взведенными курками. Только ружье, принадлежавшее о. преору, было разряжено и лежало тутъ же около покойника. Поэтому явилась мысль, весьма правдоподобная, что возвращаясь съ крыши о. Латына нечаянно задѣлъ курокъ карабина и послѣдовалъ роковой выстрѣлъ. Такимъ образомъ, панъ Захарія могъ вздохнуть спокойнѣе, и общественное мнѣніе послѣ этого склонилось въ

его пользу. Дѣло кончилось тѣмъ, что стольникъ долженъ былъ уплатить 500 зол. гривенъ штрафа, а о. преоръ за то, что снабжалъ оружіемъ одну изъ воюющихъ сторонъ и сѣялъ раздоры, былъ сосланъ въ другой монастырь въ званіи простаго монаха. Ярошинскій послѣ этого безъ труда помирился съ Кревскими, хотя они и жаловались, что остались безъ рубахъ: стольникъ возвратилъ имъ весь инвентарь, и урожай, не обошлось и безъ денежной приплаты.

Трагическая смерть монаха не осталась безъ вліянія на Ярошинскаго: онъ сдѣлался набожнымъ, весь отдался піетизму, строго исполнялъ церковныя предписанія, каялся, о вооруженныхъ нападеніяхъ не позволялъ даже упоминать въ своемъ присутствіи, покончилъ съ противниками миролюбиво, безпрестанно платилъ претендентамъ и не думалъ уже о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, несмотря на постоянныя предложенія наслѣдниковъ Клищевскихъ и Калетынскихъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ барской конфедераціи, хотя и сочувствовалъ ея принципамъ: „мало съ меня пользы, сынъ потрудится за меня“, говорилъ онъ; впрочемъ, не отказывался нести матеріальныя жертвы, выпадавшія на его долю. Семья была немалая: шестеро сыновей и одна дочь, а тутъ пришлось бѣжать передъ союзными войсками и гайдамаками на Полѣсье. Все его имущество въ Брацлавщинѣ подверглось нещадному разграбленію и опустошенію. Пришлось выжидать на Волыни лучшихъ временъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ щедрыхъ пожертвованій на костелы и монастыри, на упокой души о. Дамазія Латыны. Недаромъ монахи называли пана Захарію не иначе какъ „отцомъ и благодѣтелемъ“. Онъ даже не противился постриженію своей единственной дочери Гонораты въ монахини луцкаго монастыря, до того былъ угнетенъ душевно. Это случилось въ 1768 году.

Съ той поры невесело жилось въ тывровскомъ дворѣ. Старшій сынъ воевалъ, младшіе обучались въ винницкихъ школахъ. Панъ Захарія утратилъ боевую энергію, и вся забота объ огромныхъ имѣніяхъ мужа лежала на его женѣ. Стольникъ расхворался не на шутку, подагра, обычная болѣзнь магнатовъ, заставила его отправиться на воды заграницу, но путешествіе мало

помогло. Въ то время Брацлавщина была наводнена союзными войсками, по слѣдамъ которыхъ пришелъ голодъ и моровая язва. Чума двигалась медленно, но упорно и весной 1772 года охватила край. Ярошинскіе бѣжали на Волынь. А въ Тывровѣ творились страшныя вещи: лѣто дождливое, сѣно погнило, хлѣба не дозрѣли, „дай Богъ, доносилъ управляющій, чтобы хватило на посѣвъ, а на пропитаніе нужно покупать".

Чума свирѣпствовала въ окрестности. Крестьяне потеряли охоту работать, бѣжали врозь, но голодъ принудилъ оставшихся въ живыхъ возратиться. Офиціалисты Ярошинскаго заперлись въ замкѣ и прекратили всѣ сношенія съ остальнымъ міромъ. Печально было положеніе служилаго и рабочаго люда. Близилась осень, ненастная, холодная, всѣ боялись заразы и были убѣждены, что отъ нея можно укрыться развѣ только въ какихъ нибудь лѣсныхъ дебряхъ. Духовенство устраивалось на открытомъ полѣ и правило службы въ походныхъ капличкахъ. Голодный людъ возвращался въ опустѣлыя мѣста и падалъ жертвою заразы. „Нѣтъ дня, чтобы въ Тывровѣ кто нибудь не умеръ отъ чумы", доносилъ пану Захаріи тотъ же управляющій. Подъ конецъ простой народъ сталъ волноваться, искали виновниковъ несчастья, и вотъ „грабаря выкреста *упыря* (sic), который закапывалъ трупы, тывровская громада въ своемъ перепугѣ убила и сожгла. Говорятъ, что есть еще немало упырей", прибавляетъ въ своемъ донесеніи тотъ же корреспондентъ. Эти страшныя дѣянія, обличающія одичаніе и варварство, составляли общее явленіе подъ часъ заразы. Обезумѣвшая толпа искала спасенія въ преступленіяхъ, воображая, что такимъ образомъ можно умилостивить тяготѣвшій надъ нею рокъ и смягчить таинственную силу, сѣявшую повсюду смерть и разрушеніе. Въ Тывровѣ дѣло ограничилось по крайней мѣрѣ убійствомъ и сожженіемъ; въ Ярмолинцахъ о ту же пору зарыли въ землю живьемъ какого то пришельца съ востока; въ Мурафѣ нѣсколько разъ топили въ рѣкѣ бабу, признанную чародѣйкой, зашивши ее предварительно въ мѣшокъ, и наконецъ добили ее камнями, полагая, что этимъ путемъ избавятся отъ заразы.

Вернувшись въ Тывровъ въ 1773 г., панъ Захарія былъ безсиленъ помочь бѣдѣ и ограничился предсмертными распоряженіями. Онъ составилъ подробнѣйшій проектъ раздѣла имущества между сыновьями, обезпечилъ жену, щедро одарилъ монастыри и костелы, не забылъ также своихъ служащихъ и родственниковъ. Какъ ни тяжела была служба у пана Захаріи, тѣмъ не менѣе было немало народа преданнаго ему искренно и горячо. Стольникъ умѣлъ цѣнить и не забывалъ оказанныхъ ему услугъ. Любопытны распоряженія стольника о собственныхъ его похоронахъ. На поминки было назначено 1,000 зл., которые должны были выплачиваться ежегодно его наслѣдниками безсрочно. Погребеніе должно быть самое скромное, безъ всякой помпы, гробъ деревянный, могила подъ порогомъ церкви, ибо онъ—великій грѣшникъ. Надъ могилой слѣдовало поставить каменную плиту съ эпитафіей, гдѣ перечислялись всѣ его грѣхи и преступленія: пусть христіане попираютъ ногами его прахъ и поучаются, читая эпитафію. Стольникъ скончался 18 октября 1774 года, и хотя на похороны собралась вся округа, явились также депутаціи изъ Волыни, но послѣдняя воля покойнаго была выполнена въ точности. Простой дубовый гробъ былъ доставленъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія на возу, запряженномъ парою воловъ. Облагодѣтельствованные доминикане и капуцины явились изъ Яловицъ, Винницы и Куны, но не было никакой торжественной процессіи; прахъ былъ зарытъ въ землю у порога костела, согласно завѣщанію, и надъ нимъ поставлена плита съ помянутой эпитафіей. Современники понимали это какъ результатъ піетизма, но хроникеры занесли въ свои бумаги лапидарное произведеніе стольника и забыли обо всемъ остальномъ. Этимъ бы дѣло и кончилось, если бы одинъ изъ наслѣдниковъ не снялъ плиты: это возбудило слухи и толки, неблагопріятные для памяти покойнаго. Стали заглядывать въ *Silva rerum*, отыскали тамъ эпитафію, которая подтверждала всѣ эти слухи. Все это представляло чистое недоразумѣніе. Стольникъ былъ сыномъ своего времени, яркимъ его представителемъ, не болѣе. Не онъ одинъ былъ погруженъ въ кляузничество, не онъ одинъ велъ борьбу съ противниками вооруженной рукой. Человѣкъ сильный

и могущественный, онъ велъ борьбу на широкую руку и обыкновенно съ успѣхомъ: этого не могли простить ему противники. Эпитафія явилась лучшимъ подтвержденіемъ всѣхъ толковъ о покойномъ, кружившихъ въ свое время по краю.

На долю вдовы стольника выпала нелегкая задача: приходилось самолично распоряжаться огромными имѣніями, вести процессы или откупаться отъ многочисленыхъ претендентовъ, воспитывать дѣтей. Уже въ началѣ 1775 г. вдова приступила къ люстраціи имѣній. Наслѣдство представлялось въ такомъ видѣ. Въ брацлавскомъ воеводствѣ Ярошинскимъ принадлежали: ключъ Кунянскій: Старая Куна, Новая Куна, Маріановка, Майданъ, Крутыгорбъ, Сѣдлиска (нѣкогда Гусаковъ), Скибинцы и Михайловка, часть Губника, часть Жерденовецъ, на Глубочкѣ обезпечено 53,000 зл., на Бродецкомъ 59,333 зл., на Иваньковцахъ (ключъ Краснянскій) 33,312 зл., Далѣе, тывровское имѣніе: Тывровъ, Звониха, Шершни, Шостаковка, Слободка (прежніе Курники), Гута, Витава, Маяновъ и часть Пилавы. Волынскія имѣнія: Лучицы, оцѣненныя въ 56,587 зл., Подлѣсье—43,081, Городничка—45,520 зл. Кромѣ того, домъ въ Винницѣ и „ленное право на кошоватскія имѣнія“, основанное на пожалованіи еще короля Яна Казиміра. Панъ Негребецкій, привилегированный землемѣръ его королевской милости, опредѣлилъ площадь всѣхъ перечисленныхъ земель въ суммѣ всего 100,840 морговъ. Цѣнность имущества опредѣлена въ суммѣ 1,105,505 зл. и 8 гр. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вдова успѣла выплатить всѣ долги и обязательства мужа и покончить всѣ процессы съ сосѣдями,—задача чрезвычайно трудная, требовавшая огромныхъ хлопотъ и тратъ. Вдова всѣ свои силы посвятила этимъ заботамъ,—она не была погружена въ піетизмъ по примѣру покойнаго мужа.

Мало по малу имущественныя дѣла Ярошинскихъ вошли въ колею. Имѣнія начали приносить удвоенный доходъ. Этому особенно содѣйствовали частые переходы союзныхъ войскъ изъ Турціи,—продукты оплачивались хорошо. Уже не было нужды отсылать все въ Данцигъ,—Тывровъ стоялъ на главномъ трактѣ и сбытъ былъ превосходный, особенно по части хлѣба. Поташъ

болѣе не выжигался, лѣса исчезали и не приносили прежнихъ доходовъ. Вмѣсто того получило широкое развитіе винокуренное дѣло, развивалось скотоводство. На широкихъ равнинахъ вдоль Буга́ паслись огромныя стада скота. Ремонтеры изъ за Днѣпра охотно пріобрѣтали здѣсь лошадей для войска.

Въ 1778 г. Ярошинская приступила къ постройкѣ палаца въ Тывровѣ и окончила его къ 1784 г. Время было сравнительно спокойное, поэтому постройка имѣла характеръ мирнаго жилья: не было палисадовъ, земляныхъ валовъ, бастіоновъ и амбразуръ— все это исчезло навѣки.

Въ іюлѣ 1780 г. Ярошинская пригласила сосѣдей и чиновныхъ лицъ изъ Винницы и послѣ торжественной службы у о.о. доминиканъ дала собранію полный отчетъ въ управленіи имѣніями, цѣнность которыхъ равнялась теперь 1,200,000 зл. Такимъ образомъ, на долю каждаго изъ сыновей приходилось по 200,000 зл. Двое младшихъ оставлены были подъ опекой матери, остальные тогда же выдѣлены. Тывровскій ключъ остался пожизненно въ рукахъ вдовы, которая желала окончить здѣсь свои дни. Актъ раздѣла занесенъ въ винницкія гродскія книги 5 іюля 1783 г.

Ярошинская скончалась 10 декабря 1785 г. Дальнѣйшія судьбы рода Ярошинскихъ не входятъ въ нашу задачу. Если авторъ подробнѣе остановился на исторіи этой фамиліи, то потому, что послѣдняя играла выдающуюся роль въ свое время и живо отражала на себѣ вѣянія эпохи. При томъ же, непосредственныя послѣдствія козацкихъ замѣшательствъ даютъ себя живо чувствовать еще на протяженіи трехъ четвертей XVIII ст., послѣ чего для шляхты настали другія времена, и исторія края вступила въ новый фазисъ[1]).

Н. М.

[1]) Изъ шести отпрысковъ, ведшихъ свое происхожденіе отъ стольника винницкаго, одинъ угасъ, другой осѣлъ въ Галичинѣ. Представители послѣдняго владѣютъ помѣстьями и въ подольской губерніи. Представители остальныхъ четырехъ вѣтвей процвѣтаютъ не только на Подоліи, но и въ предѣлахъ кіевской губерніи.

Полуботокъ или Свѣчка?

(Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія второй половины XVII в.).

Въ старой Малороссіи въ мѣстностяхъ, гдѣ проходила пограничная черта какого либо административнаго дѣленія, часто возникали между обывателями споры изъ-за владѣнія нѣкоторыми земельными участками, изъ-за пользованія различными угодіями. Конечно, при такихъ спорахъ открывалось широкое поприще для самоуправія, которое каждая изъ сторонъ старалась поддержать и узаконить авторитетомъ власти своей полковой или сотенной старшины; но часто дѣло не кончалось вмѣшательствомъ мѣстныхъ властей — недовольная сторона подавала „суплѣки“ гетману, приходилось наряжать слѣдствіе и препровождать слѣдственный протоколъ „високобачному ясневельможного его милости пана гетмана розумѣнію до уваги“.

Подобное дѣло возникло въ 80-хъ г.г. XVII стол. на границѣ переяславскаго и лубенскаго полка, пересѣкавшей, между прочимъ, рѣчку Сухую Оржицу, притокъ р. Сулы, около с. Малютинецъ и х. Сурмачевки. Оно было сложнѣе другихъ, вслѣдствіе того, что касалось матеріальныхъ интересовъ такихъ вліятельныхъ представителей старшины, какъ полковникъ переяславскій Леонтій Артемовичъ Полуботокъ (1685—1692 г.г.) и полковникъ лубенскій Леонтій Назаровичъ Свѣчка (1687—1699 г.г.), и слѣдовательно, являлся вопросъ, кто кого одолѣетъ [1]).

[1]) Дѣло это пересказано нами по рукописнымъ документамъ въ копіяхъ 1773 г., сохранившимся въ одной связкѣ, подъ заглавіемъ: „Випись с книгъ ста-

Полуботокъ, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу [1]), присоединилъ въ началѣ 80-хъ гг. къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка, лежащихъ между р. Сухой Оржицой и ея притокомъ р. Чумгакомъ, и, конечно, большую часть изъ нихъ обратилъ въ свою личную собственность; между прочимъ, онъ устроилъ вблизи Оржицы хуторъ при урочищѣ „Шелехувка". Осадивши хуторъ, Полуботокъ прирѣзалъ къ нему степи мили на двѣ кругомъ, чѣмъ сильно стѣснилъ ранѣе осѣвшихъ въ этихъ мѣстахъ различныхъ пирятинскихъ козаковъ, затруднивъ имъ пользованіе сѣнокосами и пастбищами: яготинскій сотникъ Мамотенко, въ угоду вліятельному полковнику, захватывалъ воловъ и лошадей у сосѣднихъ козаковъ, выпасывавшихъ, конечно, по старой привычкѣ на степи, прихваченной Полуботкомъ, и имъ приходилось выкупать у послѣдняго арестованный скотъ за большія штрафы—по золотому (20 коп. асс.) отъ пары. Кромѣ того, при постройкѣ Шелехувскаго хутора, Полуботокъ не очень-то стѣснялся правомъ собственности и рубилъ на-пропалую въ лѣсахъ сосѣдей-козаковъ разное дерево, необходимое для постройки.

Козаки, поселившіеся на привольныхъ пологихъ при-оржицкихъ степяхъ, были преимущественно изъ сосѣдняго с. Малютинецъ. Еще въ первой половинѣ XVII в. они осадили въ

ринныхъ пирятинскихъ, имѣючихся при судѣ земскомъ повѣту лубенского, 1773 года іюня 10.—Справа о Сурмачувцяхъ, на томъ боку стену, декретъ, инквизиція, реестра дворищъ и реестра лѣсовъ, листовъ двохъ велможныхъ пановъ гетмановъ, переписанніе слово до слова до сихъ книгъ мѣскихъ пирятинскихъ року 1690 марта дня 23".—Выпись эта удостовѣрена подписью писаря земскаго повѣту лубенскаго Гавріила Хильчевскаго, съ приложеніемъ печати лубенскаго земскаго суда; передана она въ наше распоряженіе прямымъ потомкомъ лубенскаго полковника, статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Львовичемъ Свѣчкой, много лѣтъ служившимъ то пирятинскимъ, то лубенскимъ предводителемъ дворянства, живущимъ въ своей усадьбѣ въ с. Свѣчкиной Слободѣ, превратившейся, по всей вѣроятности, въ большое село изъ при-оржицкаго хутора лубенскаго полковника, о которомъ идетъ рѣчь въ нашихъ документахъ, за передачу которыхъ, равно какъ и другихъ документовъ изъ фамильнаго архива Свѣчекъ, въ наше пользованіе приносимъ нашу искреннюю признательность ихъ владѣльцу.

[1]) А. М. Лазаревскій. Павелъ Полуботокъ. Русскій Архивъ. 1880. I, 138 сл.

урочищѣ „Сурмачувка“, на берегу Оржицы, хуторъ, разросшійся ко второй половинѣ столѣтія до 27 дворовъ, и распредѣлили между собою лежащія вблизи Сурмачевки вдоль Оржицы, богатыя угодья—лѣса, стѣнки, рыбныя озера, луга и т. п. Частыя войны, и въ особенности татарскіе набѣги, принудили сурмачевцевъ покинуть въ началѣ 1659 г. облюбованныя мѣста и разселиться въ Пирятинѣ и м. Куринькѣ (нынѣ лохвицкаго уѣзда), пользуясь лишь отчасти своими сурмачевскими землями. Въ отсутствіе сурмачевскихъ „господарей“ нѣсколько малютинскихъ козаковъ, отчасти по подстрекательству Полуботка, захватили въ началѣ 80-хъ гг. грунты въ Сурмачевкѣ и стали рубить необходимое для постройки дерево, разсчитывая, что хозяева не отзовутся и что они, при покровительствѣ Полуботка, легко узаконятъ захватъ давностью владѣнія. Но настоящіе владѣльцы не могли, конечно, отнестись равнодушно къ совершенному захвату и думали сначала усовѣстить своихъ обидчиковъ домашними средствами, за что нѣкоторые чуть не поплатились жизнью. Однажды Ѳедоръ Баглай, малютинскій козакъ, подкараулившіи на своемъ „займищѣ“ Грицька Брикуна и Леська Иванова сына, „сурмачувскихъ новосѣлыхъ“, подошелъ къ нимъ и сталъ ихъ укорять за произведенные порубы; тогда они, не обращая вниманія на его укоризны, сильно избили его цѣпомъ и вилами, нанесли три тяжкихъ увѣчья на головѣ и чуть не переломали всѣхъ пальцевъ. Баглай подалъ жалобу на обидчиковъ самому гетману, вслѣдствіе чего они были посажены въ тюрьму въ Пирятинѣ, но, бѣжавши оттуда, укрылись подъ защиту переяславскаго полковника и „наносили много мантацтва (безпокойства)“. Сурмачевцы тщетно вопили и искали правды. Вслѣдствіе покровительства самоуправцамъ сильнаго въ гетманство Самойловича Полуботка, даже гетманскіе указы по этому дѣлу давались лишь для проформы и не приводили къ осязательнымъ результатамъ. Въ 1683 г. лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя получилъ даже отъ гетмана Самойловича по поводу сурмачевскаго дѣла слѣдующій листъ:

„Мой ласкавій пріятелю пане полковнику лубенскій. На жаданне ваше и причину [1]) до насъ, чрезъ асаула вашего полкового унесенную, за полчанами вашими, обывателями пирятинскими, писалисмо до пана полковника переяславскаго, упоминаючи и росказуючи [2]), аби всѣхъ ихъ обивателей пирятинскихъ, такъ самихъ тихъ старожитнихъ природнихъ людей, яко и з Переяславщини подъ часъ Шереметовщини туди на мешканне зайшлихъ, всѣ лѣса и сѣножатѣ, к полку, его кгрунтовъ лежачихъ и знайдуючихся, якіе теперъ былъ од нихъ одехалъ [3]), имъ опять, яко ихъ власніе привернулъ [4]) у спокойное ихъ держанне, и жебы не боронилъ имъ пирятинцямъ в тихъ же лѣсахъ ихъ од сего часу нѣкгди дерева на потреби ихъ всякіе рубати и на сеножатехъ сѣно косити; по которомъ упомненню и росказанню нашемъ рейментарскомъ не будутъ мѣти в далшій часъ од полковника переясловского помененніе пирятинцѣ жадного в кгрунтахъ своихъ утиску [5]), такою надѣею вашей милости в той мѣре упевнивши, поручаемъ Господу Богу. З Батурина, июля 20 року 1683. Вашей милости зичливій Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорожского".

Но этотъ гетманскій листъ привелъ менѣе, чѣмъ какой либо другой, къ желаннымъ результатамъ, такъ какъ былъ писанъ лишь по поводу сурмачевскаго дѣла и касается всецѣло самоуправствъ Полуботка, съ которымъ трудно было еще мѣряться лубенскому асаулу, Леонтію Свѣчкѣ. Но Свѣчка не унывалъ и продолжалъ адвокатствовать въ пользу сурмачевцевъ, тѣмъ болѣе, что былъ лично заинтересованъ въ исходѣ этого дѣла, вслѣдствіе пріобрѣтенія около Сурмачевки на берегу Оржицы хутора. Обстоятельства поблагопріятствовали сурмачевцамъ: съ низложеніемъ въ 1687 г. Самойловича, Свѣчка получилъ лубенскую булаву. Сдѣлавшись полковникомъ, онъ обста-

---

[1]) Вслѣдствіе просьбы вашей и ходатайства...

[2]) Напоминая и приказывая...

[3]) Отнялъ...

[4]) Возвратилъ.

[5]) Притѣсненія.

вилъ себя своими людьми: полковымъ асауломъ былъ Григорій Никифоровичъ Товолга, писаремъ Леонтій Кичкарѣвскій, пирятинскій уроженецъ, пирятинскимъ сотникомъ Андрей Гладкій, городовымъ пирятинскимъ атаманомъ—Тимоѳей Куриленко, войтомъ—Стефанъ Левченко, бурмистрами—Марко Стефановичъ и Стефанъ Ивановичъ. Разсчитывая на силу новаго полковника, своего человѣка, обиженные сурмачевцы съ Грицькомъ Мищенкомъ, малютинскимъ атаманомъ во главѣ, явились къ Свѣчкѣ вскорѣ по возвращеніи его изъ-подъ Коломака и избранія въ полковники, во время пребыванія его въ Пирятинѣ, и Мищенко отъ имени всей малютинской громады „чинилъ оповѣдъ въ той целъ мовячи“:

„Мосьцѣ пане полковнику и пане вряде городовій, перво з села нашого Малютинецъ пошолъ Иванъ Баглаевъ братъ на Сурмачувку, селище пустое, селитись, а потомъ Микита Чухрай, Грицько Брикунъ и Денисъ, Павла слѣпого зять, и жаденъ з нихъ не мають лѣса, к нашимъ лѣсамъ селятся; прето милостей вашихъ просимъ, аби в нашемъ добрѣ одо нихъ не було намъ утиску“.

Тогда Свѣчка запретилъ названнымъ Мищенкомъ людямъ селиться въ Сурмачевкѣ, но они все таки его не послушали.

Вскорѣ послѣ этого Свѣчка поѣхалъ въ Москву, гдѣ между прочимъ выхлопоталъ возвращеніе пирятинской сотнѣ захваченныхъ Полуботкомъ земель. По пріѣздѣ его изъ Москвы, малютинцы опять воспользовались его пребываніемъ въ Пирятинѣ и повторили свою жалобу: „многимъ людямъ, жителямъ нашимъ малютинскимъ, в лѣсахъ рубаннямъ и в сѣнахъ чинятъ шкоди краденимъ способомъ, вкладаючися [1]) его мость паномъ полковникомъ переясловскимъ, же панъ полковникъ, повѣдаютъ—„позволялъ намъ тута селитися и на потребу свою лѣса и лози рубати“, теди просимъ милостей вашихъ з онихъ Ивана Баглаева брата, и Чухрая, и Грицка Брикуна, и Дениса, слѣпого Павла зятя, святой справедливости“. Свѣчка на этотъ разъ велѣлъ привести къ себѣ обиженныхъ, чтобы лично распросить у

[1]) Ссылаясь...

нихъ подробности дѣла. На сдѣланные имъ запросы, они показали слѣдующее:

„Я—говорилъ Грицько Товстопятъ малютинскій—заставъ Брикуна Грицка у своюй власной стѣнцѣ, що рубавъ куля [1]), и просивъ у него секѣри, такъ онъ не давъ и мовивъ: „позивай мене до пана полковника переясловского, а не до сего; а потимъ знайшли у ровѣ подъ селищемъ деревя, якое всѣ люде видѣли и знають порубаное от того Грицка Брикуна [2])“. Иванъ Литвищенко, Бридуринъ зять, и Грицько Сумась жаловались на Чухрая, что онъ „витявъ [3]) дубовъ на куля возовъ два изъ стѣнки Глекувщини“ и потравилъ сѣно. Грицько Старый говорилъ такъ: „я засталемъ Диниса, слѣпого Павла зятя, рубавъ осику, хотѣлемъ одняти у него, одказавъ мнѣ:—„если, мовитъ, схочешъ однѣмати осику, то еще и тобѣ шію утну до того же пенка“, а Чухрай и Брикунъ чужою лозою пооплѣтовались и сѣна чужіе возять и много шкодъ людямъ починили [4])“. Любопытенъ отвѣтъ Грицка, Трохимова зятя: „Чухрай вирубавъ байраковъ два и въ стѣнцѣ осики и дубовъ десять, берестовъ два, а еще мовить, що „буду рубати, поки мнѣ треба, бо мѣю позволенне от пана полковника переясловского“, а в остатку той же Чухрай мовивъ Романовѣ Кочаненку: „я, мовить, Романъ, твоего не буду рубати лѣса и стѣнокъ, а тіи всѣ буду до звалу рубати, поки мнѣ будетъ надобно, бо еще и писмо от пана полковника переясловского пойду возму волное [5]).“

На сдѣланный послѣ этого запросъ къ обвиняемымъ Микита Чухрай отвѣтилъ за всѣхъ: „ми всѣ з чужихъ лѣсовъ отопливались, а в насъ нѣ у единого тута лѣса немашь“;

Какъ видно изо всѣхъ этихъ распросовъ, обиженные не могли найти себѣ удовлетворенія, несмотря на то, что они были несомнѣнно правы, вслѣдствіе противодѣйствія Полуботка, и дѣло тянулось.

---

[1]) Колья...

[2]) Знаютъ, что вырублено Грицькомъ Брикуномъ...

[3]) Вырубилъ...

[4]) Нанесли...

[5]) Писмо волное—разрѣшеніе.

Но на счастье сурмачевцевъ звѣзда Полуботка при новомъ гетманѣ стала меркнуть и, подъ вліяніемъ Свѣчки, съумѣвшаго войти въ милость Мазепы, было наряжено въ началѣ 1690 г. слѣдствіе для удовлетворенія нескончаемыхъ жалобъ сурмачевцевъ—въ Пирятинъ былъ посланъ, для производства слѣдствія и рѣшенія дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ, войсковый товарищъ Иванъ Рошкевичъ-Быховецъ. Прибывши въ Пирятинъ, Рошкевичъ пригласилъ полковой лубенскій и пирятинскій сотенный уряды, а также переяславскихъ полковыхъ урядниковъ—обознаго Лукьяна Дейнеку и писаря Григорія Власовича Липскаго, да кромѣ того Василія Полѣшка и Евтуха Бобыря, войсковыхъ товарищей, яготинскихъ обывателей, какъ сосѣдей, и всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ Сурмачевку для ознакомленія на мѣстѣ съ подробностями дѣла. Пирятинскіе сотенные урядники представили при этомъ Рошкевичу списокъ [1]) шестидесяти одного владѣльца лѣсныхъ „займищъ“ по р. Оржицѣ, изъ котораго Рошкевичъ, провѣривши его на мѣстѣ, убѣдился, что „еслибы село на урочищи Сурмачувци положилося, мусѣло би бить, яко по близу, з докукою и шкодою онимъ въ займищахъ въ давнихъ и купленнихъ грунтахъ пирятинскимъ и малютинскимъ жителямъ“. Выѣхавши изъ Пирятина, Рошкевичъ проѣхалъ къ Сурмачевкѣ вдоль по Оржицѣ, вверхъ по ея теченію, начиная отъ хутора Свѣчки, при чемъ сурмачевцы показывали ему „заходи лѣсніи, здавна занятіе и купленніе не подлою ценою розною, при которихъ лѣсахъ товаръ держать, и пахання упрятують, и сѣно косять, положени далекости [2]) од хутора полковницкого до Сурмачувки миль двѣ“. Въ сурмачевкѣ ему былъ представленъ реестръ [3]) 27 сурмачевскихъ „господарей“, съ указаніемъ, куда они переселились. Конечно, всѣ сурмачевцы заявили при этомъ Рошкевичу, что, несмотря на свое выселеніе изъ Сурмачевки, они, „боронять и не уступають купленнихъ и здавна занятихъ своихъ грунтовъ, на обидва боки Оржицѣ знизу од Яблунев-

[1]) См. Приложеніе № 1.

[2]) Расположенныя (лѣсныя угодья) въ разстояніи,..

[3]) См. Приложеніе № 2.

скихъ заходовъ, до вершини Оржицѣ лежачихъ, лѣсныхъ, сѣнныхъ и пахатныхъ, по Дмитрову Коноваленкову дуброву и далѣй, в чомъ имъ и за прежнихъ пановъ и полковниковъ переяславскихъ в спокойномъ сидѣнню и уживанню на степу од Чумгаку до Оржицѣ перевони не було".

Въ Сурмачевкѣ явились къ Рошкевичу и самоуправцы, кромѣ Микиты Чухрая и Дениса, Павлова зятя, которые наканунѣ пріѣзда Рошкевича бѣжали изъ Сурмачевки; Иванъ Баглаевъ братъ заявилъ при этомъ:

„Осѣвъ я тутъ на Сурмачувцѣ за вѣдомомъ небожчика Якима Головченка, полковника переяславскаго и писмо на тое сдержавъ, а кгди почали тута мене турбовати, я тое писмо подавъ пану писару полковому лубенскому. На тое панъ писарь одказавъ: „взявъ я у его писмо до пана полковника належное в иншои матеріи, а не на заведенне слободи, и тое писмо я оразъ и теперъ покажу".

При допросѣ другихъ обидчиковъ, обнаружилось, что и они не имѣютъ оффиціальныхъ разрѣшеній на то, чтобы селиться на покинутыхъ грунтахъ; при чемъ они заявили, что готовы уступить грунты прежнимъ владѣльцамъ, и стали жаловаться на Свѣчку, что онъ приказалъ забрать у нихъ нѣсколько лошадей, коровъ, быковъ, а также разные „рупески"—серпы, долота, сѣкиры, заступы, нѣсколько клубковъ шерсти, кромѣ того, „по мѣху" овса и пшеницы, и раскидалъ двѣ построенныя ими хаты. Рошкевичъ приказалъ пирятинскому сотнику разыскать и отдать жалобщикамъ перечисленныя ими вещи, что же касается скота, то онъ совѣтовалъ имъ обратиться къ самому Свѣчкѣ съ просьбой о возвращеніи его; относительно же хатъ лубенскій полковой писарь Леонтій Кичкарѣвскій заявилъ, что онѣ были раскиданы потому, что въ нихъ де было опознано дерево изъ пирятинскихъ лѣсовъ.

Послѣ всѣхъ распросовъ, Рошкевичъ пришелъ къ убѣжденію въ правотѣ сурмачевцевъ и приказалъ новопоселившимся очистить грунты, а чтобы отсутствовавшіе при слѣдствіи Чухрай и Денисъ не вздумали опять „баламутить", отдалъ распоряженіе переяславскимъ полковымъ урядникамъ, чтобы Чухрай и

Денисъ были найдены и ему представлены; на это обозный Лукьянъ Дейнека замѣтилъ, что Чухрай посланъ съ яготинскимъ сотникомъ Момотенкомъ „до ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана“, что подтвердили и другіе козаки. Но положеніе Полуботка было уже настолько шатко, что Рошкевичъ не только не принялъ во вниманіе этого заявленія, но подтвердилъ еще приказаніе, чтобы Чухрай былъ доставленъ безъ всякихъ отговорокъ къ лубенскому полковнику, и переслалъ Полуботку письмо съ требованіемъ, чтобы Чухрай былъ присланъ къ нему немедленно, „для того жеби болшей такіе плути не бѣгали з суплѣками и межи панами старшими нашими расколовъ не плодили“.

Выслушавши рѣшеніе Рошкевича, переяславскій обозный Дейнека, близкій къ Полуботку человѣкъ, увидѣвши въ этомъ ясный признакъ паденія Полуботка, воскликнулъ въ присутствіи Рошкевича и прочихъ урядниковъ:

„Оттакъ! мовитъ полковникъ — нехай люде сидаютъ охочіе на Сурмачувцѣ поселеніемъ своимъ ку мешканню, яко неналежномъ переяславскомъ мѣсцю“, а теперъ зась! и гди обачить стислости положенія, ижъ докола чужіе займища и тихъ плецовъ живіе господарѣ знайдуются, узнати мусить, иж неможно на чужихъ плецахъ другимъ дозволенія давати до осѣдлости!“

Рѣшивши 10 марта 1690 г. безконечную тяжбу, Рошкевичъ, дабы предотвратить на будущее время возможность возобновленія этого дѣла, запретилъ кому-либо селиться вновь на сурмачевскихъ грунтахъ, подъ карою 100 таляровъ штрафу.

По возвращеніи въ Батуринъ, Рошкевичъ изложилъ подробно результаты своей „инквизиціи“ гетману, вслѣдствіе чего Мазепа, утвердивши рѣшеніе Рошкевича, написалъ Свѣчкѣ слѣдующій, окончательно рѣшающій дѣло, „листъ“:

„Мой ласкавій пріятелю пане полковнику лубенскій. Поневажъ з досмотру инквизиціи висланнаго нашего пана Ивана Быховця, якосмо слушне зрозумѣли, неслушне сурмачовскіе кулка человѣковъ на своихъ давнихъ поселискахъ садитися уперли были, за позволеннемъ пана полковника переяславского, и имъ седити тамъ слободою не доводится, для того же ихъ власнихъ

жадныхъ кгрунтовъ до селитби тамъ немаеть, але хиба би все они засягали з займищъ пирятинскихъ надобной деревнѣ, теди цале ми волею нашею тое ствержаемъ, аби они сурмачувцѣ нѣкогда тамъ на селищи своемъ не важились селитись, и ваша милость того постерегати и недопускати имъ маешь, о чомъ ми теперъ писали и до пана полковника переясловского, приказуючи, аби для згоди полпановъ его и вашихъ не позволялъ тимъ сурмачувцамъ тамъ селитися болшъ, але нехай собѣ инде где живуть, що предложивши зичимъ вашей милости доброго здоровя и Господу Богу оного затимъ поручаемъ. З Батурина, 20 марта 1690 року. Вашей милости зичливій во всемъ пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорожского".

Въ письмѣ этомъ Мазепа неправильно именуетъ сурмачевцами самоуправцевъ, между тѣмъ какъ болѣе правъ имѣютъ на это наименованіе первоначальные владѣльцы сурмачевскихъ грунтовъ, вслѣдствіе этого въ письмѣ замѣчается нѣкоторая неясность: *„неслушне (неправильно) сурмачовскіе*—пишетъ онъ—*кгдко человъковъ на своихъ давнихъ поселискахъ садитися уперли были*", и въ тоже время заявляетъ, „же ихъ власныхъ жадныхъ грунтовъ до селитби тамъ немаешь" и чтобы „они сурмачувцѣ нѣкогда тамъ на селищи своемъ не важились селитись".

Такъ окончился продолжительный земельный споръ, интересный по участію въ немъ двухъ такихъ могучихъ представителей малороссійской старшины второй половины XVII вѣка, какъ Полуботокъ и Свѣчка, испытывавшихъ въ немъ свою силу, завершившійся торжествомъ Свѣчки и пораженіемъ Полуботка.

Приложеніе № 1.

Реестръ лѣсовъ на Оржицѣ, взявши од хутора пана полковникового до вершини Оржицѣ, кромѣ тѣхъ, що унизъ до Яблунева симъ бокомъ и тимъ Оржицѣ, списано року 1690.

Се до вершинѣ Оржицѣ.

Два гаи пана полковниковихъ куплениxъ.

Стѣнка пана полковникова над Оржицею на семъ боку.

Григорія Таволги, асаула полкового, стѣнка купленая и сѣножать з лозами займаніе.

Двохъ братовъ Якова и Антона Гиренковъ гай отцевскій и сѣножать з лозами.

Андрея Гладкого, сотника пирятинского, по обоихъ сторонахъ Оржицѣ сѣножать з лозами займанніе.

Власа Сѣмашка, хорунжого полкового, сѣножать з лозами займанніе.

Леонтія Кичкарѣвского, писаря полкового, стѣнка купленная сѣножать з лозами.

Василя Калити стѣнка и лози купленніе продалъ писару полковому за 10 копъ.

Андрѣя Стаецкого сѣножать з лозами займанніе.

Процка Мостового сѣножать з лозами займаніе.

Якова Коломійца сѣножать з лозами займаніе.

Василеви Коломійцеви лози и сѣножать займаніе.

Романови Коломійцеви лози и сѣножать займаніе.

Демяна Малохвѣенка лози займаніе.

Тимоѳѣя Куриленка сѣножать и лози займаніе.

Двохъ братовъ Бурихъ гаи и лози займаніе.

Якова Буршченко стѣнка купленая у Коваленка за 10 золотихъ.

Панка Великого стѣнка купленая у Бугая за 7 золотихъ.

Иванова Лобасова стѣнка купленая у Павла за таляръ.

Василя Оленяка стѣнка, ставъ и сѣножать купленое у Передѣрѣя за 10 копъ.

Островъ Бзувъ.

Пана полковника лѣсъ купленой у Козаченка за 10 талярей.

Мисковъ Бугуславцевъ лѣсъ, купленій у Миска шевця у Бзовѣ за 7 золотихъ.

Василя Мартиненка лѣсъ купленій у Бзовѣ у Евминки за копъ 6.

Якимовъ лѣсъ купленій у Бзовѣ-жъ у Евминки-жъ за копъ 2.

Познянского лѣсъ у Бзовѣ купленой у Евминки за копъ 6.

Кринницкой лѣсъ купленой у Бзовѣ у Жулая за 2 таляри.

Микитинъ лѣсъ у Бзовѣ купленій у Жулая за 2 таляри.

Передерѣевъ лѣсъ у Бзовѣ отчистій.

Гришковъ Литвиновъ лѣсъ у Бзовѣ купленій за вола.

Хведоровъ Баглаевъ лѣсъ у Бзовѣ купленой.

Дмитровъ Коваленковъ лѣсъ у Бзовѣ купленой за чотыри талери.

У Ивана Черкасця лѣсъ купленій у Бзовѣ за 7 золотихъ у Баглая.

Данковъ Шкляровъ лѣсъ купленій у Бзовѣ у Яцка за 2 таляри.

Семена Барнѣцкого лѣсъ купленій за 5 копъ.

Бужвинъ лѣсъ у Бзовѣ купленій за 7 золотихъ у Янгеля.

Гришка Литвина лѣсъ у Бзовѣ куплено за 7 золотихъ од Назара.

Грицка, атамана малютинского, лѣсъ купленій за два таляри у Бозика.

Гришка Товстопята лѣсъ у Бзовѣ купленой у Передерѣя за 5 копъ.

Мисковъ Усовъ лѣсъ купленій у Бзовѣ за 6 золотихъ у *Сурмача*.

Грицка Лозебного лѣсъ у Бзовѣ купленной за 6 золотихъ у брата.

Павла Шепеленка лѣсъ у Бзовѣ купленой за 7 копъ у Ярмоли.

Стѣнка Калембитовская купленая за 10 золотихъ у Мизанки.

Гришка Товстопята стѣнка купленая.

Матвѣя Назаренка стѣнка купленая у Грицка Мищенка за 6 копъ.

Грицкова Рогалева стѣнка купленая за 7 копъ.

Грицкова Пригодякова стѣнка купленая за 7 золотихъ и копу у Янголя.

Савчина Передерѣева стѣнка отчистая.

Назарова стѣнка купленая за 6 копъ.

Грицкова Товстопята стѣнка купленая за 7 золотихъ у Бугая.

Ивана Бридури стѣнка купленая за 5 золотихъ у Евтуха.

Двѣ стѣнки Кости Мухоѣда куплени за 10 копъ.

Терешкова стѣнка купленая за 11 злотихъ у Янгьля.

Грицкова Ткачова стѣнка куплена за 8 копъ у Данчихи.

Антона Бридури стѣнка куплена за золотихъ вусѣмь.

Хведорова Баглаева стѣнка займанная.

Назаровъ лѣсъ купленій за вусѣмнадцять золотихъ у Гарбухи.

Павла Сумася другая стѣнка взята у 13 золотихъ в Чухрая.

Сидора Артюшенка стѣнка купленая за 5 копъ у Павла.

Грицка, атамана малютинского, стѣнокъ 2, купленіе за 12 золотихъ у Яреми Бута.

Антона Бридури 2 стѣнки купленихъ една у Панка, другая в Передерѣя за 17 золотихъ.

Хведоровъ Баглаевъ лѣсъ у Сурмацувцѣ дѣдизній.

Хведоривъ другій лѣсъ у Ясеновѣ отчистій.

Васкувъ Ахриенковъ лѣсъ у Ясеновѣ купленій за 70 золотихъ у Соловя.

Романовъ Качановъ лѣсъ на Оржицѣ купленной за 10 копъ у Мамота.

Ивановъ Момотовъ лѣсъ дѣдизній и отчизній.

Баглаева стѣнка займаная.

Мискова Усова дуброва куплена за 100 таляровъ у Тимка.

Дмитрова Коноваленкова дуброва, куплена за 20 таляровъ у Панаса Захарченка.

Всѣхъ лѣсовъ 70, а господаровъ до нихъ 61.

Приложеніе № 2.

У Сурмачувцѣ чіи плеци.

Грицкув, атамана малютинского, плецъ, купивъ у Чибуркувни з лѣсомъ.

Якимувъ Коваленкувъ плецъ, жіе въ Пирятинѣ господарь.

Иванувъ сичувъ плецъ, жіе в Курѣнцѣ господарь.

Гришковъ Товстопятовъ плецъ, жіеть в Пирятинѣ господарь.

Стефана Науменка плецъ, господарь ему Передерѣй, жіе в Пирятинѣ.

Гришка Товстопята другій плецъ тестовскій, жіе в Пирятинѣ.

Сидора Дуденка плецъ, живетъ в Пирятинѣ господарь.

Хведоривъ Баглаевъ плецъ з лѣсомъ и ставищемъ, жіе в Пирятинѣ.

Яреми Буши плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Назара Григоріевича плецъ, поселився на немъ Брикунъ, а господарь жіе в Пирятинѣ.

Дмитра Коноваленка плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Иванувъ Янгелювъ плецъ, жіе в Пирятинѣ господарь.

Евтуха Глекувского плецъ, жіе в Пирятинѣ господарь.

Мойсѣевъ Хведоричувъ плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Павло Сумаса плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Мазанчинъ плецъ, зосталъ Пазуру по жонцѣ, живеть в Пирятинѣ

Ивана Шенеля плецъ Павлу зятю належить, жіе в Пирятинѣ.

Хведора Баглая старого плецъ, жіе в Пирятинѣ господарь.

Ярмолинъ плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Панкувъ Мойсѣенкувъ плецъ, жіе в Пирятинѣ.

Ивановъ Донцовъ плецъ, Грицко Ткачъ господарь ему, живеть в Пирятинѣ тотъ Ткачъ господарь.

Семенувъ Данченкувъ плецъ, Трохиму зосталъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Пивоваровъ плецъ, користуе нимъ Власъ, живеть в Пирятинѣ.

Хоми Баглая плецъ, користуе нимъ Ѳедоръ Баглай, братъ его, жіе в Пирятинѣ господарь.

Игнатувъ Дуденкувъ плецъ, користуе нимъ з гаями.

Павло Сумась, взято за злодѣйщину: Микита, синъ Игнатувъ, покравъ у Сумася гроши. Сумась в Пирятинѣ жіе господарь.

Миска Косяка плецъ, користуе нимъ Ѳедоръ Баглай купивъ за коня и жіе в Пирятинѣ господарь.

Никитинъ Панасенковъ плецъ, господарь живеть в Пирятинѣ.

Гришко Товстопятъ купивъ лѣсъ из садомъ в Сурмачувцѣ громадской, которіе живуть в Пирятинѣ, десять таляровъ давъ на церковь Божію в Пирятинѣ.

Списано всѣхъ плецовъ колко тамъ зостаеть в Сурмачувцѣ, кромѣ сего лѣса и саду, що купивъ Товстопятъ, двадцать сѣмь плецовъ и господарѣ в Пирятинѣ.

Списовавъ Демянъ Даниловичъ, на той часъ писарь мѣскій пирятинскій, року 1690, мѣсяца марта 10 дня.

Н. В. Стороженко.

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(ОКОНЧАНІЕ).

Антонъ любитъ шутить и съ евреями, но его жарты съ евреями имѣютъ иной характеръ. Антонъ знаетъ, что евреи страшные трусы: онъ эксплуатируетъ эту черту ихъ характера для своихъ жартивъ. Однажды зашелъ въ нашу кухню еврей-скупщикъ пшеницы. Еврей былъ уже пожилой человѣкъ и, какъ честный торговецъ сравнительно съ другими евреями, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ кухнѣ въ уголкѣ стояло старое заржавленное ружье, служившее младшимъ моимъ братьямъ игрушкою. Это ружье было въ своемъ родѣ „одставнои мазныци квачомъ“. Вдругъ Антонъ хватаетъ ружье въ руки, прицѣливается въ еврея, да еще прямо въ грудь и кричитъ: „бахъ!“ Еврей пошатнулся, отбросилъ голову назадъ, поблѣднѣлъ и чуть-чуть не свалился на землю. Дивчата захохотали.

— Вже застрелывъ, нема Мошки на сему свити! говоритъ Антонъ.

Мошка понялъ Антонову шутку. Онъ воспрянулъ, вышелъ изъ состоянія неподвижности и оцѣпененія и... вдругъ разсердился, даже вскипѣлъ и бросился бить Антона кулаками. Но въ Антона такъ легко попасть кулакомъ, какъ въ летящаго воробья. Мошко махнетъ кулакомъ, Антонъ извернется, какъ

[1]) См. „Кіев. Старина“, 1890 г. № 11.

угорь, и стоитъ за спиною Мошка, а кулакъ еврея бьетъ воздухъ. Мошко оборачивается и опять хочетъ нанести ударъ Антону и опять бьетъ кулакомъ воздухъ: Антонъ присѣлъ и шмыгнулъ за спину Мошка. Бѣдный Мошка вертѣлся, вертѣлся на всѣ стороны и, наконецъ, усталъ, поражая воздухъ. Тяжело дыша, онъ садится на скамейку. Антонъ тоже садится на лавкѣ и почесываетъ спину.

— Оце, побывъ мене Мошко кулаками, ажъ спына щемыть, говоритъ Антонъ.

— Я тебе пидъ судъ отдамъ, що ты на мене стрелявъ, говоритъ задыхающимся голосомъ Мошко.

— А я тебе отдамъ подъ судъ за те, що ты мини кулакамы бебехы надсадывъ, говоритъ притворно вызывающимъ тономъ Антонъ, отъ подывысь: у мене вся спына въ сынякахъ.

Однажды пришла къ моей матери еврейка по какому то дѣлу. Моя мать въ то время была въ кладовой; дверь изъ кладовой выходила въ сѣни. Еврейка стала около дверей въ кладовую и начала вести разговоръ съ матерью, взявшись рукою за дверь и заглядывая въ кладовую. Антонъ проходилъ черезъ сѣни и увидѣлъ еврейку. Вдругъ у него является мысль напугать еврейку; онъ на четверенькахъ подкрадывается къ еврейкѣ, вдругъ начинаетъ бѣшено лаять, хватаетъ зубами за подолъ еврейки, съ озлобленіемъ „гарчитъ“, совсѣмъ какъ собака, и треплетъ сподницу зубами.

— Ой гвултъ! ой вай миръ! раздается крикъ еврейки.

Она съ испугомъ бросается въ кладовую и спѣшитъ притворить за собою дверь. Бѣдная еврейка поблѣднѣла отъ страха, но вдругъ, оборотившись, нигдѣ не видитъ собаки, только замѣчаетъ, что Антонъ поднялся на ноги и хохочетъ.

— А бодай тебе, якъ ты мене злякавъ! На що тоби лякать мене, хиба ты не знаешь, що я боюсь собакъ? говоритъ еврейка и говоритъ правду.

Однажды къ моему отцу въ осеннюю пору пришелъ еврей покупать „кули“, т. е. вымолоченные снопы ржи. Дѣло покончили. Еврей пріѣхалъ на своемъ возѣ и заѣхалъ въ клуню (въ ригу), гдѣ кули были отложены въ сторонкѣ. Еврей взялся самъ сло-

жить кули на возъ, конечно, съ той цѣлью, чтобы выбрать кули побольше. Антонъ слышалъ весь этотъ разговоръ о куляхъ. Когда еврей въѣхалъ въ клуню, Антонъ уже зарылся въ кули и лежитъ тамъ, притаивъ дыханіе. Еврей влѣзаетъ по лѣстницѣ на засторонокъ и начинаетъ сбрасывать кули на возъ. Поднимаетъ онъ одинъ изъ кулей и, вдругъ, оттуда выскакиваетъ Антонъ. Подпрыгнувъ чуть не подъ крышу, махая руками и ногами, Антонъ прячется опять, зарывшись въ кули какъ мышь. Еврей въ ужасѣ прыгаетъ съ засторонка на возъ, съ воза на землю и пускается бѣжать черезъ дворъ къ дому. Онъ блѣденъ, какъ смерть, и едва дышетъ отъ ужаса. Придя немного въ себя, онъ начинаетъ кричать на весь дворъ.

— Ой гвултъ! ой тателе, мамеле! Тамъ въ куляхъ сыдивъ чортъ, вопіетъ еврей.

— Якый тамъ чортъ, де тамъ чортъ взявся та ще й въ день? Ты, мабуть, выпывъ трохи? говорятъ ему слуги.

— Чортъ! Я самъ бачывъ; я пиднявъ куль, а звидтиль выскочывъ чортъ, крыкнувъ ще й пидскочывъ ажъ пидъ кроквы та й счезъ, говоритъ еврей.

Вдругъ изъ клуни выходитъ Антонъ и хохочетъ во всю глотку, направляясь къ еврею.

— Та, може, оцей чортъ выскочывъ зъ куливъ? говорятъ еврею дивчата, указывая на Антона.

— Ни, не цей! Де тамъ цей! То бувъ страшный. Завернить мини кони съ клуни въ двиръ: я туды не пиду. Не хочу я й тыхъ куливъ брать. Ой, ой, ой, ой! стонетъ еврей, хватаясь одной рукой за грудь.

И дѣйствительно, онъ не захотѣлъ брать кулей; какъ ни убѣждали его, что это была Антонова шутка, еврей не убѣдился и остался при своемъ мнѣніи, что въ куляхъ водится чортъ и что кули нечисты.

Однажды лѣтомъ шили для насъ платье портные-евреи. Портные были не стеблевскіе, а изъ сосѣдняго мѣстечка Лысянки, лысянскіе портные лучше стеблевскихъ, и поэтому ихъ часто приглашали шить платье служащіе при стеблевскихъ заводахъ. Евреи расположились въ кухнѣ; ихъ четверо: три моло-

дые и одинъ—старый. Они сидѣли вокругъ стола и занимались работой. Вдругъ въ кухню входитъ Антонъ Андреевичъ. Лысянскіе портные его совсѣмъ не знаютъ и видятъ въ первый разъ. Антону неожиданно пришла фантазія напугать евреевъ; онъ неистощимъ въ изобрѣтательности по части шутокъ. Антонъ вступаетъ съ евреями въ разговоръ и ведетъ его спокойнымъ тономъ человѣка не домашняго, а совершенно посторонняго, пришедшаго по дѣлу.

— А звидкиль вы: чи стеблевски кравци, чи богуславски? спрашиваетъ евреевъ Антонъ.

— Ни, мы лысяньски. Шылы на сахарни панамъ одежу тай до батюшки зайшлы, отвѣчаетъ старый кравецъ.

— Що-жъ це вы шьете, чы панычамъ сюртукы, чы що? спрашиваетъ спокойнымъ тономъ Антонъ.

— Це мы шьемо панычамъ сюртукы, а потимъ будемъ шыть и батюшци, отвѣчаетъ старый еврей.

Вдругъ Антонъ въ одно мгновеніе падаетъ навзничъ на землю. Онъ повалился, какъ снопъ, начинаетъ дрыгать руками и ногами, потомъ начинаетъ сопѣть и храпѣть, какъ будто съ нимъ случился припадокъ падучей болѣзни. Онъ отбросилъ голову назадъ, стучитъ головою, страшно выворачиваетъ глаза, руки и ноги подергиваетъ, какъ въ конвульсіяхъ. На евреевъ нашелъ столбнякъ; они точно окаменѣли отъ страха и сидятъ неподвижно, выпучивъ глаза на Антона. Антонъ начинаетъ изображать умирающаго въ конвульсіяхъ человѣка, какъ изображаютъ его артисты на сценѣ. Его конвульсіи ослабѣваютъ; онъ раскинулъ руки и ноги и лежитъ плашмя; онъ конвульсивно сжимаетъ пальцы на рукахъ и подергиваетъ колѣнями; ротъ его то искривленъ, то страшно разинутъ; языкъ высунутъ изо рта и свѣшивается на подбородокъ; глаза совсѣмъ потянуло подъ лобъ. Раздается предсмертное хрипѣніе. Антонъ вотъ-вотъ умретъ: черезъ минуту, черезъ двѣ... Евреи въ ужасѣ; они не могутъ пошевельнуться. Имъ закономъ запрещено смотрѣть на лицо умирающаго. Евреи въ послѣдніе минуты агоніи умирающаго покрываютъ его простыней и выходятъ изъ комнаты. Портнымъ нужно было выйти, но умирающій раски-

нулся поперегъ кухни и лежитъ на дорогѣ къ дверямъ. Наконецъ, старый еврей опомнился и пришелъ въ себя. Онъ влѣзаетъ на лавку, по лавкѣ добирается до дверей и бросается на дворъ.

— Ой, рятуйте! Чоловикъ вмеръ! кричитъ еврей.

— Якый чоловикъ? Де винъ вмеръ? спрашиваетъ еврея прислуга.

— Отамъ въ кухни, скажитъ батюшци. Якыйсь чоловикъ прыйшовъ въ кухню, говорывъ, говорывъ зъ намы, а потимъ впавъ навзнакъ тай вмеръ, говоритъ еврей, едва переводя духъ.

Извѣстіе о смерти какого-то человѣка, да еще смерти скоропостижной встревожило всѣхъ; всѣ бросились въ кухню. Антонъ лежитъ среди кухни и, кажется, уже совсѣмъ Богу душу отдалъ; онъ только судорожно подергиваетъ колѣнками, сгибая попеременно то одно, то другое; голова сворочена на бокъ; зрачки ушли подъ лобъ. Вдругъ Антонъ вскакиваетъ на ноги и начинаетъ хохотать до упаду. Несчастные евреи, сидѣвшіе за столомъ и видѣвшіе мнимую агонію, только таращатъ глаза на Антона и ничего не могутъ понять. Всѣ присутствующіе въ кухнѣ тоже начинаютъ хохотать. Что думали евреи во время этой сцены, трудно сказать. Имъ послѣ объяснили, что всѣ эти припадки Антона были шуткой, ловко сыгранной, и, дѣйствительно, до того ловко, что Антону позавидовалъ-бы любой артистъ.

Съ своими родственниками Антонъ Радывыловскій былъ далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ—и все таки благодаря своей непреодолимой склонности къ жартамъ. Старшая сестра его была замужемъ за дьячкомъ въ одной деревушкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Стеблева. Его младшій братъ жилъ у сестры въ качествѣ работника. Сестра не любитъ Антона Андреевича, младшій братъ не выноситъ его присутствія. Сестра по характеру представляетъ полный контрастъ Антону. Она имѣетъ много дѣтей, вѣчно хлопочетъ, вѣчно занята хозяйствомъ и дѣтьми; она вѣчно жалуется на свою судьбу, охаетъ, плачетъ, стонетъ, хватаясь обѣими руками за голову. Природа, какъ бы въ насмѣшку, слишкомъ односторонне распредѣлила между членами семьи свои дары: Антонъ—весь смѣхъ, жарты и легкомысліе, сестра его—вся слезы и оханье. Что же могло быть общаго

между смѣхомъ и слезами? Несмотря на отсутствіе симпатіи къ своей сестрѣ, Антонъ все таки иногда бывалъ въ гостяхъ у нея. Сестра по обыкновенію бывало начинаетъ вздыхать, охать, жаловаться на свою судьбу, на свое убожество. Антону, очевидно, не нравится подобное препровожденіе времени: онъ не любитъ слезъ, не выноситъ жалобъ; онъ молчитъ, дѣлаетъ гримасы. Сестра начинаетъ читать ему мораль. Антонъ терпѣть не можетъ морали, да еще приправленной слезами, словно перцемъ.

— Господы мылостывый та мылосердный! И що ты за людына? начинаетъ свою проповѣдь сестра Антона: тоби все смишки та жарты. Ты-жъ вже не маленькій, не хлопець, а вже дорослый чоловикъ. Хиба-жъ такы не часъ тоби до розуму дойты? Други люде въ твоихъ литахъ вже поженылысь, а ты все тыняесся...

— Пидсыпай, пидсыпай перцю въ горилку: буде смачниша. подтруниваетъ Антонъ.

— Господы! Щобъ то оце сказавъ нашъ покійный батько якъ бы вставъ зъ домовыны?! продолжаетъ сестра.

— Ничого не сказавъ бы. А отъ ты то наговорыла тры мишки гречанои вовны, уже сердито замѣчаетъ Антонъ.

Сестра не унимается: она чувствуетъ припадокъ слезъ и чтенія морали.

— Кожного зачепыть, зъ кожного насміеться! Нема тоби ни сорому, ни гриха. Зачипаешь дивчатъ, зачипаешь молодыць Господы! Що ты за людына! продолжаетъ сестра.

Антонъ теряетъ терпѣніе: онъ подходитъ къ сестрѣ и подставляетъ полу своего жупана, словно желаетъ собрать въ полу перлы морали, разсыпаемой сестрой.

— Сыпъ жару въ полу, сыпъ! говоритъ Антонъ не то сердито, не то шутя.

— Взявъ бы дочку въ щербатынського дяка тай жывъ бы, якъ жывуть люде, продолжаетъ сестра.

— Оту птаху съ полывянымъ носомъ? ядовито замѣчаетъ Антонъ.

— Ничого те, що въ неи гострый нисъ, за те-жъ у йіи батька волы, й коровы, и кони, и всякого добра. А помре ста-

рый, станешъ на его мисци за дяка. А ты все тыняесся по свиту, якъ одъ гилли одирваный (сорвавшійся съ висѣлицы). Де твои гроши, що берешь за службу? за витромъ пускаешь... А, Господы мылосердный! не говоритъ, а какъ то взвизгиваетъ сестра, хватаясь руками за голову, и въ ея глазахъ показываются слезы.

— Сыпъ, сыпъ, жару! Вже повный прыпилъ насыпала, сыпъ ще въ халяву, говоритъ Антонъ и руками растопыриваетъ передъ сестрой голенище.

— А, Боже мій! Що зъ тебе буде? Докы ты будешъ отакъ волочытысь по свиту? Швыдко посывіешь; подывысь лишень въ дзеркало—онъ на голови сывый волосъ уже свитыться! говоритъ уже со слезами сестра.

Слезы сестры окончательно раздражаютъ Антона; онъ присѣдаетъ передъ сестрою и отставляетъ воротникъ рубашки на затылкѣ.

— Насыпай ще жару за сорочку щобъ гирше дошкуляло. Оттакъ буде дошкульнише.

На лавкѣ молча сидитъ младшій братъ Антона—Иванъ. Природа слишкомъ не равномѣрно раздѣлила свои дары между братьями и сестрой. Сестра взяла у природы на свою долю слезы и практическій умъ, Антону достался въ удѣлъ смѣхъ, младшему брату Ивану—не досталось ничего: онъ почти идіотъ и, какъ большая часть идіотовъ, невообразимо самолюбивъ и гордъ; на его долю выпала только любовь къ физическому труду: онъ отличный работникъ и готовъ работать съ утра до ночи. Младшій братъ не выноситъ самаго вида Антона за его шутки и даже издѣвательство надъ нимъ. Насмѣшки Антона и комедіантство съ сестрою, слезы сестры—все это задѣваетъ за живое Ивана. Онъ вступается за сестру.

— Оттакъ винъ усе. Оттакъ винъ усе, начинаетъ свою рѣчь Иванъ, сидя на лавкѣ, въ него все жарты та смишкы; никого не слухае: сестра говорыть—винъ не слухае, я говорю—винъ не слухае.

— Щей цей почынае! На прыпилъ! Сыпъ жару ще въ другый прыпилъ! говоритъ Антонъ и подставляетъ другую полу своего жупана подъ носъ брата.

— Де ты гроши диваешь? продолжаетъ сестра: скилькы грошей берешъ, а ничого въ кишени не маешь! Ой Господы мылосердный! Тоби треба женытыся; пидуть диты; якъ ты будешь на свити жыты? говоритъ она со слезами на глазахъ и опять для чего-то хватаетъ свою голову въ обѣ руки и жметъ ее.

— Оттакъ винъ усе! Оттакъ винъ усе, щобъ хто не говорывъ ему! поддакиваетъ братъ.

Антонъ окончательно выходитъ изъ терпѣнія и выкидываетъ штуку въ отвѣтъ на осаждающую его съ двухъ сторонъ мораль: онъ начинаетъ играть роль человѣка, которому насыпали горячихъ углей въ голенища и за воротникъ рубахи.

— Ой, пече, пече, пече! Ой, насыпалы жъ мини жару за сорочку! Ой, ой, ой! Пече, пече, пече! Ой, тателе, мамеле! кричитъ Антонъ, прыгая по комнатѣ. Онъ дрыгаетъ ногами, точно ему въ самомъ дѣлѣ насыпали углей въ голенища; поводитъ спиной, точно она вся въ огнѣ, корчится, жмется, пищитъ, сычитъ какъ будто отъ боли. Сестра смотритъ на эту артистическую игру и, засмотрѣвшись, перестаетъ читать мораль. На ея скорбныхъ устахъ появляется что-то похожее на улыбку. Она въ отчаяніи только махнула рукой на Антона: пропалъ, молъ, на вѣки человѣкъ. Но самолюбивому брату недоступны эстетическія наслажденія, онъ продолжаетъ свою лекцію:

— Оттакъ винъ усе; сестра навчае, винъ не слухае; я говорю, говорю, а винъ мене не слухае, а винъ скаче; я навчаю, а винъ скаче!

— Щебъ пакъ такого дурня слухавъ! говоритъ Антонъ, онъ гляды лышъ своихъ дзвонивъ; давъ тоби батюшка посторонкы въ руки (веревки, которыми приводятъ въ движеніе языкъ колоколовъ), то й дзвоны! А ты й дзвонить гораздъ незугарный.

Иванъ выходитъ изъ себя и соскакиваетъ съ лавки.

— Хто? Я дурный? Я не вмію дзвонить? не кричитъ, а пищитъ онъ сиплымъ голосомъ.

— А вже жъ не вміешь, дразнитъ его Антонъ.

— Брешышъ ты: онъ люде кажуть, що нихто ще не дзвонывъ такъ гарно, якъ я! Отъ що! съ гордостью говоритъ Иванъ.

— Онъ подывысь лышень на свои дзвоны: голубы та горобци такъ ихъ побилылы, що воны сталы якъ глыняныки, а ты й не помышь ихъ. Ты думаешь, що ты дзвонышь въ дзвоны, ты дзвонышь въ глыняныкы, отъ що! допекаетъ Антонъ брату.

— Я?.. Я дзвоню въ глыняныкы? Хто? Я?.. Я?.. прыщетъ Иванъ, задѣтый за живое. Онъ показываетъ Антону свой огромный мускулистый кулакъ, совсѣмъ непропорціональный его небольшому росту.

— Не вміешь! Создавъ тебе Господь та й кается! бросаетъ Антонъ еще одну насмѣшку по адресу брата.

Иванъ трижды плюетъ въ сторону, отходитъ въ самый далекій уголъ комнаты, садится и отворачиваетъ свое мрачное лицо къ стѣнѣ, какъ дѣлаютъ сердитыя дѣти.

— Дзвоныть не вміе, а ще й надивъ на палець мидну каблучку, задѣваетъ Антонъ брата, замѣтивъ на его пальцѣ кольцо.

Этими словами Антонъ какъ будто припекъ Ивана горячими щипцами, онъ вскакиваетъ съ мѣста и бѣжитъ къ Антону.

— Мидну каблучку? Въ мене мидна каблучка? Ба! Брешышъ ты: це золота каблучка! Сама матушка казала, що це золота каблучка! Оттакъ винъ усе! пищитъ Иванъ.

— Та то матушка зъ тебе сміялась, прехладнокровно замѣчаетъ Антонъ.

— Сміялась... Оттакъ винъ усе! Я жъ кажу, оттакъ винъ усе. Матушка казала, що перстень золотый, а винъ каже мидный. Оттакъ винъ усе! Я кажу образы, а винъ каже, лубъя! Оттакъ винъ усе! шипитъ Иванъ, размахивая кулаками.

— Иване, якабъ то знайшлась дурна дивка, щобъ дала тоби оту каблучку, поддразниваетъ Антонъ брата.

— Пху, плюетъ Иванъ на середину комнаты и опять садится въ самомъ далекомъ углу.

Сестра Антона безмолвно смотритъ на эту сцену и въ отчаяніи машетъ рукой. Зять Антона слышитъ весь разговоръ изъ сосѣдней комнаты. Онъ знаетъ, что въ его домѣ собрались непримиримые элементы, въ родѣ: воды, огня и чего-то безвоздушнаго, невѣсомаго. Онъ понялъ, что настала пора вмѣшаться и какъ-нибудь хоть для формы примирить непримиримое.

Та годи вже вамъ жартувать! Давайте ще будемо дило робыть, говоритъ онъ, направляясь къ шкафу, вдѣланному въ уголъ комнаты въ видѣ трехугольника и размалеванному зеленой краской. Онъ отворяетъ шкафъ и беретъ съ полки флягу водки въ видѣ синяго стекляннаго медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ.

— А ходить лышень до цего видмидя! Може винъ дасть намъ меду, говоритъ зять, наливая по чаркѣ водки, настоянной на красномъ перцѣ.

Антонъ и сестра подходятъ къ медвѣдю. Чарка, очевидно, сближаетъ ихъ, но Иванъ неумолимъ и непримиримъ, на приглашеніе выпить чарку онъ плюетъ еще разъ и выходитъ на дворъ, хлопнувъ дверью.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, Иванъ отправляется въ Стеблевъ за покупками; онъ хотѣлъ сдѣлать себѣ новый костюмъ. Сестра поручила ему купить соли, свѣчей, постнаго масла, мяса. Иванъ прежде всего зашелъ въ лавку, чтобы взять матеріи на жупанъ. Еврей развернулъ передъ нимъ нѣсколько кусковъ. Иванъ выбралъ матерію и началъ торговаться. Вдругъ неожиданно въ лавку входитъ Антонъ. Не поздоровавшись съ Иваномъ, онъ вдругъ обращается къ еврею.

— А це що за чоловикъ въ тебе въ лавци? спрашиваетъ Антонъ.

— А хиба жъ вы не знаете? Це жъ вашъ братъ, отвѣчаетъ еврей, конечно, зная, что Антонъ любитъ пошутить.

— Якый братъ? Це якыйсь волоцюга, бродяга. А билетъ въ его йе? На що ты прыймаешь въ свою лавку безбилетныхъ? говоритъ Антонъ еврею.

— Мини все одно, кому ни продавать, чы мае хто билетъ, чы не мае, говоритъ еврей.

— А билетъ, чоловиче, маешь? обращается Антонъ къ Ивану: а якъ нема билета, то въ тюрму его! А чого ты ходышь въ Стеблывъ безъ билета?

Иванъ возмущенъ до глубины души. Онъ смотритъ на Антона, не говоря ни слова, потомъ плюетъ, выходитъ изъ лавки и направляется къ своему селу, забывъ даже объ остальныхъ покупкахъ. Приходитъ онъ къ сестрѣ.

— А де жъ оце силь, свички, олія та мясо? спрашиваетъ сестра Ивана.

— Не купывъ, кричитъ Иванъ, въ лавку війшовъ Антонъ та причепывся до мене, що я прыйшовъ въ Стебливъ безъ билета. Я плюнувъ та й до дому махнувъ. Така мене досада взяла, така досада, що вже не знаю, що дали буде зо мною! Оттакъ винъ усе! Винъ мене колысь взисть безъ соли!

Сестра начинаетъ „бидкаться“, а потомъ плакать. Она выходитъ изъ комнаты, отчаянно махнувъ рукою. „Пропащіе вы оба“ какъ будто выражаетъ она жестомъ свою затаенную мысль.

Долго еще шутилъ Антонъ съ дивчатами, долго ухаживалъ за ними. И вдругъ неожиданно онъ очутился въ цѣпяхъ Гименея. Антонъ отвезъ меня и брата въ Кіевъ послѣ Пасхи и, возвращаясь порожнякомъ, встрѣтилъ молодую вдову Настю. Она тоже возвращалась изъ Кіева въ Стеблевъ. Антонъ пригласилъ ее сѣсть въ бричку и привезъ домой. Настя была солдатка. Мужъ ея пропалъ безъ вѣсти. Съ этого времени она начала отчаянно ухаживать за Антономъ. Настя была не особенно красива, но очень симпатична съ своими темными небольшими глазами и тонкими устами, съ своей ласковой улыбкой. Она имѣла собственную хату и огородъ, была работящая, положительная женщина и отличалась тихимъ, мирнымъ характеромъ. Она любила людей веселаго нрава, а въ Стеблевѣ не было человѣка веселѣе Антона. Каждый вечеръ Настя дѣлала визиты Антону за нашимъ дворомъ, мыла ему бѣлье, приносила ему въ конюшню ужинъ: вареники въ сметанѣ, блины, мнышки и т. п. Антонъ не устоялъ—и въ одно воскресенье неожиданно была сыграна скромная свадьба. Антонъ оставилъ службу и перешелъ на жительство къ Настѣ. Мой отецъ вручилъ Настѣ половину жалованья Антона за все время его службы; онъ всегда выдавалъ на руки Антону только половину жалованья, зная его расточительность, и сохранялъ у себя другую половину про черный день. Антону теперь пришлось избирать себѣ родъ занятій. Мой отецъ посовѣтовалъ ему поступить на стеблевскую суконную фабрику. Онъ отослалъ его съ запиской къ директору фабрики. Директоръ зналъ характеръ Антона и былъ въ затрудненіи, къ

какой работѣ его приставить. Онъ зналъ, что, если поставить Антона у машины, то могло случиться, что или Антонъ подшутитъ надъ машиной и испортитъ ее, или машина пошутитъ надъ Антономъ, зацѣпивъ зубами его руку или ногу. Директоръ, наконецъ, рѣшилъ посадить Антона съ бабами „скубты вовну", т. е. разбирать руками мытую шерсть. Антонъ сѣлъ за эту бабью работу, какъ Геркулесъ за прялку у Омфалы, и началъ „скубты вовну". Работа при его веселомъ, подвижномъ темпераментѣ была для него невыразимо скучна. Антонъ началъ развлекать себя жартами.

— Бувъ я чоловикъ, а теперъ ставъ бабою. Ой бабкы! Чы нема въ которои зайвого очипка? говоритъ Антонъ, обращаясь къ бабамъ, глядить, щобъ завтра прынеслы мини очипокъ та хустку; я завяжусь, то люде скажуть, що й я баба. А то якось выходыть, нибы повный хливець овець, а мижъ нымы одынъ баранець.

И Антонъ вдругъ поворачиваетъ свой картузъ на головѣ козырькомъ назадъ: вышло нѣчто похожее на женскій очипокъ. Антонъ съ короткимъ носомъ, съ усами, съ большимъ козырькомъ на затылкѣ, уморителенъ. Онъ передразниваетъ очень дряхлыхъ старухъ: раскрываетъ ротъ, его нижняя губа свѣшивается внизъ и дрожитъ. Бабы смотрятъ на его штуки, конечно, бросаютъ работу и смѣются. Шутки Антона слѣдуютъ одна за другою. И у Антона, и у бабъ работа идетъ плохо. Результатъ работы вечеромъ оказывается значительно меньше нормальнаго. Директоръ вынужденъ отказать Антону въ этой работѣ. Онъ поручаетъ ему работу въ болѣе изолированномъ мѣстѣ фабрики. Но не долго прослужилъ Антонъ на фабрикѣ: работа ему кажется слишкомъ скучной. Онъ бросаетъ мѣсто и обращается къ болѣе интересному для него—крестьянскому труду. Но, кажется, его доброму генію—Настѣ часто приходилось работать за двоихъ. Не къ такому труду призванъ Антонъ. Жизнь сдѣлала крупную ошибку, толкнувъ Антона на этотъ путь.

Много утекло воды въ Роси; много утекло времени и кануло въ вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ женился Антонъ. Мнѣ часто приходилось проводить лѣтнія каникулы въ Стеблевѣ и

встрѣчаться съ Антономъ. Онъ остался такимъ, какимъ и былъ: неизмѣннымъ штукаремъ и юмористомъ. Семейная жизнь нисколько не измѣнила его веселаго, живаго характера, не измѣнила его любви къ „штукáрству“; онъ былъ по прежнему живъ, подвиженъ, веселъ, по прежнему говорилъ комплименты дивчатамъ, шутилъ съ молодыцями, чоловиками, евреями. Юморъ его по прежнему былъ неистощимъ, изобрѣтательность въ штукарствѣ безпредѣльна. Его подвижная, живая натура какъ будто заключаетъ въ себѣ какой-то неизсякаемый источникъ жизненности, веселости, смѣха и жарта, источникъ, брызжущій богатой струей, обильный, многоводный, вѣчно шумный, пѣнящійся. Природа заключаетъ въ себѣ вѣчный источникъ жизни и обновленія; но въ Антонѣ крылась не наша природа, замирающая зимою и обновляющаяся весною; въ немъ крылась природа тропическая, вѣчно юная, всегда цвѣтущая, всегда улыбающаяся и синими небесами, и неувядающими цвѣтами, и горячимъ дуновеніемъ вѣтровъ. Лѣтъ тридцать прожилъ Антонъ съ Настей при входѣ въ Круглыкъ, тонущій въ долинѣ, среди густыхъ садовъ и вербъ на левадахъ. Его старшій сынъ обучался сапожному мастерству и жилъ при немъ, занимаясь своимъ ремесломъ. Младшій сынъ учился въ стеблевской школѣ. Вдругъ неожиданно Настя простудилась, схватила горячку и умерла. Антонъ остался безъ хозяйки, да еще съ двумя сыновьями.

— А де, Антоне, Настя? спросилъ я Антона, встрѣтивъ его въ Круглыкѣ.

— Охъ, мое горе! Вмерла! говоритъ Антонъ, сложивъ руки накрестъ на груди и поднявъ глаза къ небу по образу кающейся Магдалины. Поза эта была искусственно комическая. Къ другимъ позамъ Антонъ неспособенъ. Изъ груди его, однако, вырвался сильно подавленный вздохъ—теперъ якъ не оженюся, то въ Риси утоплюся, шутилъ Антонъ по прежнему.

— Де жъ вы теперъ знайдете соби жинку? спрашиваю я.

— И въ цилому Стеблеви нема такои Мелегеріи Султановны, якои мини треба, отвѣчаетъ Антонъ, прыйдеться выписать зза гряныци якусь Мелектрысу Кырбытьевну

— А хто-жъ вамъ теперъ варыть обидъ та вечерю?

— А хто-жъ варыть? Я та сынъ; варымо вдвохъ, отвѣчаетъ Антонъ.

— Якъ же вы вдвохъ варыте одынъ борщъ? спрашиваю я.

— А такъ: сынъ чоботы шые, а я борщъ варю, отвѣчаетъ Антонъ.

Я невольно припомнилъ горемычную судьбу отставныхъ актеровъ и артистовъ, судьбу этой богемы, послѣ беззащитнаго цыганскаго скитальчества. Антонъ положительно подходитъ подъ эту категорію артистовъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1889 г. мнѣ опять пришлось проводить лѣтнія каникулы въ Стеблевѣ. Я снова встрѣтилъ Антона въ очень оригинальной обстановкѣ. Въ Стеблевѣ собирались строить новую колокольню. Верхъ старой колокольни былъ сломанъ. Снимали большой колоколъ. Несмотря на горячую рабочую пору, въ „цвынтарѣ“ собралось много народа; старики и дѣти пришли изъ любопытства, чоловикы и парубкы явились, чтобы оказать услуги при снятіи стопудоваго колокола. Явился и Антонъ Андреевичъ, конечно, больше изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія помочь мастеровымъ. Сняли полы въ среднихъ этажахъ и по блокамъ спустили колоколъ въ нижній этажъ, поставивъ его на двухъ толстыхъ бревнахъ, положенныхъ въ дверяхъ колокольни. Бревна, положенныя горизонтально, подняли съ одного конца, наклоняя ихъ къ выходу. Колоколъ медленно и важно подвигался изъ дверей на дворъ по покатости.

— Якъ важно йиде, неначе стара барыня йиде въ карети, щобъ ій не струсыло, замѣчаетъ Антонъ.

Колоколъ скатился на траву.

— Тпру! кричитъ Антонъ.

Свалили на бокъ колоколъ, привязали къ его ушамъ толстыя веревки и начали катить по землѣ къ утвержденной на двухъ столбахъ перекладинѣ, на которой предполагалось временно его повѣсить. Люди облѣпили колоколъ, какъ мухи; за веревки схватились сотни рукъ. Возлѣ самаго колокола, взявшись за веревку, стояли рядами чоловики, впереди нацѣплялись мальчики. Поднялся крикъ, шумъ.

— Ну, разомъ! Ну, разомъ! командовалъ мастеръ.

Все, что было живаго на помостѣ, зашумѣло, „заворушилось“, пришло въ движеніе. Антонъ схватилъ предлинный дрючокъ, сталъ позади этой толпы, поднялъ дрючокъ и подгоняетъ толпу, напоминающую массу египтянъ, занятыхъ перевозкою громадныхъ камней для постройки пирамидъ, какъ изображаютъ это на картинахъ.

— Гей, сирый! Цабе безрогый! Чого ты оттягаесся! Собъ, собъ, собъ! кричитъ Антонъ, играя роль приставника фараонова при строеніи пирамидъ.

— Що жъ ты насъ поганяешь, а самъ не везешь? наре-каетъ староста, а запрягайся лышень и самъ.

Антонъ бѣжитъ впередъ, вмѣшивается въ толпу и берется за веревку. Вдругъ веревка рвется и цѣлый рядъ людей какъ по командѣ валится на землю; Антонъ падаетъ вмѣстѣ съ другими. Раздался неудержимый хохотъ. Всѣ встали на ноги, но хохотъ все продолжается. Я подхожу къ мѣсту катастрофы. Смотрю, Антонъ лежитъ на спинѣ и дрыгаетъ руками и ногами, какъ гусь, перекинутый на спину.

— Тытаръ! Доктора! Давай доктора! Ой убывся! Ой умру! Зъ дзвона впавъ! вопіетъ Антонъ.

— Хиба ты зъ дзвиныци впавъ, що до тебе треба доктора? Ось я тоби дамъ такихъ ликивъ, що и самъ схопысся, говоритъ тытарь, замахиваясь на Антона предлиннымъ дрючкомъ.

Антонъ вскакиваетъ на ноги съ живостью мальчика, которому погрозили розгой. А между тѣмъ въ это время Антону Андреевичу исполнилось 63 года. Онъ значительно уменьшился въ объемѣ, порядочно высохъ. На его шеѣ замѣтны сухія жилы, точно шнурки. Вся его шея похожа на пучокъ шнурковъ, обтянутыхъ кожей. На головѣ замѣтна небольшая лысина. Руки и ноги стали сухія, жилистыя. Бѣлые зубы пожелтѣли. Но Антонъ по прежнему обнаруживаетъ живость, ловкость, проворство молодаго школьника. Глаза его свѣтятся и блестятъ. Станъ не согнулся. Волосы едва, едва начинаютъ сѣдѣть. Онъ острить и шутитъ по прежнему, но изобрѣтательность шутокъ уже не прежняя; она, видимо, угасаетъ; съ дивчатами онъ совсѣмъ не

шутитъ: колчанъ его стрѣлъ, видимо опустѣлъ, онъ уже повыбросилъ ихъ окончательно; къ молодыцямъ онъ пристаетъ рѣже. Часто онъ повторяетъ давнія шутки, словно заученныя фразы. Но огонь юмористическаго творчества далеко еще не угасъ въ немъ, и какая-то муравьиная живость и подвижность еще кипитъ въ немъ: онъ далеко не смотритъ еще старикомъ. Того-же года въ одинъ тихій, ясный вечеръ въ концѣ іюля я отправился гулять въ Круглыкъ, самую поэтическую часть села, расположенную въ долинѣ, тонущую въ старыхъ садахъ. Побродивъ по дорожкамъ, вьющимся по левадамъ и садамъ, я возвращался назадъ улицею. Медленно шелъ я къ выходу изъ Круглыка мимо любимой мною усадьбы стараго Терешка, которую съ дороги рамкою охватывали столѣтнія вербы. Эти вербы были громадны еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда я въ дѣтствѣ гулялъ подъ ними. Срубленныя нѣсколько разъ сверху, онѣ стали похожи на рядъ высокихъ кадокъ или бочекъ расширенныхъ кверху, охваченныхъ сверху вѣнцами толстыхъ, какъ настоящія деревья, стволовъ, выросшихъ изъ молодыхъ побѣговъ. Между этими верхними столбами на каждой старой вербѣ можно улечься человѣку, поджавъ немного ноги и спокойно спать ночью. На срубленныхъ мѣстахъ зеленѣлъ мохъ, какъ на скалахъ, росло зеленое *бадылля*, какъ на землѣ. Между этими патріархами-вербами блеститъ въ узкой долинѣ зеленая левада, словно разостланное свѣтло-зеленое сукно. Левада обрамлена съ другой стороны—у подошвы холма кустами калины; калина вьется гирляндой и будто горитъ, вся покрытая красными кистями ягодъ, словно гирлянда, сплетенная изъ красныхъ и зеленыхъ лентъ и цвѣтовъ, брошенная на нѣжную зеленую траву. Среди левады блеститъ въ „крыныци“ вода почти на одномъ уровнѣ съ землею. На холмѣ за калиною высится старый садъ, какъ зеленая туча, а изъ сада выглядываютъ колонки крыльца бѣлой красивой хаты Терешка. Медленно шелъ я по этой чудной аллеѣ патріарховъ вербъ, впивая въ себя влажный, пахучій, чистый воздухъ, наслаждаясь тишиною, миромъ, которымъ вѣяло въ этомъ пышномъ уголкѣ. Воспоминанія дѣтства роемъ проносились предо мною, словно веселыя ласточки порхали съ зеленой густой

листвы вербъ. Я погрузился въ воспоминанія прошлаго и задумался. Вдругъ слышу въ концѣ аллеи, на густомъ холмикѣ, надъ маленькимъ прудкомъ стоитъ фигура въ оригинальной позѣ фигуръ на монументахъ: одна нога важно отставлена впередъ, одна рука молодецки взялась за бокъ, другая поднята выше головы и какъ бы осѣняетъ голову. Противъ краснаго фона заката фигура казалась чернымъ силуэтомъ какого то монумента, случайно поставленнаго въ этомъ пышномъ захолустьѣ. Монументъ чудно шелъ къ выходу по этой стародавней аллеѣ.

— Что за оказія! думаю я, ни мужику, ни еврею и въ голову не придетъ стать въ подобной позѣ; пьяный тоже не можетъ сдѣлать такихъ эффектныхъ закорючекъ руками и ногами...

Я остановился въ недоумѣніи. Подхожу ближе къ фигурѣ, фигура двигается, дѣлаетъ мнѣ подъ козырекъ. Я сейчасъ догадался, что на холмикѣ стоялъ Антонъ: онъ всегда привѣтствуетъ меня этимъ жестомъ. Позу монументальную Антонъ, вѣроятно, укралъ съ обложки московскаго календаря, съ изображеніемъ памятника Минину и Пожарскому. Я невольно улыбнулся.

— Добри-вечиръ вамъ! сказалъ Антонъ.

— Доброго здоровья! Чого це вы? А я васъ здалеки и не пизнавъ, говорю я Антону.

— Отъ скильки разивъ гуляете въ Круглыку, а въ мою хату и не зайдете, говоритъ Антонъ, указывая на перелазъ въ свою усадьбу; воротъ, конечно, не было, какъ не было возлѣ хаты и двора.

Мы перешагнули черезъ низенькій перелазъ. Усадьба Антона оказалась небольшою; хата была старая, невысокая; вокругъ хаты, буквально, ни кола, ни двора. Вездѣ зеленѣлъ зеленый густой *шпорышъ*, какъ зеленое руно. Въ углу противъ хаты стояла небольшая „повиточка“. За хатой торчало нѣсколько старыхъ вишень. „Соловьемъ залетнымъ“ пролетѣла и юность, и жизнь этого оригинальнаго человѣка. Онъ не свилъ себѣ прочнаго гнѣзда.

Антонъ пригласилъ меня въ хату. Хата старенькая, низенькая, но не тѣсная. Чистота въ хатѣ образцовая. Въ печкѣ

„палае“ сухой „трусокъ“. Возлѣ печки занята печеніемъ блиновъ на сковородѣ Антонова невѣстка—небольшаго роста, молоденькая, повязанная новою хусткою въ цвѣтахъ. Она красавица; черты лица правильныя; лицо матовое, глаза чудные, молдавскіе, темные, блестящіе, большіе и нѣсколько продолговатые. Вкусъ къ красотѣ и изяществу Антона сказался въ его сынѣ. Я сѣлъ у стола и началъ разговоръ съ Антономъ и его невѣсткой то о томъ, то о другомъ.

— Отъ теперъ я вже не варю самъ борщу! Хвалыть Бога невистку маю, сказалъ Антонъ, тильки шкода, що хата моя мала; оце думаю зибрать бабивъ зъ усего Круглыка, куплю имъ могарыча та поставлю кругомъ печи, може обипруться рукамы объ пичъ та й посунуть ii въ сины, а я перегорожу хату, та й буде для мене кимната.

— Глядить лышень, щобъ бабы часомъ не побылысь, якъ зберуться на могарычъ, возразилъ я на его шутку.

— Може й выйде такъ якъ спивають въ колядци:

„Ой пишлы бабы коладуваты,
Наколядувалы кышокъ
Ажъ повный мишокъ,
А кышкы дмуться,
А бабы бьются.
Рачкы—дынды,
Гречъ—по колинця
завшынды“.

пропѣлъ Антонъ шуточную колядку, какъ комическіе куплеты, искоса посматривая на красавицу-невѣсту и, очевидно, дѣлая намекъ на что-то.

— На що ви печете млынци? Сегодня жъ, здается, не Меланки? спросилъ я Антона.

— Хочъ не Меланкы, а було щось таке, якъ Меланкы, промолвила невѣстка Антона, видимо, не совсѣмъ довольная импровизированными Меланками, т. е. заданною ей работою угощать гостей блинами. Въ ея словахъ отзывалась раздражительность нервной женщины.

— Та то, бачте, до мене сегодня зійшлися гости: трапилась оказія: ободинилась наша кишка. Та це я й накликавъ

гостей на родыны, началъ Антонъ рѣчь, по обыкновенію въ штукарскомъ тонѣ.

— Хто жъ це въ васъ бувъ въ гостяхъ? спросилъ я Антона.

— Та було ихъ чимало, сказалъ Антонъ и, растопыривъ пять пальцевъ лѣвой руки, началъ считать гостей по пальцамъ, пригибая указательнымъ перстомъ пальцы лѣвой руки: бувъ Георгъ, аглыцькій милордъ, бувъ Бова Королевичъ, бувъ Ерусланъ Лазаревичъ, булы рыпыця та копыця зъ глекомъ макитровычомъ, була й немята шкура, бувъ и старый шкарбанъ зъ гилкою, бувъ смердячый одудъ зъ своею посмитюхою; булы й усяки молодыци: були Мелегерія Султановна, були й Мелекрыса Кирбытьевна, були й недопечена перепичка, була й недопечена пампушка, була й та, що однымъ окомъ дывыться на стелю, а другымъ на помыйныцю, була й та птаха, що ротомъ дыше, а носомъ свыстыть, тянулъ Антонъ, перечисляя интересную коллекцію своихъ гостей.

— Де жъ воны помистылысь въ васъ, колы ваша хата така тисна? спросилъ я Антона.

— Одни на лави, а якъ выпылы, то й опынылысь пидъ лавою; одни на полу, други пидъ поломъ—то й усимъ мисця стало.

— А де жъ вы посадылы ту особу, що ротомъ дыше, а носомъ свыстыть? Мабуть, за столомъ на покути пидъ образамы? спросилъ я Антона.

— Сыдила на покути за столомъ, а потимъ чогось опынылась пидъ столомъ, говорилъ Антонъ.

— Чымъ же вы теперъ жывете? спросилъ я Антона.

— Божымъ духомъ жыву: служу въ мищанськи, чы то такъ, въ жыдивськи управи за розсыльного за 25 карбованцивъ у рикъ. Якось жывемо и хлибъ жуемо, и горилочку пьемо, покы сторчака въ сыру землю не дамо.

— Мабуть до васъ не швыдко надійде той сторчакъ. Прыйдеться ще довго кыдать въ ротъ чарку—якъ шапку, говорю я.

— Помлы Боже! Про це нема що казаты. Дай Боже! воскликнулъ Антонъ.

Я понялъ этотъ намекъ...

— Чы то правда, що кажуть, ни бы вже вмеръ Ѳеофанъ Гаврыловычъ Лебединцевъ? неожиданно спросилъ Антонъ Андреевичъ.

— Вмеръ; а хиба-жъ вы его знамы? спросилъ я.

— Знавъ. Я съ нымъ разомъ вчывся въ першому класси въ Богуслави, отвѣчаетъ Антонъ.

— Що-жъ? Чы дружылы вы? Чы булы блызьки одынъ до другого? спросилъ я Антона.

— Булы дуже блызьки: винъ бувъ першимъ ученыкомъ, а я остатнимъ. Кажуть, винъ выйшовъ въ велыки паны, а мини довелось конямъ хвосты крутыть, отвѣчалъ шуткою Антонъ.

Жартъ Антона навелъ меня невольно на грустныя размышленія. На Руси многимъ и многимъ талантамъ приходится чуть не хвосты конямъ крутить. Еще знаменитый живописецъ Айвазовскій, какъ извѣстно, уроженецъ Крыма, замѣтилъ въ своей автобіографіи, что на югѣ Россіи таланты чуть не валяются на улицахъ и, прибавимъ мы, некому ихъ подбирать. Антонъ Андреевичъ Радивиловскій сильный комическій талантъ— самородокъ. Въ его жартахъ, въ его штукарствѣ, положимъ, много школьничества, но Антонъ былъ въ школѣ всего полгода и не могъ впитать въ себя всей этой премудрости школы. Было ему 20 лѣтъ, когда онъ появился въ Стеблевѣ. (До того времени онъ проживалъ то у отца, то у родичей въ селахъ подъ Каневомъ). 43 года прожилъ онъ въ Стеблевѣ. 43 года забавлялъ онъ Стеблевъ своими шутками и жартами. Эта способность не угасла въ немъ въ 63 года жизни. Школьничество не такъ живуче. Способность играть всевозможныя комическія роли, изобрѣтательность въ жартахъ, шуткахъ показываютъ кроющійся въ немъ сильный комическій талантъ, погибшій въ безвѣстности и глуши, той самой глуши пышной, отѣненной богатыми садами, изъ которой случайно выпорхнулъ соловьемъ на Божій свѣтъ геній Шевченка. Случись это съ Антономъ, не однѣ стеблевскія дивчата та молодыци хохотали бы до слезъ, забавляясь его жартами. Случись это, быть можетъ, былъ бы замѣтенъ и край, который выростилъ и напоилъ своимъ воздухомъ эту ори-

гинальную личность, въ которомъ разцвѣталъ этотъ своеобразный природный талантъ; можетъ быть, были бы замѣчены и тѣ чудные глаза, которые чаровали и вдохновляли его. Посадить ли Антона на Олимпъ или нѣтъ? Вопросъ оставляю открытымъ. Олимпъ сердитъ на насъ еще со временъ Котляревскаго. Еще Котляревскій допекъ олимпійцамъ своими жартами... и вдругъ Антонъ тамъ ляпнетъ шутку какому нибудь богу, назвавъ его: „одставнои козы барабанщикомъ“ и какую нибудь „божыцю“ назоветъ „тіею птахой, що курчатъ хапае“. Цуръ имъ тымъ богамъ и божыцямъ! Я лучше воротилъ бы Антона въ давнюдавнину: посадилъ бы его въ запорожской Сѣчи за писарскій столъ; онъ не уступилъ бы въ шуткахъ своему предшественнику, написавшему знаменитое посланіе къ турецкому султану, обозвавъ его въ шутку „іерусалимскимъ пивоваромъ, антіохійскимъ свинопасомъ и нашего Бога дурнемъ“, Антонъ Андреввичъ Радывыловскій съумѣлъ-бы настрочить султану такое посланіе, отъ котораго султанъ съ своимъ причтомъ крутилъ-бы носомъ до самой смерти.

Изъ современниковъ Антона Радивиловскаго мнѣ извѣстны еще два штукаря—юмориста. Ихъ шутки, ихъ юморъ были совершенно такого же свойства, какъ и шутки Антона. Это были люди одного юмористическаго, штукарскаго типа съ Антономъ, были его двойники, но оба они не имѣли той необыкновенной живости, подвижности, той изобрѣтательности въ штукахъ, какой отличался Антонъ. Одинъ изъ нихъ состоялъ чиновникомъ въ г. Васильковѣ, а потомъ перешелъ на службу въ Кіевъ, другой былъ чиновникомъ, кажется, въ м. Корсунѣ и скоро тоже порешелъ на службу въ Кіевъ. Ихъ шутки были направлены на всѣхъ: на крестьянъ, евреевъ, провинціальную интеллигенцію и, впослѣдствіи, на кіевскихъ мѣщанъ и мѣщанокъ, но оба эти штукаря блѣднѣютъ отъ сопоставленія съ Антономъ, и потому я о нихъ говорить не буду.

Кромѣ штукарей въ это не такъ давнее время, т. е. въ сороковыхъ годахъ, на моей родинѣ выдвигались люди иного типа, не менѣе оригинальные; это были—*чуднари*, т. е. чудаки, получившіе извѣстность своимъ *чуднарствомъ* (чудачествомъ) и

чудернацтвомъ (странностями). Одинъ изъ нихъ, напр., человѣкъ очень умный и образованный, жилъ какимъ то аскетомъ: ѣлъ у себя дома постоянно одно блюдо за обѣдомъ, гостей у себя никогда не принималъ и въ гостяхъ нигдѣ не бывалъ, велъ жизнь уединенную, запершись въ своей комнаткѣ съ книгами. Его комната напоминала келью подвижника; въ ней стояла кровать, столъ и одинъ стулъ. Для своего удовольствія онъ выкормилъ и приручилъ орла. Орелъ выросъ и расхаживалъ по двору, какъ индюкъ, но зато немилосердно истреблялъ куръ и утокъ и въ его дворѣ, и въ сосѣднихъ дворахъ. На просьбы жены, на заявленія сосѣдей онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, пока догадливые сосѣди не убили орла кольями, тогда онъ выкормилъ и приручилъ не столь хищныхъ птицъ—воронова; но и вороны перетаскали всѣхъ цыплятъ у сосѣдей, за что ихъ постигла такая же кара, какъ и орла. Этотъ *чуднарь* отличался страшною настойчивостію и упорствомъ, Убѣжденія и просьбы только раздражали его и сердили. Другой извѣстный мнѣ чуднарь представлялъ совершенную противоположность первому. Тихій, кроткій, добрый, простодушный онъ во всю свою долголѣтнюю жизнь никогда не сердился. Никто не слыхалъ, чтобы онъ сказалъ кому нибудь непріятное слово; никто не помнитъ ни малѣйшей вспышки или сильнаго возбужденія съ его стороны. Онъ никогда не сидѣлъ дома, вѣчно проводилъ время въ гостяхъ и являлся въ домъ только для того, чтобы пообѣдать, поужинать и переночевать. Въ молодости онъ отправился по какому то дѣлу въ Бессарабію и увлекся странствованіемъ. Забывъ о женѣ и дѣтяхъ, онъ пустился путешествовать и прошелъ пѣшкомъ отъ устья Дуная до калмыцкихъ степей астраханской губерніи, или же, какъ онъ выражался, „дойшовъ до каламукивъ“. Объ этихъ странствованіяхъ, особенно же о каламукахъ, онъ любилъ разсказывать при всякомъ удобномъ случаѣ. На свое хозяйство онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. У него все было въ безпорядкѣ; лошадей воровали у него чуть не каждый годъ, что, повидимому, нисколько его не возмущало; но за то онъ страстно любилъ голубей и развелъ ихъ въ своемъ дворѣ цѣлыя тучи, никому не позволяя ихъ ис-

треблять или же употреблять на жаркое. Въ каждый великій постъ онъ непремѣнно писалъ писанки, самъ изобрѣталъ узоры, цвѣты, самъ приготовлялъ матеріалъ для крашенія писанокъ. Писанки онъ писалъ дивныя! И писалъ онъ ихъ чуть не сотни съ несвойственною ему усидчивостію. Если бы ему въ руки случайно попали кисть и мольбертъ, изъ него, безспорно, вышелъ бы живописецъ. На 80-мъ году своей жизни ему вздумалось изобрѣтать perpetuum mobile, и онъ принялся за это дѣло тоже съ несвойственною ему усидчивостью: постоянно что то строгалъ, пилилъ, точилъ, дѣлалъ колеса, соединялъ ихъ на всѣ лады. Вотъ машина уже окончена. Онъ даетъ ей толчекъ, колеса покрутятся, повертятся да и станутъ; тогда онъ или передѣлываетъ ее, или начинаетъ строить новую. Этой сизифовой работой онъ занимался до самой смерти, постигшей его на 91 году жизни. Многія „чудернацтва“ этихъ чуднарей сильно напоминаютъ странности извѣстнаго малорусскаго писателя конца XVIII в.—Григорія Савича Сковороды или, во всякомъ случаѣ, сильно отзываются *сковородынщиной*. Безспорно, чудачество свойственно человѣческой природѣ: всякіе чуднари и мономаны, которые доходили „до каламукывъ“ всегда были и существуютъ и въ наши времена, но доброе старое время особенно изобиловало ими.

Иванъ Левицкій.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

До сихъ поръ мы говорили о нуждахъ духовныхъ лицъ, касавшихся ихъ преимущественно, какъ служителей церкви, теперь обратимся къ тѣмъ нуждамъ, гдѣ духовенство выступаетъ, главнымъ образомъ, какъ сословіе. Въ этомъ смыслѣ весьма интересными для характеристики духовенства представляются его жалобы на униженіе въ государствѣ положенія духовнаго сословія, несмотря на то, что по Л. Статуту оно должно пользоваться всѣми правами, присвоенными „знатному“ малороссійскому шляхетству. Конечно, упадокъ уваженія къ сословнымъ правамъ духовенства очень огорчаетъ составителей пунктовъ, а заботы о доказательствахъ правъ духовенства на шляхетское званіе занимаютъ въ пунктахъ такое же положеніе, какъ и заботы шляхетства о дворянствѣ въ наказахъ, потому что съ разрѣшеніемъ вопроса о принадлежности духовенства къ шляхетскому званію въ томъ или иномъ смыслѣ были сопряжены для него очень важныя послѣдствія въ области правъ сословныхъ, личныхъ и имущественныхъ. Опредѣлить, какимъ родомъ правъ—шляхетскихъ или иныхъ—должно пользоваться духовное сословіе было весьма важнымъ дѣломъ и потому кіевскіе пункты начинаются именно этимъ вопросомъ. Во второмъ пунктѣ авторы представляютъ Синоду, что малороссійскіе духовнаго чина люди искони, еще съ той поры, когда Малороссія входила въ составъ княжества литовскаго, и до самаго послѣдняго времени пользова-

[1]) „Кіевская Старина“, 1890, 11.

лись правами шляхетства наравнѣ съ *чиновными* людьми шляхетскаго званія; что основаніе такому порядку вещей находится и въ привилегіи Сигизмунда Августа отъ 1569 г. и въ Л. Статутѣ, полагающемъ за обиды и безчестье лицъ духовнаго званія такія жъ взысканія, какъ и за шляхтичей. На тѣ же шляхетскія права духовенства указываетъ и 3-й пунктъ черниговской епархіи, утверждающій, между прочимъ, что по договору 1654 г. украинскимъ духовнаго чина людямъ предоставлено пользованіе шляхетскими вольностями. Въ такомъ же родѣ высказались и авторы переяславскихъ пунктовъ, такъ что по этому вопросу ни въ самыхъ пунктахъ, ни въ наказахъ остальныхъ сословій, ни въ общемъ прошеніи всѣхъ депутатовъ не встрѣчается никакихъ разномыслій. Свѣтскія сословія, ходатайствуя о подтвержденіи малорусскому народу всѣхъ его правъ и вольностей, имѣли въ виду и духовенство, а больше всѣхъ заинтересованное шляхетство нигдѣ не высказалось, чтобы оно имѣло что нибудь противъ присвоенія духовенству правъ шляхетскаго званія. Желанія духовенства въ отношеніи его сословныхъ правъ состояли въ томъ, чтобы узаконить „всѣмъ малороссійскаго духовнаго чина людемъ, и ихъ женамъ, и дѣтямъ ихъ, по прежнему считатись и быть въ равенствѣ съ свѣтскими чиновными шляхетнаго чина людьми..... и прежними свободами, вольностями, обычаями, правами и привилегіями пользоватись.“ Заявивши претензію на право шляхетства и не считая, вѣроятно, ссылки на древнія привилегіи достаточной для подтвержденія желаемыхъ правъ, кіевское духовенство взяло на себя трудъ доказать, что оно, независимо отъ привилегій, по самому существу своего чина и исполняемыхъ обязанностей, не можетъ стоять наравнѣ съ мужиками, но только съ чиновнымъ шляхетствомъ.

Могутъ-ли лица духовнаго званія—разсуждало кіевское духовенство—быть мужиками, когда ихъ обязанности состоятъ въ священнослуженіи, въ молитвахъ о Высочайшихъ особахъ, въ проповѣдяхъ слова Божія, въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, требъ и пр., и наконецъ, въ отправленіи протопопами и намѣстниками государственныхъ и судебныхъ дѣлъ? Конечно нѣтъ. Эти обязанности сами по себѣ настолько высоки и священны,

что исполнители ихъ никоимъ образомъ не могутъ занимать послѣдняго положенія въ государствѣ, что же касается духовныхъ лицъ, занимающихъ судебныя и административныя должности, то они отправляютъ такую же государственную службу, какъ и свѣтскіе старшины, и потому должны пользоваться одинаковыми съ ними правами. Въ проводимой духовенствомъ идеѣ о соотвѣтствіи правъ несомой въ пользу государства службы для XVIII вѣка было очень много вѣрнаго: если шляхетство пользуется своими правами за свою воинскую и гражданскую службу, то почему же ему, духовенству, не пользоваться тѣми же правами за свою службу на благо того же государства? Хотя духовенство разсуждало правильно, однако жизнь не оправдывала его теоріи и оно въ томъ же пунктѣ жаловалось, что служба священниковъ стала вмѣняться ни во что, что представителямъ ея приходится претерпѣвать многочисленныя нарушенія вольностей и переносить поруганія и обиды „хуже самыхъ мужиковъ и раскольниковъ," между тѣмъ какъ—замѣчаетъ о себѣ духовенство—оно изъ числа свѣтскихъ *чиновныхъ* шляхетнаго чина людей никогда исключаемо не было и съ худородными, неимѣющими никакого званія и съ посполитыми людьми никогда сравниваемо не было [1]). Если, такимъ образомъ, желаніе быть равноправными съ „чиновными шляхетными людьми" духовенство основывало на своей службѣ, то желаніе пользоваться всей совокупностью шляхетскихъ правъ мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ незамкнутостью духовнаго сословія, вслѣдствіе чего ряды духовныхъ пастырей пополнялись свѣтскими лицами и наоборотъ многія дѣти духовныхъ вступали въ гражданскую и военную службу (козачество). При такомъ порядкѣ вещей духовенство не отличало себя въ отношеніи политическихъ и имущественныхъ правъ отъ другихъ свободныхъ сословій; его экономическій и соціальный укладъ жизни былъ построенъ такъ-же, какъ и шляхетства, за исключеніемъ, конечно, небольшихъ особенностей, сообщаемыхъ характеромъ службы.

Бѣлое духовенство и не желало для себя ничего лучшаго, какъ этого равенства, однако оно имъ не пользовалось. Мы

[1]) Сб. Р. И. И. О. т. 43-й, стр. 435.

слышали уже его жалобы на униженіе его, какъ сословія, но въ особенности было много жалобъ на стѣсненія въ жизни экономической. Самымъ виднымъ такимъ стѣсненіемъ, объ отмѣнѣ котораго горячо хлопотали пункты, былъ извѣстный указъ 1728 г. о запрещеніи духовенству покупать и иными способами пріобрѣтать козачьи грунты. Имѣя въ виду обезземеленіе малороссійскаго козачества, упомянутый указъ поставилъ духовенство въ самое тяжелое экономическое положеніе: дѣло въ томъ, что въ земледѣльческой по преимуществу Малороссіи земля являлась, какъ и теперь для многихъ является, главнымъ источникомъ средствъ къ жизни; если же принять во вниманіе, что вознагражденіе пастырей за требы бывало крайне скудное и что дѣти священниковъ не всегда получали „жребій священства," а уходили въ козаки, поступали въ гражданскую службу или даже оставались безъ всякой профессіи, то ограниченіе ихъ въ правѣ пріобрѣтенія у козаковъ грунтовъ оказывалось для нихъ крайне невыгоднымъ. Кромѣ того, здѣсь была несправедливость и въ томъ отношеніи, что переходъ земель духовенства въ руки лицъ другаго сословія былъ оставленъ въ прежней силѣ и, слѣдовательно, земли духовенства умалялись продажей, отдачей въ даръ, въ приданое и проч., но не могли увеличиваться. Духовенство жаловалось, что, благодаря этому указу, оно такъ обѣднѣло, что не можетъ должнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей, а съ другой стороны тѣ изъ его сыновей, которые успѣваютъ окончить ученіе въ кіевскихъ школахъ, предвидя свое убогое положеніе въ качествѣ священника, не рѣшаются вступать въ это званіе и только неспособные найти другія средства къ жизни принимаютъ священство. Въ силу упадка матеріальнаго положенія духовенства, по изъясненію послѣдняго, происходитъ вредъ и для церкви, такъ какъ она лишается просвѣщенныхъ священниковъ и достойныхъ и искусныхъ проповѣдниковъ, способныхъ своимъ словомъ и жизнью подавать спасительные примѣры паствѣ. Ограниченіе въ правѣ пріобрѣтенія грунтовъ имѣло для духовенства еще одну невыгодную сторону—оно ставило его въ зависимость отъ богатыхъ пановъ, старшинъ, вообще землевладѣльцевъ, удѣлявшихъ отъ щедротъ своихъ ему пользованіе

земельными участками. Если бѣдность лицъ духовнаго званія и теперь дурно отражается на сознаніи ими важности своего долга, то въ прошломъ вѣкѣ зависимость священниковъ отъ владѣльцевъ земель имѣла еще худшія послѣдствія. Такъ, напримѣръ, въ кіевскихъ пунктахъ есть жалобы, что многіе владѣльцы дошли до такой дерзости, что по своей прихоти назначаютъ время той или другой службы, приказываютъ медлить началомъ и спѣшить окончаніемъ, почему бываютъ случаи, что литургія, вопреки правилъ св. отцевъ, отправляется и послѣ полудня, а народъ, занятый хозяйственными нуждами, остается безъ удовлетворенія своего религіознаго чувства. Иные изъ пановъ поступали еще хуже—они запирали церкви своими замками и не допускали священниковъ до своего прихода, строптивыхъ изъ нихъ наказывали и, если могли, отрѣшали отъ приходовъ. Экономически зависимое духовенство вынуждено было терпѣть свои невзгоды; особенно же плохо приходилось священническимъ вдовамъ и сиротамъ, остававшимся послѣ смерти отцевъ и мужей безъ земли и безъ всякихъ средствъ къ существованію и иногда попадавшимъ въ подданные къ владѣльцамъ тѣхъ селъ, гдѣ мужъ или отецъ ихъ состоялъ священникомъ. Владѣльцы привлекали такихъ беззащитныхъ вдовъ и сиротъ, какъ своихъ подданныхъ, къ своему суду и расправѣ, почему духовенство и просило подтвердить, чтобы вдовы и дѣти священнослужителей, первыя по смерть, а вторыя—дочери до замужества, а сыновья до вступленія на службу—пользовались всѣми шляхетскими правами, а въ отношеніи суда и расправы вѣдались духовнымъ начальствомъ. Вообще духовенство было крайне недовольно указомъ 1728 г. и какъ на основаніе для его отмѣны, между прочимъ, указывало на то обстоятельство, что такъ какъ грамотой Елизаветы Петровны Малороссіи подтверждены всѣ ея права и вольности въ старыхъ предѣлахъ, то свѣтскія власти Малороссіи неправильно поступаютъ, поддерживая въ силѣ запрещеніе духовенству пріобрѣтать грунты и принимать ихъ на церкви.

Что касается монастырей, то они также стояли за отмѣну указа 1728 года. Нужно замѣтить, что всѣ монастыри въ 60-тыхъ годахъ прошлаго вѣка переживали тяжелый эконо-

мическій кризисъ: давно стоявшій на очереди вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ въ 1764 г. получилъ свое окончательное рѣшеніе и императрица утвердила докладъ коммиссіи объ отобраніи монастырскихъ имѣній и объ устройствѣ крестьянъ; временное исключеніе было сдѣлано только для Малороссіи и южныхъ губерній—екатеринославской, харьковской, воронежской и курской. Въ Малороссіи число дворовъ, принадлежавшихъ церковнымъ имѣніямъ, простиралось до 14 слишкомъ тысячъ и нестроенія въ управленіи церковными имѣніями вызывали жалобы Румянцева, такъ что вопросъ о секуляризаціи имѣній малороссійскихъ монастырей былъ только вопросомъ времени и незадолго до составленія пунктовъ, въ 1766 году, синодъ уже получилъ предложеніе отъ своего оберъ-прокурора о томъ, чтобы принять за долгъ просить ея имп. величество распространить секуляризацію монастырской собственности и на Малороссію. Поводомъ къ этой мѣрѣ было указано вѣдомое всѣмъ нестроеніе въ средѣ духовныхъ, происходящее исключительно вслѣдствіе владѣнія землями, такъ какъ чрезъ него епархіи съ монастырями, монастыри съ церквами и мірянами ведутъ нескончаемыя тяжбы, духовныя власти поселяютъ между собою раздоръ, а бываетъ иногда и такъ, что архіерей, произведенный изъ архимандритовъ, ведя процессы, подаетъ самъ на себя жалобы. Такъ было, напримѣръ, между каѳедрой кіевской и Печерскимъ монастыремъ [1]). Малороссійскіе монастыри знали о предстоявшей секуляризаціи ихъ имѣній и потому тѣмъ больше и тѣмъ усерднѣе просили императрицу сохранить за ними всѣ ихъ старыя права по владѣнію „селами, деревнями, пахотными и сѣнокосными землями, мельницами, озерами, рыбными ловлями и проч. угодьями“, въ частности же, кромѣ того, просили отмѣнить и указъ 1728 года. Съ просьбой объ его отмѣнѣ малороссійское духовенство обращалось уже и раньше къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, вскорѣ послѣ смерти гетмана Д. Апостола, но императрица отнеслась весьма строго къ ходатайству и приказала правителю Малороссіи кн. Шаховскому объявить малороссійскимъ

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 28.

архіереямъ выговоръ, „дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ не включали". Помимо этого, Шаховской получилъ еще предписаніе стараться склонить генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ на подачу прошенія о неукрѣпленіи за монастырями недвижимости, на что просителямъ заранѣе былъ обѣщанъ благопріятный отвѣтъ [1]). Если просьбы духовенства не имѣли никакого успѣха, или лучше сказать имѣли обратный успѣхъ у Анны Ивановны, то казалось бы, что надѣяться на благопріятный оборотъ дѣла при Екатеринѣ II рѣшительно не было никакого основанія, такъ какъ она твердо рѣшила освободить духовный чинъ „отъ суеты мірской и того зазрѣнія, въ которомъ онъ долголѣтне находился, обращаясь въ мірскихъ попеченіяхъ" [2]), тѣмъ не менѣе представители монастырей думали объ этомъ иначе. Они имѣли слабость надѣяться на сохраненіе за ними землевладѣнія и просили для болѣе точнаго опредѣленія границъ своей собственности произвести обмежеваніе своихъ земель, занести ихъ на планы и „за скрѣпами и печатями межевщиковъ *поручить ко владѣнію вѣчно*". Притомъ черниговскіе пункты предлагали для устраненія на будущее время земельныхъ споровъ признать всѣ обмежеванныя и записанныя за монастырями земли не подлежащими оспариванію ни въ какомъ случаѣ, даже въ томъ, если бы впослѣдствіи у кого-нибудь оказались на эти земли болѣе старые крѣпости и документы. Споры о такихъ земляхъ должны были рѣшаться разъ навсегда самими межевщиками при обмежеваніи земель и не подлежать послѣдующимъ пересудамъ. Этой мѣрой авторы черниговскихъ пунктовъ вполнѣ основательно полагали освободить монастыри отъ нескончаемыхъ тяжбъ и судебной волокиты и такимъ образомъ снять съ нихъ обвиненія правительства въ наклонности къ сутяжничеству и деморализаціи духовнаго сословія усиленными заботами о „мірскихъ попеченіяхъ", а какъ велики, дѣйствительно, были „мірскія попеченія" видно изъ примѣра архимандрита Гамалѣевскаго монастыря Давида,

---

[1]) Соловьевъ, т. XX, стр. 320.

[2]) Соловьевъ, т. 27, стр. 28.

объявившаго по одному своему монастырю до 100 тяжебныхъ дѣлъ [1]).

На ряду съ ходатайствомъ объ обмежеваніи земель монастыри поставили и крайне важную просьбу о возвращеніи имъ земель, занимаемыхъ оказачившимися посполитыми, и о возвращеніи такихъ козаковъ снова въ монастырскіе посполитые. Просьба крайне смѣлая и весьма характерная для ея авторовъ—кіевскаго духовенства. Въ поясненіе ея мы должны сказать, что въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, дѣйствительно, бывали нерѣдко случаи, что посполитые крестьяне переходили въ козачество и удерживали за собой земли своихъ прежнихъ владѣльцевъ, были ли то частныя лица, или монастыри. Кромѣ того, посполитые ухитрялись иногда продавать или отдавать въ видѣ приданаго свои земли козакамъ, жившимъ совмѣстно съ ними въ церковныхъ и монастырскихъ деревняхъ, такъ что козаки пріобрѣтали монастырскія земли, а монастыри бѣднѣли, упуская изъ своихъ рукъ и посполитыхъ подданныхъ, и занятыя ими земли.

Между тѣмъ такой порядокъ вещей былъ нарушеніемъ Л. Статута, согласно которому посполитые не имѣли права отчуждать занимаемыхъ ими земель безъ воли на то ихъ собственника, а равно не имѣли права удерживать за собой земель въ случаѣ вступленія на государственную службу (напр. въ козаки) или въ случаѣ ухода къ другому владѣльцу. Ссылаясь на это законоположеніе, ревнители монастырскихъ интересовъ кіевской епархіи просили: 1) всѣ церковныя и монастырскія земли, которыми владѣютъ бывшіе подданные, нынѣ обратившіеся въ козаковъ, безденежно возвратить монастырямъ и церквамъ, а самыхъ козаковъ по прежнему обратить въ подданныхъ; 2) въ тѣхъ монастырскихъ и церковныхъ деревняхъ, гдѣ козаковъ почему-либо нельзя обратить въ подданныхъ, ихъ предлагали вывести вонъ, дабы они впредь грунтами не завладѣвали и монастырскимъ подданнымъ обидъ не чинили; наконецъ, если и этого нельзя будетъ сдѣлать,—то монастыри просили подтвердить козакамъ, чтобы они не вступали съ подданными ни въ какія

[1]) Соловьевъ, т. 27, стр. 28.

сдѣлки относительно земли, не принимали ихъ въ подсосѣдки и не шинковали на монастырскихъ земляхъ [1]).

Ходатайство монастырей о возвращеніи козаковъ въ подданные является единственнымъ въ этомъ родѣ среди всѣхъ прошеній малороссіянъ. Другимъ проявленіемъ сословнаго эгоизма являются ходатайства монастырей объ освобожденіи ихъ отъ всѣхъ процессуальныхъ сроковъ при веденіи земельныхъ тяжебныхъ дѣлъ и объ устраненіи для нихъ общихъ правилъ относительно земской давности. Монастыри считали общіе судебные сроки (6-недѣльный для явки сторонъ въ суды 1-й инстанціи и годовой для подачи апелляціонныхъ жалобъ) стѣснительными для нихъ потому, что вслѣдствіе частой перемѣны монастырскихъ настоятелей и отсутствія повѣренныхъ они не могутъ осуществлять своихъ правъ съ той быстротой, какъ частныя лица и часто остаются обиженными. Тѣ же мотивы приводились монастырями и въ пользу отмѣны сроковъ земской давности, а прецедентами этому ходатайству указывались привилегія 1588 г. и указы 1748 и 1749 годовъ, по которымъ истеченіе давностнаго срока не должно служить препятствіемъ къ отыскиванію монастырскихъ и церковныхъ земель изъ посторонняго владѣнія. Всѣми этими мѣрами монастыри полагали облегчить положеніе своего землевладѣнія на случай тяжбъ и споровъ; но они, повидимому, забывали, что съ дарованіемъ просимыхъ льготъ положеніе противной имъ стороны было бы крайне невыгодно и что эти невыгоды не возмѣщались ничѣмъ со стороны самихъ монастырей. Монастыри въ данномъ случаѣ заблуждались, думая, что развитію ихъ землевладѣнія будетъ оказано правительствомъ, какъ и въ старое время, всякое содѣйствіе, даже въ ущербъ частнымъ интересамъ; но время, когда монастыри были культурно-просвѣтительной силой и свѣточами религіозно-нравственныхъ идей, когда православный народъ жертвовалъ на нихъ свои достатки и содѣйствовалъ ихъ благолѣпію, прошло, и за ними утвердился характеръ корпоративныхъ хозяйствъ съ весьма сильно выраженными мірскими заботами... Хлопоты о грунтахъ, по-

[1]) Сб. Р. И. И. Об., т. 43, стр. 485.

стоянное изъ-за нихъ сутяжничество, стремленіе къ обогащенію винной торговлей, наконецъ, несимпатичное желаніе обратить козаковъ въ своихъ подданныхъ или согнать ихъ съ земель—вотъ черты для характеристики монастырей конца прошлаго вѣка.

Упомянувъ о винной торговлѣ, мы должны сказать, что винокуреніе послѣ вопроса о грунтахъ занимало самое важное мѣсто въ пунктахъ, относящихся къ экономическимъ вопросамъ. И бѣлое, и черное духовенство желали для себя свободы винокуренія и винной торговли. Мы уже говорили, что право производить и то, и другое составляло привилегію шляхетскаго званія, имъ пользовались козацкіе старшины и рядовые козаки, какъ бы въ вознагражденіе за ихъ службу государству, духовенство также пользовалось этимъ правомъ до 1757 года, но въ этомъ году гетманъ Разумовскій запретилъ всѣмъ неслужащимъ, какъ то: посполитымъ, купцамъ, разночинцамъ, а особенно попамъ, курить вино и мотивомъ своего запрещенія выставилъ вредъ, происходящій отъ истребленія хлѣба и лѣса, и дурное вліяніе этой промышленности на народную нравственность. Этимъ универсаломъ бѣлое духовенство въ отношеніи винокуренія было сравнено съ посполитыми; старшины и козаки—сообщаетъ 4-й п. кіевской епархіи—злорадствовали надъ духовенствомъ по поводу универсала и съ большой энергіей принялись истреблять поповскіе шинки и винокурни, насылая на нихъ свои команды. Желая свободы винокуренія, бѣлое духовенство правильно замѣчало, что универсалъ Разумовскаго несправедливо лишилъ его этого права, такъ какъ оно, духовенство, такъ же служитъ государству, какъ и другія сословія. Въ равной степени несостоятельной казалась духовенству и мысль Разумовскаго, что запрещеніемъ попамъ винокуренія можно уменьшить истребленіе хлѣба и лѣса; напротивъ, въ винокуреніи духовенство разумно усматривало сбытъ хлѣбу и лѣсу, дающій крестьянамъ возможность уплачивать подати, а козакамъ оправляться въ домашнемъ обиходѣ и нести военную службу. Что касается монастырей, которыхъ не коснулся указъ 1757 г., то ихъ желанія заключались въ томъ, чтобы сдѣлать торговлю виномъ въ принадлежащихъ имъ деревняхъ своей монополіей, воспретивъ производство ея

посполитымъ и даже жившимъ въ монастырскихъ деревняхъ козакамъ. Послѣднимъ, впрочемъ, монастыри соглашались разрѣшить производство вина исключительно для своего потребленія. На ряду съ свободнымъ винокуреніемъ монастыри черниговской епархіи хлопотали также и о безпошлинномъ занятіи другими отраслями промышленности, какъ то: заводами желѣзодѣлательными, стеклянными, известковыми, а также мукомольнымъ дѣломъ; вмѣстѣ съ этимъ, они ходатайствовали объ уничтоженіи сборовъ, взимавшихся съ пасѣкъ, съ перевозовъ и при продажѣ вина, лошадей, скота, пеньки и прочаго...

Ходатайствами о грунтахъ и винокуреніи не исчерпываются вполнѣ заботы бѣлаго духовенства и монастырей о своемъ экономическомъ положеніи. Къ нимъ нужно еще присоединить массу прошеній о сложеніи различныхъ повинностей, подрывавшихъ, по словамъ просителей, матеріальное благосостояніе бѣлаго духовенства и монастырей. Право на свободу отъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, духовенство основывало на 29 арт. раз. 3-го Л. Статута и затѣмъ на позднѣйшихъ льготныхъ грамотахъ Петра I, отъ 1721 и 1724 гг., согласно которымъ „попы и церковники“ въ отношеніи квартирной повинности, одной изъ самыхъ важныхъ и непріятныхъ, были сравнены съ полковниками, сотниками и прочей старшиной, т. е. были отъ нея освобождены.

Однако, несмотря на существованіе льготныхъ петровскихъ грамотъ, духовенство, именно, хлопотало объ освобожденіи себя отъ квартирной повинности, такъ какъ фактически оно не было отъ нея свободно. Происходило это потому, что малороссійскіе старшины, желая какъ нибудь размѣстить великорусскую армію, а командиры послѣдней, желая поудобнѣе устроиться, ни во что ставили царскіе указы и занимали дома беззащитныхъ священнослужителей, увѣренные, что все сойдетъ имъ безнаказанно. Для оправданія жъ своихъ дѣйствій они на всякій случай изобрѣли софистическое толкованіе петровскихъ указовъ въ томъ смыслѣ, что ими воспрещались постои только въ собственныхъ домахъ священнослужителей, а такъ какъ, за силой закона 1728 г., многіе изъ нихъ не имѣли грунтовъ и жили въ *наемныхъ* до-

махъ, то командиры находили, что въ этихъ случаяхъ не возбраняется ставить постои. Впрочемъ, къ несчастью духовенства, командирамъ едва ли часто приходилось прибѣгать къ какимъ либо оправданіямъ, такъ какъ они главнымъ образомъ полагались на безнаказанность своихъ поступковъ и не останавливались даже предъ займомъ подъ квартиры *школъ*, а учениковъ употребляли на различныя посылки, такъ что черниговское и переяславское духовенство вынуждено было просить о прекращеніи подобнаго безобразія [1]). Монастыри съ своей стороны жаловались, что войска заняли въ городахъ и селахъ ихъ подворья, въ силу чего братія, посѣщая эти города или селенія, вынуждена тратиться на наемъ себѣ помѣщеній; въ общемъ же монастыри находили, что отводъ войскамъ квартиръ долженъ совершаться отъ старшинъ или ратушъ не иначе, какъ по совѣту съ монастырскими властями.

Слѣдующею не менѣе обременительною повинностью духовенство выставило обложеніе рублевымъ окладомъ своихъ подсосѣдковъ, работниковъ, дворовыхъ и иныхъ людей, сидѣвшихъ на его, духовенства, земляхъ. Ссылаясь на свои шляхетскія права и указы Петра I о неположеніи священно и церковнослужителей въ окладъ, а также и на существовавшую до 1734 г. свободу отъ повинностей своихъ подсосѣдковъ, духовенство просило отмѣнить состоявшееся въ 1765 году обложеніе его подсосѣдковъ и работниковъ рублевымъ окладомъ и мотивами своего ходатайства указало крайнюю обременительность и неуравнительность этого налога.

Мы не будемъ здѣсь повторять этихъ доводовъ духовенства, такъ какъ они тѣ же, что и у шляхетства, но скажемъ только, что и бѣлое, и монашествующее духовенство не находили словъ и красокъ для изображенія бѣдствій, проистекающихъ отъ обложенія ихъ подданныхъ рублевымъ окладомъ и утверждали, что благодаря послѣднему, малороссійское населеніе бросаетъ свои жилища и бѣжитъ въ Польшу, а оставшееся на мѣстахъ разоряется тѣмъ, что уплачиваетъ повинности и за себя, и за со-

[1]) Сб. Р. И. И. Об., т. 43, стр. 571 и 577.

шедшихъ съ земель односельцевъ. Неуплата же повинностей въ срокъ навлекала на село экзекуцію причемъ не было рѣдкостью, что войты, управители, подданные, всѣ безъ разбора заключались въ остроги вмѣстѣ съ ворами и разбойниками, а село должно было содержать еще на свой счетъ экзекуторскія команды, доставлять имъ кормъ, фуражъ и пр. Очень много жалобъ и огорченій монастыри высказали еще на безчисленныя натуральныя повинности, тяжелымъ гнетомъ ложившіяся на ихъ подданныхъ крестьянъ: по требованіямъ великороссійскихъ и малороссійскихъ командировъ—писали монастыри—масса ихъ подданныхъ безконтрольно наряжается на польскую границу для устройства маяковъ, засѣкъ, рогатокъ и другихъ пограничныхъ работъ; не мало ихъ идетъ для постройки стоящимъ на форпостахъ войскамъ избъ, конюшенъ, для возки лѣсу, починки мостовъ, гатей, для выемки горъ, устройства дорогъ, для почтовой гоньбы и кромѣ всего перечисленнаго для многихъ „партикулярныхъ“ надобностей командировъ. Спасаясь отъ бремени исчисленныхъ тягостей, крестьяне бросали свои хозяйства и бѣжали за границу, въ Польшу, а монастыри, конечно, терпѣли убытки и приходили въ разореніе, остановить которое, они полагали, возможно только полнымъ освобожденіемъ ихъ подданныхъ отъ всѣхъ повинностей, а также отъ многихъ злоупотребленій, исходившихъ отъ свѣтскихъ, въ особенности военныхъ, начальниковъ. Описаніемъ претерпѣваемыхъ монастырями бѣдствій наполнены многія страницы пунктовъ, и достаточно пробѣжать нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы представить себѣ, какова была сила безправія, власть сильнаго и положеніе личности и имущества беззащитнаго населенія... Многіе разныхъ чиновъ люди — писали монастыри кіевской епархіи— проѣзжая не только по казенной, но и по своей надобности, поступаютъ съ здѣшними жителями безсовѣстно, несмотря на запретительные ея и. величества указы, чинятъ великія обиды и разоренія, берутъ нагло подводы безъ подорожныхъ и платежа прогоновъ и харчъ всякій и фуражъ безденежно и многихъ невинныхъ людей бьютъ и увѣчатъ жестокими побоями, а нѣкоторые нападками своими и взятки берутъ деньгами и вещами, ло-

шадьми и скотомъ... насильствомъ отнимаютъ хутора, земли, грунты, мельницы, лѣса, рыбныя ловли и проч. угодья и заводы, не только владѣльческіе, но и монастырскіе, и вымогаютъ у безгласныхъ людей, яко то: у вдовъ и сиротъ, крѣпости на тѣ ихъ имѣнія на свои и на постороннія имена и совсѣмъ оныхъ въ крайнее разореніе приводятъ [1]). Затѣмъ монастыри представляли, что они понесли большіе убытки въ прошлую турецкую войну, уплативъ болѣе 3,000 за наемъ подводъ подъ различныхъ пословъ и что эти деньги остались имъ не возвращенными, равно какъ и деньги за взятыхъ для арміи воловъ. Долго перечислять все, на что жаловались монастыри: и на истребленіе лѣсовъ, и на потравы войсками луговъ, и на вылавливаніе въ озерахъ рыбы, въ лѣсахъ звѣрей и проч.; вообще жалобамъ монастырей на свѣтскихъ начальниковъ нѣтъ конца, и нужно сказать, что ни одно малороссійское сословіе не изобразило такъ полно и выпукло тягости господствовавшаго безнарядья и тягостей связанныхъ съ постоемъ регулярныхъ войскъ, какъ духовенство. Среди другихъ явленій его съ особенной силой возмущало—событіе послѣдняго времени—генеральная опись Малороссіи, такъ какъ въ глазахъ духовенства, главнымъ образомъ монашествующаго, она была предвѣстникомъ еще новыхъ окладовъ, поборовъ и даже нѣкоторой перетасовки поземельной собственности. Причина этого боязливаго взгляда на опись лежала въ томъ, что ревизоры описывали земли, грунты, скотъ, требовали представленія на земли крѣпостей или другихъ доказательствъ права владѣнія, отмѣчали всѣ промыслы и ихъ доходность, наконецъ, переписывали самое населеніе, дворы, дома, работниковъ, слугъ, подсосѣдковъ, по душамъ и по полу, отъ мала до велика, такъ что ничто не укрывалось отъ взоровъ румянцевскихъ статистиковъ. Какъ явленіе никогда небывалое, опись навела страхъ на населеніе Малороссіи, духовенство раздѣляло его и въ пунктахъ тщательно доказывало, что по силѣ шляхетскихъ правъ его не можетъ касаться „никакая экзекуція“, т. е. отобраніе земельныхъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если на нихъ нѣтъ другихъ дока-

[1]) Ibid. стр. 479.

зательствъ, кромѣ самаго факта владѣнія. Затѣмъ духовенство указывало на противозаконный характеръ переписи, такъ какъ она учинена вопреки національнаго закона, требующаго въ случаѣ устройства чего либо къ добру Рѣчи Посполитой— „*тогда то чинить и уставы всякіе дѣлать съ вѣдома и согласія общего*“. По этимъ и другимъ основаніямъ духовенство просило „небывалую, малороссійскимъ правамъ и стародавнимъ обычаямъ противную ревизію отставить“, ибо малороссійскій народъ, церковные и монастырскіе подданные, дворовые люди, слуги, и подсосѣдки, „предразсуждая въ той ревизіи нѣчто къ своему отягощенію небывалое, бѣгутъ за границу, гдѣ прежняя вольность содержится“.

Какъ объ исключительномъ желаніи бѣлаго духовенства, намъ предстоитъ еще сказать, что духовные пастыри хлопотали о возстановленіи существовавшаго до 1765 года порядка вознагражденія ихъ служебной дѣятельности. Этотъ порядокъ состоялъ въ томъ, что обыкновенно священники при избраніи ихъ прихожанами выговаривали себѣ отъ каждой семьи извѣстный годовой доходъ и затѣмъ вознагражденіе за совершаемыя требы, такъ что доходы духовенства устанавливались при самомъ избраніи его на должности, но 17 февр. 1765 г., вслѣдствіе доклада коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, состоялось распоряженіе, чтобы священно и церковно-служители брали съ своихъ прихожанъ по таксѣ, указанной въ докладѣ, а отъ тѣхъ, кто будетъ давать по своему состоянію и желанію довольствовались бы доброхотнымъ даяніемъ. Это распоряженіе, по выраженію духовенства, отсѣкло у него всѣ доходы, такъ какъ люди зажиточные перестали дѣлать взносы и духовенство, не имѣвшее ни ружныхъ ни собственныхъ земель, настолько обѣднѣло, что сравнивало себя съ нищими, просящими по міру милостыни. Протопопы малороссійскіе, кромѣ того, были еще недовольны отмѣной выдачи вѣнечныхъ памятей лицамъ вступавшимъ въ бракъ, и просили ее возстановить, такъ какъ съ отмѣной этого обычая они утеряли доходы, поступавшіе къ нимъ за выдачу памятей.

Отъ ходатайствъ бѣлаго духовенства о своемъ матеріальномъ положеніи мы обратимся еще къ его просьбамъ относи-

тельно улучшенія экономическаго состоянія малороссійскихъ церквей, ихъ благоустройства и благолѣпія, упавшихъ, по заявленію просителей, въ силу многихъ распоряженій послѣдняго времени. О матеріальномъ положеніи малор. церквей нужно сказать, что источникомъ содержанія ихъ были, кромѣ пожертвованій прихожанъ, еще собственныя церковныя имѣнія—пахатныя земли, населенныя слободки, торговыя лавки, коморы, мельницы и, наконецъ, церквамъ давали доходы братерскіе дома или церковные шинки, гдѣ шла торговля напитками, а въ дни храмовыхъ праздниковъ въ пользу церквей въ нихъ производилась торговля разсыченнымъ медомъ—кануномъ. Помимо сказанныхъ статей дохода, церкви имѣли еще доходы до 1755 года и отъ различныхъ ярмарочныхъ сборовъ, какъ то: помѣрнаго съ хлѣба и поведерковаго и ваговаго—съ вина и дегтю. На эти средства въ церквахъ поддерживалось благолѣпіе, содержались при нихъ школы и шпитали, но въ послѣднее время—жалуется духовенство—содержаніе прежняго благолѣпія, школъ и шпиталей стало немыслимымъ. Причины тому—въ упадкѣ доходовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, ярмарочные сборы, совсѣмъ были отмѣнены, а другіе, хотя и не были отмѣнены, но были стѣснены правительственными мѣрами или же злоупотребленіями свѣтскихъ властей. Стѣсненія эти заключались въ томъ, что церковныя земли, всегда бывшія свободными отъ налоговъ, стали облагаться рублевымъ окладомъ, котораго не избѣжали даже школы, госпитали и братерскіе дома; что владѣльцы, командовавшіе въ городахъ и деревняхъ, стали запрещать церквамъ производить торговлю напитками, церковныя земли отбирали, дома, школы и госпитали занимали постоями, людей употребляли на свои работы и вообще всѣ церковныя прибыли обращали въ свою пользу, вслѣдствіе чего церкви лишались всякаго „снабдѣнія“. Вооружаясь противъ заведенныхъ злоупотребленій, духовенство жаловалось, что, благодаря имъ, оно не въ состояніи ни содержать школъ, ни помогать бѣднымъ, ни заботиться объ украшеніи храмовъ и потому просило рублевый окладъ съ церковныхъ имѣній сложить и дозволить церквамъ по прежнему взимать ярмарочные сборы и про-

изводить торговлю напитками, а владѣльцамъ и командирамъ просило запретить малѣйшее нарушеніе матеріальныхъ выгодъ церквей [1]).

Послѣ стѣснительныхъ правительственныхъ распоряженій и злоупотребленій владѣльцевъ, другой причиной упадка матеріальнаго благосостоянія церквей, духовенство указало на увеличивавшееся охлажденіе къ церковнымъ интересамъ ремесленныхъ цеховъ, снабжавшихъ обыкновенно церкви виномъ, ладаномъ, воскомъ, а также деньгами на содержаніе и погребеніе странниковъ и нищихъ, проживавшихъ въ такъ называемыхъ шпиталяхъ. Обычай участія ремесленныхъ цеховъ въ дѣлахъ церкви составлялъ очень древнее явленіе и происхожденіе его относится еще къ первому времени борьбы южно-русскаго народа съ католичествомъ за „благочестіе", когда центральными пунктами борьбы были юго-западные города со смѣшаннымъ—скатоличившимся и православнымъ—населеніемъ. Извѣстно, что богатое южнорусское панство подпало латинству и защитникомъ благочестія явилось мѣщанство, объединенное магдебургскимъ правомъ и сплоченное въ цехи; тогда возникли церковныя братства, схожія по устройству съ городскими цехами и взявшія патронатъ надъ православною церковью въ свои руки. „Какъ цехи, такъ и братства—говоритъ г. Кулишъ [2])—ежегодно выбирали старшину для завѣдыванія общими ихъ дѣлами". И ремесленные цехи, и братства признавали себя обязанными снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ, заботиться о распространеніи хвалы Божіей между православными, присутствовать въ праздники при богослуженіи и участвовать при погребеніи умершихъ братьевъ". Словомъ, выражаясь языкомъ того же автора, мѣщанство взяло на себя трудъ „дѣятельнаго благочестія", но когда съ теченіемъ времени борьба съ латинствомъ затихла, то и дѣятельная роль мѣщанъ въ дѣлахъ церкви упала, братства закрылись, а цехи перестали оказывать матеріальную поддержку въ прежнихъ размѣрахъ. Такъ, именно, и было во время соста-

[1]) Ibid. стр. 466.

[2]) Кулишъ. Ист. возсоед. Руси т. I, стр. 231.

вленія пунктовъ: цехи существовали какъ ремесленныя корпораціи, ни въ чемъ уже не зависѣли отъ духовнаго начальства, въ сборахъ своихъ не давали ему никакого отчета и сборы эти пропадали, по словамъ духовенства, за цехмистрами и ключниками.

Въ отношеніи церковнаго благоустройства духовенство выразило особенныя хлопоты о содержаніи при церквахъ полнаго, такъ сказать, штата служащихъ—дьячковъ, пономарей, ктиторовъ и другихъ, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ съ тѣхъ поръ, какъ эти лица лишились нѣкоторыхъ льготъ и стали отбывать всѣ повинности. Съ этой несчастной поры церкви остались безъ необходимыхъ служителей, ктиторы, отягощенные государственными налогами, перестали заботиться о церковныхъ достаткахъ и благосостояніе церквей упало. Не выиграло также и благолѣпіе церковной службы, ибо за отсутствіемъ профессіональныхъ церковнослужителей церкви принуждены были довольствоваться бродячими школьниками... Такъ что совмѣстная жизнь съ единовѣрной Великороссіей не оказала на нихъ въ этомъ случаѣ никакого благотворнаго вліянія. Авторы пунктовъ, толкуя объ этомъ довольно пространно, всегда придерживались метода историческаго сравненія, вспоминали старые порядки, сравнивали ихъ съ вновь нарожденными и давали въ заключеніе свои выводы,—выводы не въ пользу новизны, а всегда просили о возвратѣ къ старому доброму времени, которымъ они увлекались наравнѣ съ другими сословіями до полнаго его апотеоза. Теперь, когда мы изложили всѣ наиглавнѣйшія желанія духовенства, стоитъ бросить ретроспективный взглядъ, чтобы суммировать все сказанное. Духовенство въ пунктахъ заявило себя ничѣмъ не довольнымъ.

Словомъ, если читатель потрудится бросить ретроспективный взглядъ на все содержаніе пунктовъ, то ему представится характерная картина недовольства духовенства всѣми существовавшими въ его время порядками. Духовенство было недовольно и умаленіемъ его шляхетскихъ правъ, и стѣсненіемъ его автономіи въ дѣлахъ внутренняго управленія, и паденіемъ въ его средѣ образованія, обусловленнымъ невниманіемъ правительства къ просвѣщенію, и стѣсненіями духовныхъ судовъ вмѣшатель-

ствомъ въ нихъ свѣтскихъ начальниковъ, и своимъ экономическимъ положеніемъ, разстроеннымъ различными запретительными указами и обременительными налогами и вообще злоупотребленіями свѣтскихъ старшинъ и великорусскихъ начальниковъ, неуважительно третировавшихъ духовное сословіе и причинявшихъ ему „великія огорченія“ и многимъ другимъ... Сколько было неудовольствій, столько же было у духовенства и желаній. Суммировать ихъ въ отношеніи бѣлаго духовенства мы можемъ однимъ словомъ—стремленіемъ къ правамъ и положенію шляхетства; что же касается монастырей—то ихъ стремленія были направлены къ сохраненію за собой положенія крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, къ освобожденію отъ всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей и сохраненію болѣе или менѣе самостоятельныхъ порядковъ въ дѣлахъ своей внутренней организаціи и жизни. Заботы о просвѣщеніи, о школахъ, шпиталяхъ, матеріальномъ благосостояніи церквей, распространеніи благочестія въ Польшѣ, печатаніи книгъ и религіозныхъ сочиненій и проч. являются свѣточами среди остальной массы сословныхъ желаній духовенства, желаній, клонившихся, какъ и у шляхетства, къ реституціи старины и прежнихъ отношеній. „Старина“ была для малороссійскаго духовенства вожделѣннымъ эдемомъ, потеряннымъ раемъ, почему мы о духовенствѣ должны сказать, что эпоха съ возсоединенія до 1767 года ничему его не научила, а была временемъ застоя, которое было желательно вычернуть, чтобы начать жизнь снова отъ момента, когда оно было сбито политическими событіями съ своего надлежащаго направленія. Поэтому, обвинять малороссійское духовенство въ узости взглядовъ, въ безъидейной приверженности старинѣ, потому только, что она старина, мы полагаемъ, нѣтъ основаній, такъ какъ въ желаніи духовенства возвратиться къ старинѣ можно видѣть, какъ бы побужденія долго коснѣвшаго человѣка снова возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ остановилось его развитіе.

Само собой естественно, что такой возвратъ вовсе не былъ необходимъ, а въ отношеніи желаній монастырей былъ даже вреденъ, ибо жизнь цивилизованныхъ народовъ и насущныя потребности Россіи требовали иного, но духовенство было по сво-

ему право, если оно, заброшенное въ теченіи цѣлаго вѣка, такъ, а не иначе, понимало свои интересы и въ качествѣ программы могло выставить только порядки стараго времени.

Опредѣливъ выше всю сумму желаній бѣлаго духовенства однимъ словомъ „шляхетство", намъ небезъинтересно взглянуть, какъ люди екатерининской коммиссіи, а именно составители извѣстнаго проекта „о родахъ государственныхъ", разсматривали духовенство въ смыслѣ сословія и насколько ихъ взгляды согласовались съ желаніями малороссійскихъ пастырей. Нужно сказать, что проектъ о сословномъ положеніи духовенства вообще былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ исключительно великорусскихъ взглядовъ, а извѣстно, что въ Великороссіи положеніе духовенства, предшествовавшее коммиссіи, вовсе было не таково, чтобы сближать его съ дворянствомъ, соотвѣтствовавшимъ малороссійскому шляхетству. Русское государство, не знавшее людей, необязанныхъ ему тѣмъ или инымъ родомъ службы, не допускало дворянъ въ духовное сословіе, пока на нихъ лежала обязанность службы, и только въ небольшой періодъ отъ 1714—31 гг., когда дѣйствовалъ законъ о майоратахъ, младшимъ сыновьямъ дворянъ дозволено было вступать въ духовное званіе, но съ отмѣной этого закона дозволеніе было взято назадъ.

Раздѣляя воззрѣнія прежняго времени, составители проекта о государственныхъ родахъ не ввели духовенство въ ряды дворянъ, а оставили среди „подлыхъ состояній" и отнесли къ разряду мѣщанъ, „упражняющихся въ наукахъ и службахъ". Тѣмъ не менѣе, чтобы сильнѣе выдвинуть духовенство, ему предполагалось дать особыя привилегіи, которыя имѣли заключаться: въ особенномъ почтеніи, сопровождаемомъ болѣе сильнымъ наказаніемъ за обиду, въ льготахъ отъ платежа поголовныхъ денегъ, податей, рекрутчины и гражданской службы, въ подсудности по духовнымъ дѣламъ исключительно своему начальству, а по дѣламъ общимъ свѣтскимъ судамъ, но при участіи въ нихъ духовнаго депутата, въ свободѣ отъ тѣлесныхъ наказаній до лишенія духовнаго сана, въ льготахъ отъ военныхъ постоевъ, полицейскихъ службъ и публичныхъ работъ, исключая относящихся къ поддержанію чистоты и благоустройства городовъ.

Наконецъ, проектировалось дозволить духовенству ѣздить въ каретахъ и преимущественно предъ другими помѣщать своихъ дѣтей въ семинаріи. Для украинскаго духовенства не было сдѣлано исключенія и оно было внесено въ генеральное положеніе.

Причисленіе духовенства къ среднему роду людей вызвало сильный протестъ со стороны синода; особенно возставалъ митрополитъ Гавріилъ, доказывавшій, что уже византійскіе императоры считали духовенство благороднымъ сословіемъ и что общество совершенно перестанетъ уважать своихъ пастырей, если они будутъ поставлены наравнѣ съ мѣщанами и купцами. Обсудивъ всесторонне проектъ, синодъ нашелъ въ немъ два крупныхъ недостатка: во первыхъ, проектъ касался только положенія въ государствѣ низшаго духовенства и ничего не упоминалъ о высшихъ его представителяхъ и, во вторыхъ, онъ не принялъ во вниманіе особое положеніе малороссійскаго духовенства, въ виду каковыхъ упущеній синодъ высказалъ мысль, что проектъ долженъ быть переработанъ вторично и всѣ права и выгоды духовенства должны быть положены въ законъ [1]).

Какъ ни были скромны права духовенства, проектированныя коммиссіей о государственныхъ родахъ, но съ неудачнымъ окончаніемъ коммиссіи и ими не пришлось воспользоваться духовному сословію, такъ что нѣкоторыя его желанія стали осуществляться уже въ позднѣйшее время: въ концѣ XVIII в. оно получило право на пожалованіе орденами, въ 1806 г. было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній и въ началѣ этого же вѣка пріобрѣло право владѣть недвижимыми имуществами, самый же главный шагъ къ сближенію духовенства съ дворянствомъ былъ сдѣланъ уже въ наше время указомъ 1869 г., уничтожившимъ наслѣдственность духовнаго званія и приравнявшимъ священнослужителей къ личнымъ дворянамъ.

Что касается просьбъ монастырей, то рѣшительнымъ отвѣтомъ на нихъ Екатерины II былъ указъ 1786 г. [2]) синоду о сравненіи малороссійскаго монашества съ великорусскимъ и о

---

[1]) Латкинъ. Зак. ком. въ XVIII в., стр. 498.

[2]) „Кіев. Ст." 1882 г., кн. 5, стр. 329.

введеніи штатовъ, т. е. денежнаго содержанія вмѣсто натуральнаго, отмѣняемаго въ силу отобранія въ казну монастырскихъ имѣній. Въ названномъ указѣ Екатерина заявляла, что съ устроеніемъ трехъ малороссійскихъ намѣстничествъ—кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго—наравнѣ съ прочими губерніями, она нашла удобнымъ ввести въ нихъ единообразіе и въ отношеніи архіерейскихъ домовъ и монастырей *и освободить духовныхъ чиновъ и властей отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ и всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ*, стараясь этой реформой принести возможную обществу пользу. Послѣ указа 1786 года, конечно, большая часть прошеній монашествующаго духовенства теряла всякій raison d'être: всѣ хлопоты о расширеніи и благоустройствѣ монастырскаго землевладѣнія стали анахронизмомъ, заботы о просвѣщеніи по программѣ, выдвинутой пунктами, также стали излишними, ибо съ распространеніемъ на Малороссію единообразія въ устройствѣ ея епархій въ ней должны были возникнуть семинаріи по образцу великорусскихъ. Потеряли всякій смыслъ и просьбы всего духовенства о поддержаніи въ его средѣ выборнаго начала, такъ какъ съ учрежденіемъ штатовъ кіевскій митрополитъ, архимандриты и архіереи стали получать содержаніе отъ казны. Самое число монастырей и монашествующихъ при введеніи штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ значительно было сокращено: 42 обители были закрыты, а 466 иноковъ и 510 инокинь остались излишними, не считая 29 настоятелей и настоятельницъ. Мы не можемъ не упомянуть еще, что указъ 1786 года, касаясь общей реформы монашествующаго духовенства, упразднялъ въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторые монастыри, получившія въ глазахъ народа значеніе историческихъ памятниковъ. Такъ, Кіево-Межигорскій монастырь было указано перевести въ таврическую область, а строеніе его обратить въ домъ призрѣнія дряхлыхъ и неимущихъ офицеровъ; кіевской академіи было указано быть въ Кіево-Печерской лаврѣ, а Братскій монастырь, служившій ея помѣщеніемъ, обратить въ главный госпиталь. Самому митрополиту кіевскому было указано жить въ

Кіево-Печерской лаврѣ. Однако, по ходатайству Румянцева, всѣ эти распоряженія не были приведены въ исполненіе. Реформы Екатерины тяжело отозвались на малороссійскомъ духовенствѣ и глава его, митрополитъ кіевскій Самуилъ, писалъ П. А. Румянцеву, что онѣ приближаютъ его „ощутительнымъ образомъ къ послѣднему концу жизни“ и наводятъ на мысль „не рѣшиться ли по болѣзнямъ на избраніе уединенія, или ожидать того же жребія, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима“,— послѣдній настоятель Кіево-Печерской лавры, избранный въ это званіе вольными голосами и въ 1786 году [1]) уволенный на пребываніе въ Голосѣевскую пустынь.

Вотъ все, что мы намѣрены были сказать о желаніяхъ и нуждахъ духовенства, въ слѣдующей главѣ мы обратимся къ содержанію наказовъ отъ городовъ.

Ив. В. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Кіев. Ст.“ 1883 г., кн. 4, стр. 898.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Княжа Гора. Года два-три тому назадъ у кіевскихъ торговцевъ древностями стали попадаться въ большомъ количествѣ, цѣлыми партіями, различныя древнія вещи, относящіяся къ великокняжеской эпохѣ. Вслѣдствіе несомнѣнной подлинности, разнообразія и обилія, предметы эти обратили на себя вниманіе кіевскихъ собирателей древностей; у торговцевъ стали допытываться о мѣстѣ нахожденія ихъ. Сначала, конечно, торговцы, въ виду своихъ личныхъ цѣлей, давали уклончивые отвѣты, выдумывая различныя мѣстности, наконецъ говорили, что изъ Канева; послѣднее было наиболѣе вѣроятно. Впослѣдствіи выяснилось, что предметы происходятъ не изъ самаго Канева, а скупаются у крестьянъ с. Пекарей, лежащаго ниже г. Канева; крестьяне же добываютъ ихъ на близь лежащей возвышенности, которую зовутъ Княжей Горой. Послѣ этого на Княжей Горѣ побывали многіе изъ кіевскихъ археологовъ и собирателей старины, пріобрѣтая на мѣстѣ различные древніе предметы. Въ послѣдній же годъ крестьяне с. Пекарей и сами стали часто привозить въ Кіевъ древности, находя, что гораздо выгоднѣе обходиться безъ посредниковъ.

Такъ заинтересовавшая мѣстныхъ археологовъ Княжа Гора находится немного выше с. Пекарей, верстахъ въ восьми отъ Канева, принадлежала раньше помѣщику Мандрыкѣ.

Если ѣхать съ низу по Днѣпру, то гора кажется мысомъ, вдающимся въ долину рѣки; составляетъ она крайнюю сѣверную точку дуги, которую дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ нагорный правый берегъ, удаляясь благодаря р. Роси отъ теперешняго русла и заканчиваясь на южномъ концѣ извѣстной Святославовой башней. Круто поднимаясь отъ поверхности воды, Княжа Гора представляетъ затѣмъ

длинный и узкій гребень, отдѣленный отъ поля валомъ и рвомъ, съ двумя глубокими оврагами по бокамъ. Длина гребня не превышаетъ ста саженей, ширина же неодинакова, но не болѣе трехъ-четырехъ саж. и то въ самыхъ широкихъ мѣстахъ. Почва горы черноземная, хотя въ черноземѣ попадается масса разной величины кусковъ дикаго камня, въ обнаженіяхъ показывались слои земли пепельнаго цвѣта съ черепками, углемъ, костями и другими остатками.

Издали вся гора кажется покрытой черными пятнами на зеленомъ фонѣ, вблизи пятна оказываются безпорядочно вырытыми ямами и кучами земли, набросанными кладоискателями.

Рядомъ съ Княжей Горой лежитъ Марьина Гора, далѣе идутъ Велыке Городыще и Мале Городыще. Надъ Пекарями, позади ихъ, возвышается Велыкій Курганъ, возлѣ него находится Малый Курганъ. Этотъ рядъ урочищъ, сгруппированныхъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ, указываетъ на то, что мѣстность эта играла въ старину видную роль. Такое значеніе ея обусловливалось хорошимъ для того времени стратегическимъ положеніемъ, прежде всего вслѣдствіе легкости ея укрѣпленія и затѣмъ, какъ удобный наблюдательный пунктъ.

У с. Пекарей въ Днѣпръ впадаетъ р. Рось. Эта рѣка долгое время служила рубежемъ, отдѣлявшимъ кіевское княженіе отъ восточныхъ кочевниковъ, наводнявшихъ наши южныя окраины. Съ X в. Русь, распространившаяся до того времени далеко на югъ, мало по малу оттѣсняется все далѣе и далѣе къ сѣверу. Сначала печенѣги, явившись въ началѣ X в. и постепенно усиливаясь, подвинулись до самаго Кіева. Противъ набѣговъ ихъ кн. Владиміръ укрѣпляетъ южную границу валами и городами; укрѣпленія, сооруженныя тогда, не переходятъ однако далѣе возвышенности, лежащей между рѣками Стугной и Росью. Затѣмъ, въ XI в., борьба съ степняками принимаетъ благопріятный для славянъ оборотъ—половцы, замѣнившіе уже печенѣговъ, отодвигаются за Рось и на Роси устраивается рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ ассимилированными Русью тюркскими народцами, носившими общее названіе черныхъ клобуковъ. Такое значеніе Роси, какъ границы, сохраняется вплоть до XIII в. Много городищъ, разбросанныхъ по теченію Роси и ея притокамъ, остаются свидѣтелями этого значенія. Но возвратимся къ интересующему насъ пункту, именно къ устью Роси.

Въ первоначальной лѣтописи находимъ только одно мѣсто, касающееся данной мѣстности. Подъ 980 г. идетъ длинное повѣство-

ваніе о борьбѣ Владиміра и Ярополка Святославичей и затѣмъ о вокняженіи въ Кіевѣ Владиміра. Не буцучи въ состояніи дать сраженіе Владиміру, Ярополкъ заперся въ Кіевѣ. У него былъ приближенный воевода Блудъ. Владиміръ вошелъ въ сношеніе съ Блудомъ и тотъ обѣщался убить Ярополка. Съ этой цѣлью онъ посовѣтовалъ Ярополку оставить Кіевъ, утверждая, что кіевляне хотятъ предать его. Далѣе приводимъ слова лѣтописи: «И послуша его Ярополкъ, и бѣжа изъ града, и пришедъ затворися въ градѣ Родѣнѣ на устьи Рьси, и Володимиръ вниде въ Киевъ и осѣдяху Ярополка в Роднѣ, и бѣ гладъ великъ въ немъ; и есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ» (Ипат. лѣт. 1871 г., стр. 51).

Такимъ образомъ при *устьи* Роси былъ *градъ*, т. е. укрѣпленное мѣсто, гдѣ бы можно было укрыться во время опасности. Не утверждая положительно, что этимъ мѣстомъ была Княжа Гора, можно все таки сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно, естественныя удобства, которыя представляетъ Княжа Гора должны были въ старину обратить на себя вниманіе. Двѣ ея стороны окаймлены глубокими оврагами, третья представляетъ крутой спускъ къ Днѣпру, итакъ эти три стороны укрѣплены природой, остается четвертая, прилегающая къ полю—ее легко было укрѣпить валомъ и рвомъ, что въ дѣйствительности и сдѣлано, кромѣ того сдѣлать это было легко, потому что, какъ мы уже говорили, гора очень узка. Если еще прибавить къ этому деревянный частоколъ, служившій въ древности непремѣнной принадлежностью каждаго укрѣпленнаго мѣста, то мы получимъ положительно недоступный «городъ», взять который можно лишь послѣ долгой осады. Въ настоящемъ видѣ верхняя площадь Княжей Горы очень незначительна, такъ что является сомнѣніе, могло ли тамъ помѣститься довольно значительное число людей, нужныхъ для защиты, съ различными орудіями и припасами. Но принимая во вниманіе, что въ теченіи восьми вѣковъ поверхность горы осыпалась, сползала и размывалась водой, нельзя придавать большаго значенія теперешнему виду горы; археологическія данныя, о нихъ рѣчь послѣ, даютъ намъ указанія на то, что кромѣ большаго числа людей, которые могли помѣститься на горѣ, тамъ были также и постройки. Такимъ образомъ все говоритъ въ пользу того, что Княжа Гора могла быть городомъ, въ древнемъ значеніи этого слова.

Сказавши объ удобствахъ, которыя представляетъ мѣстоположеніе Княжей Горы, нельзя умолчать и о дурныхъ его сторонахъ.

Та самая недоступность, которая уничтожала всякую мысль о взятіи города приступомъ, дѣлала невозможнымъ сношеніе осажденныхъ съ остальнымъ міромъ и при недостаткѣ запасовъ пищи и въ особенности воды, могла быть причиной той «бѣды», которая даже вошла въ поговорку.

Названіе «Княжа Гора», сохранившееся въ народѣ, звучитъ глубокой стариной и отчасти подтверждаетъ высказанное предположеніе. Другіе разсказы крестьянъ о горѣ не имѣютъ никакого историческаго значенія.

Кромѣ вышеприведеннаго лѣтописнаго отрывка, мы больше нигдѣ не встрѣчаемъ не только имени города Родни, но даже и указаній на то, что данная мѣстность имѣла въ послѣдующее время какое нибудь значеніе. Въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь найденные на горѣ различные древніе предметы. Они говорятъ намъ, что Княжа Гора была обитаема съ самыхъ отдаленныхъ временъ, со временъ каменнаго вѣка, вплоть до XIII ст. Большинство находимыхъ вещей можетъ быть отнесено именно къ послѣднему вѣку. Безпорядокъ, въ которомъ находятся отрываемыя вещи и несомнѣнные слѣды огня на нѣкоторыхъ изъ нихъ, даютъ поводъ предположить, что приблизительно въ XIII в. городъ на Княжей Горѣ и поселокъ возлѣ него были сожжены и разрушены, быть можетъ даже татарами, при нашествіи Батыя. Затѣмъ время изгладило всѣ оставшіеся слѣды былой жизни и только названіе «Княжа Гора» напоминало о чемъ то, давно прошедшемъ.

Но въ послѣднее время стали появляться и болѣе реальные свидѣтели прошлаго въ видѣ разнообразныхъ предметовъ, касающихся разныхъ сторонъ быта того времени.

Вслѣдствіе размывовъ горы, весной и послѣ большихъ дождей, крестьяне с. Пекарей находили разныя вещи; болѣе цѣнныя подбирали, а другія или уничтожали или оставляли безъ вниманія. Но вотъ лѣтъ пять тому назадъ въ Пекари является, какъ крестьяне опредѣляли, «якись жыдокъ зъ Катерынослава». Этотъ еврей занимался скупкой древностей и съ этой цѣлью и пожаловалъ въ Пекари. Скупивши за безцѣнокъ вещи, бывшія у крестьянъ на лицо, онъ просилъ и впредь отыскивать древности, обѣщая принимать все, что ни найдутъ. Крестьяне довольные, что за «чор-зна-що» получили деньги, горячо принялись за дѣло. Съ тѣхъ поръ не было ни одного праздника, чтобы пекарскіе «хлопци, парубки и дивчата» не ходили на Княжу Гору собирать «старыну».

«Жыдокъ» не оставлялъ Пекари своими посѣщеніями и ажитація между крестьянами все болѣе и болѣе усиливалась. Не ограничиваясь однимъ подбираніемъ вещей, стали понемногу то тамъ, то здѣсь пробовать копать на горѣ. Результаты были поразительные. На незначительной глубинѣ—аршинъ и того мельче,—иногда попадались цѣлые клады драгоцѣнныхъ вещей, не говоря уже о всевозможныхъ бронзовыхъ, желѣзныхъ, костяныхъ и каменныхъ предметахъ. Въ то же время о находкахъ на Княжей Горѣ разузнали и другіе торговцы, такъ что спросъ на древности чрезмѣрно увеличился. Въ результатѣ было то, что копать гору выходили цѣлымъ селомъ, кромѣ того, къ пекарянамъ присоединялись крестьяне другихъ окрестныхъ селъ, такъ напр. переѣзжали съ той стороны изъ с. Калеберды; толпа кладоискателей, копающихъ въ одно время, достигала нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Вещей было найдено масса, скупать ихъ начали не только пріѣзжіе торговцы, но и мѣщане г. Канева, почуявъ выгоды, стали также спекулировать древностями. Такое огульное разграбленіе горы обратило, наконецъ, вниманіе владѣльца помѣщика Мандрыки. Возникло дѣло, и въ концѣ концовъ крестьяне должны были возвратить полученныя за древности деньги. Такой исходъ однако не остановилъ крестьянъ. Гора оставалась безъ всякаго присмотра и крестьяне, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, продолжали работать на горѣ. Лѣтомъ этого года всегда можно было видѣть двѣ-три фигуры, усердно копающіяся на горѣ; при видѣ кого нибудь вызывающаго подозрѣнія, фигуры эти прятались въ прилежащихъ оврагахъ и выходили лишь по минованіи опасности. Кромѣ того, бока горы крестьяне арендуютъ подъ баштаны, это также даетъ возможность эксплуатировать гору. Сбывали древности крестьяне по большей части уже непосредственно сами кіевскимъ собирателямъ. Не забылъ ихъ также и еврей, но крестьяне продавали ему вещи неохотно и поэтому онъ избралъ особый способъ покупки древностей — «якъ десятныкъ» ходилъ изъ хаты въ хату, спрашивалъ о древностяхъ и если находилъ что нибудь, то уже не отставалъ; крестьяне говорили, что отдавали вещи по самой дешевой цѣнѣ, лишь бы только отвязаться отъ него.

Въ настоящее время Княжа Гора почти вся изрыта, на верхней площадкѣ ея нѣтъ почти аршина нетронутой поверхности. Можно, конечно, представить себѣ какимъ образомъ производились раскопки этими импровизированными археологами—копали гдѣ и какъ попало. Болѣе сохранились крутые бока горы, но и то лишь вслѣдствіе того,

что тамъ находки встрѣчались гораздо рѣже, отлогая же подошва горы, гдѣ баштаны, также пострадала. Чтобы начать теперь правильныя раскопки нужно сначала затратить много труда на расчистку поверхности горы и такимъ образомъ привесть ее хотя приблизительно въ нормальный видъ.

Вслѣдствіе такой несистематической разработки, производившейся разными лицами, добытые памятники старины, которые въ совокупности дали бы наглядную и полную картину культуры того времени, разошлись по рукамъ, попали въ разныя мѣста, даже можетъ быть многое уже погибло для науки. Самыя лучшія вещи забраны евреемъ и мы не знаемъ гдѣ онѣ находятся, между ними были, по разсказамъ крестьянъ, образки или медальоны, украшенные перегородчатой эмалью, вѣроятно, подобные изрѣдка находимымъ въ Кіевѣ. Предметы, поступившіе въ Кіевъ, находятся въ университетскомъ музеѣ и затѣмъ въ собраніяхъ древностей Леопардова, Хойновскаго и немногіе въ нашемъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что хорошій подборъ древнихъ крестовъ и образковъ пріобрѣтенъ г. Челищевымъ изъ Петербурга, небольшая партія древностей отправлена въ Краковъ.

Изъ массы найденныхъ на горѣ вещей выдѣляется по своему обилію группа предметовъ религіозныхъ. Складные мѣдные кресты-энколпіоны занимаютъ первое мѣсто. Ихъ найдено очень много, вѣроятно, нѣсколько сотенъ. Попадаются они разной величины, въ большинствѣ случаевъ только по одной половинкѣ, хотя встрѣчаются и цѣлые. Между послѣдними обращаетъ на себя вниманіе энколпіонъ, пріобрѣтенный г. Хойновскимъ; особенность его состоитъ въ томъ, что ушко, въ которое продѣвался шнурокъ, взято изъ другого креста, несомнѣнно болѣе древняго, оно густо позолочено и украшено разноцвѣтной эмалью. Самый крестъ отличается работой отъ всѣхъ другихъ, найденныхъ на горѣ. Изображенія на лицевой сторонѣ Іисуса Христа, а на оборотной Божіей Матери не литыя, а сдѣланы рѣзцомъ, кромѣ того, фигура Божіей Матери вырѣзана на серебрѣ. Надписи сдѣланы вглубь; надъ изображеніемъ Іисуса Христа помѣщена надпись: Царь Славы. Крестъ найденъ вполнѣ цѣлымъ; по вскрытіи его оказалось, что между двумя половинками находятся мощи, завернутые въ полуистлѣвшую матерію. Такимъ образомъ этимъ крестомъ объясняется назначеніе энколпіоновъ.

Гораздо меньше найдено небольшихъ крестиковъ-тѣльниковъ, между ними есть и серебряные. Еще рѣже попадались каменные

крестики, въ особенности такъ называемые корсунскіе, т. е. каменные съ металлическими обложками. Кромѣ крестовъ, найдено нѣсколько древнихъ образковъ изъ мѣди, камня и кости, нужно замѣтить, что въ другихъ мѣстахъ находки такихъ образковъ очень рѣдки [1]).

Большое число найденныхъ на горѣ крестовъ и образковъ указываетъ на то, что христіанство пустило глубокіе корни между населеніемъ этой мѣстности, чего, конечно, не могло быть ни во время лѣтописнаго извѣстія о Роднѣ, ни въ ближайшее къ тому время. Слѣдовательно, памятники эти относятся ко времени гораздо болѣе *позднему*. Кромѣ того, количество вообще находимыхъ предметовъ даетъ возможность допустить *большую населенность* поселка.

Большинство золотыхъ и серебряныхъ украшеній также неизвѣстно куда поступили. Между находящимися въ Кіевѣ есть прежде всего золотая головная повязка, составленная изъ продолговатыхъ полуцилиндриковъ (у г. Хойновскаго), такая же повязка, только серебряная, находится въ университетскомъ музеѣ. Затѣмъ большой подборъ шейныхъ гривенъ или обручей; онѣ сдѣланы изъ серебра въ видѣ круглой толстой проволоки, свернутой спиралью пластинки, переплетенныхъ тонкихъ проволокъ и даже есть кусокъ янтарной гривны (въ унив. музеѣ). Къ гривнамъ приближаются куски проволоки съ однимъ концомъ густо завернутымъ плоской спиралью; назначеніе ихъ трудно объяснить (унив. музей). Золотыя и серебряныя серьги, большей частью кіевскаго типа, т. е. состоящія изъ большого кольца съ тремя шипами или шариками на немъ; есть также въ видѣ бусы изъ сложенныхъ основаніями конусовъ, надѣтой на кольцо. Рѣже встрѣчаются серьги съ каменьями, какъ напр. изумрудомъ. Кромѣ этихъ художественно сдѣланныхъ серегъ находятъ гораздо болѣе простыхъ изъ гладкой золотой или серебряной проволоки. Очень разнообразны браслеты—золотые, серебряные, мѣдные и стеклянные, начиная очень изящными чеканными, кончая простыми стеклянными; куски послѣднихъ находятся въ большомъ изобиліи. Перстней найдено немного, мы знаемъ одинъ серебряный съ сердоликомъ, другой мѣдный позолоченный, на щиткѣ его чернью сдѣланъ сложный крестъ. Колецъ изъ гладкой и спиральной проволоки есть до-

---

[1]) Образцы найденныхъ на Княжей Горѣ крестовъ можно найти въ недавно вышедшемъ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ". Вып. I. Сост. Н. Леопардовъ и Н. Черневъ.

вольно много. Особенно разнообразны бусы—онѣ встрѣчаются бронзовыя, костяныя, стеклянныя съ позолотой и узорчатыя, сердоликовыя, изъ разныхъ другихъ камней, янтаря и т. п.

Вѣроятно, между обитательницами горы страсть къ нарядамъ была сильно развита. Роскошь и богатство находимыхъ украшеній даютъ поводъ считать между жителями также людей *знатныхъ* и *богатыхъ*, можетъ быть даже изъ *княжескаго рода*; названіе горы отчасти намекаетъ на это.

Изъ другихъ принадлежностей костюма очень часто попадаются мѣдныя пуговицы въ видѣ бубенчиковъ и шариковъ съ ушками. Далѣе очень интересны двѣ овальныя серебряныя пластинки съ остатками орнамента, онѣ могли служить запоною для плаща (въ унив. музеѣ). Въ составъ туалетныхъ вещей входятъ также круглыя металлическія зеркала, сдѣланы онѣ, вѣроятно, изъ сплава мѣди, олова и серебра; одна сторона ихъ гладко отполирована, другая орнаментирована, держалось зеркало на шнуркѣ, который продѣвался въ ушко, помѣщенное въ центрѣ; величина зеркалъ различна—отъ одного до трехъ и болѣе вершковъ въ діаметрѣ. Попадается кромѣ того безчисленное множество разныхъ пряжекъ, колецъ, украшеній отъ поясовъ и т. п

Доказательствомъ присутствія на горѣ *построекъ* служатъ часто находимыя петли, пробои, замки, на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны очевидные слѣды огня; замки и ключи къ нимъ отличаются оригинальной формой и устройствомъ.

Что Княжа Гора или скорѣе поселокъ возлѣ нея былъ заселенъ *земледѣльцами*, на это указываютъ во множествѣ находимые серпы, косы, кирки, отличающіеся отъ современныхъ. Изъ другихъ предметовъ, употреблявшихся въ хозяйствѣ и ремеслахъ, отмѣтимъ: топоры, молотки, пилы, долота, шила, бруски и т. п. Посуда съ Княжей Горы отличается хорошей выдѣлкой; при насъ найдены четыре горшка, они по формѣ мало разнятся отъ простыхъ теперешнихъ, только немного повыше—«стовбоваты», какъ опредѣляли пекарскія крестьянки.

Для *рыбной ловли* служили желѣзные крючья, предназначавшіеся для крупной рыбы.

Кромѣ мирныхъ занятій, *война*, быть можетъ по неволѣ, играла не послѣднюю роль въ жизни обитателей горы. Многочисленные желѣзные наконечники стрѣлъ разнообразнѣйшихъ формъ, желѣзные дротики и копья свидѣтельствуютъ объ этомъ. Воины были не

только пѣшіе, но и конные, такъ какъ на горѣ находятъ большія шпоры въ видѣ острія и украшенія отъ сбруи.

Торговля также была въ ходу на горѣ—тамъ часто встрѣчаются мѣдныя чашки отъ вѣсовъ, цѣпочки, на которыхъ прикрѣплялись чашки къ коромыслу, и разновѣски. Подборъ такого рода вещей находится въ унив. музеѣ; здѣсь очень интересна мѣдная разновѣска въ видѣ небольшаго цилиндрика съ скошенными боками, на верхней сторонѣ четырьмя точками обозначается вѣсъ ея. По своей рѣдкости и значенію для нашей древней метрологіи она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Монетными знаками служили серебряные шестиугольные слитки, такъ называемыя гривны кіевскаго типа; нѣсколько штукъ ихъ найдено какъ на горѣ, такъ и у ея подошвы.—Загадку представляютъ часто находимыя миніатюрныя изображенія кинжаловъ, сдѣланныя изъ мѣди, въ 2—3 снтм. длины. Въ срединѣ лезвія всегда проверчена дырочка. Можетъ быть, онѣ служили *амулетами* и носились на груди.

Мы здѣсь не перечисляемъ массы разнообразныхъ вещичекъ, какъ цѣлыхъ, такъ и поломанныхъ, тысячи которыхъ разошлись по разнымъ собраніямъ. Какъ ни незначительны онѣ сравнительно съ другими, вышеперечисленными предметами, однако на каждой изъ нихъ сохранился отпечатокъ своего вѣка, и какъ дополненіе къ главнымъ находкамъ, онѣ въ общемъ даютъ понятіе о давнопрошедшей жизни даже въ мелочахъ.

Какое было бы громадное собраніе, характеризующее разнообразныя стороны быта нашихъ предковъ, еслибы всѣ сокровища Княжей Горы были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ! А этого можно было достигнуть, слѣдовало лишь немного внимательнѣе отнестись къ начинавшемуся разграбленію горы.

Но долго еще наши памятники старины будутъ предоставлены сами себѣ, очень ужъ слабо развитъ интересъ къ нимъ въ нашемъ обществѣ, нѣтъ почти никакого надзора и охраны ихъ и только у насъ могло произойти на глазахъ у всѣхъ такое дѣло, какъ варварская эксплоатація богатствъ Княжей Горы.

Закончимъ нашу замѣтку отрадной новостью: въ настоящее время Княжа Гора поступила во владѣніе извѣстнаго собирателя южно-русской старины В. В. Тарновскаго; имъ уже принимаются

мѣры къ пресѣченію самовольныхъ раскопокъ крестьянъ и съ весны будущаго года предполагается приступить къ правильнымъ, систематическимъ раскопкамъ.

Въ добрый часъ!

Н. Бѣляшевскій.

Лубочныя картинки на малорусскія темы. Лубочныя картинки съ малорусскимъ содержаніемъ, какъ и большинство произведеній этого типа,—продукты московскаго «Никольскаго» рынка. Московская лубочная литература считаетъ уже два вѣка своей исторіи, но малорусскія темы начала она эксплуатировать, кажется, очень недавно. По крайней мѣрѣ Снѣгиревъ («Лубочныя картинки въ московск. мірѣ». Издан. 1861 года) совершенно не упоминаетъ о подобныхъ картинкахъ. Изъ собранныхъ мною самая ранняя картинка относится къ 1879 году. Тѣмъ не менѣе эти произведенія успѣли уже распространиться во всю ширь того района, который посѣщается владимірскимъ ходебщикомъ или офеней. Лично мнѣ приходилось находить картинки съ малорусскими сюжетами на далекомъ востокѣ Европейской Россіи—въ вятской и астраханской губерніяхъ, а г. Астыревъ («Очерки быта населенія восточной Сибири» Русск. Мысль 1890 г. № 8, стр. 21—40) встрѣчалъ ихъ въ восточной Сибири. Трудно узнать тѣ мотивы, которыми руководятся ходебщики, разнося малорусскія картинки среди великорусскаго и инородческаго простонародья, а населеніе, пріобрѣтая ихъ для украшенія стѣнъ своего жилья. Во всякомъ случаѣ, едва ли здѣсь имѣютъ особенное значеніе малорусскіе сюжеты,—скорѣе распространеніе ихъ идетъ вслѣдствіе внѣшнихъ достоинствъ, какъ окраска картинокъ, занимательность сюжета и т. п. Но здѣсь важенъ самый фактъ, что простонародныя картинки съ малорусскимъ содержаніемъ распространяются среди великорусскаго населенія, на что указываетъ и появленіе въ теченіи 2—3 лѣтъ повторныхъ изданій. Если для этнографіи важно знать и отмѣчать вообще тѣ пути, какими простонародье получаетъ свѣдѣнія и образуетъ представленіе о народностяхъ, не стоящихъ съ нимъ въ близкомъ непосредственномъ соприкосновеніи по жизни, то лубочныхъ картинокъ ни въ какомъ случаѣ нельзя оставить въ сторонѣ.

При крайней бѣдности у насъ народной книжной литературы, при полнѣйшемъ отсутствіи въ ней книжекъ народоописательнаго

содержанія, лубочныя картинки являются основнымъ источникомъ, черезъ который, напр., великорусское и инородческое простонародье узнаетъ о малороссахъ, ихъ жизни, характерѣ и пр. Картинки съ малорусскимъ содержаніемъ, прибитыя къ стѣнѣ жилья, и самыми рисунками, а иногда и текстомъ, отпечатаннымъ на нихъ, воспитываютъ въ населеніи представленіе о хохлахъ и составляютъ живую литературу народа. Какія свѣдѣнія о малороссахъ распространяютъ Сытинъ и К° путемъ картинокъ, какія стороны жизни ихъ иллюстрируютъ,—съ этимъ можно ознакомиться изъ содержанія картинокъ. Нельзя сказать, чтобы лубочныя картинки на малорусскія темы были особенно разнообразны по сюжетамъ,—скорѣе онѣ страдаютъ бѣдностью, однообразіемъ, и нерѣдко одну и туже тему онѣ варьируютъ путемъ измѣненія въ деталяхъ на разные лады. Изъ 17-ти экземпляровъ, которые я имѣю въ настоящее время въ своемъ распоряженіи, двѣ картинки представляютъ повторныя изданія, впрочемъ, со значительными измѣненіями въ рисункахъ, а одна—есть лишь видоизмѣненіе прежде изданной подъ другимъ заглавіемъ и съ частичною перемѣною въ рисункѣ. Малорусскія картинки составляютъ изданіе Сытина (7 картинокъ), затѣмъ М. Т. Соловьева, В. Васильева, А. и Ѳ. В. Морозовыхъ. Все это хромолитографія—произведенія послѣдняго десятилѣтія: ранняя—изданіе 1879 года, затѣмъ *дѣвъ*—1884 г., *шесть*—1885, *четыре*—1886, *одна*—1887 и *три* 1888. Съ технической стороны, при цѣнности отъ 2 до 5 коп. за экземпляръ, малорусскія картинки вообще недурно исполнены, что составляетъ пріятное отличіе этихъ картинокъ среди лубочной мазни. Въ отдѣльныхъ случаяхъ и сюжеты рисунковъ выбраны удачно и выполнены не безъ этнографической правды: я объясняю это тѣмъ обстоятельствомъ, что малорусскіе рисунки, появившись въ самое послѣднее время, имѣли своими творцами представителей интеллигенціи, какими въ настоящее время располагаетъ и московскій лубочный рынокъ. Неудачныя картинки на малорусскія темы, безталанныя по содержанію, уродливыя по исполненію, безграмотныя по тексту—во всякомъ случаѣ являются въ меньшинствѣ, и даже какъ исключенія. Интересно, что позднѣйшія повторныя изданія и по комбинаціи рисунковъ, и по техникѣ хромолитографіи представляютъ яркія улучшенія, сравнительно съ болѣе ранними изданіями. По содержанію малорусскія картинки могутъ быть подведены подъ три категоріи: *рисунки на историко-литературныя темы, картинки съ бытовымъ содержаніемъ и картинки жанровыя или юмористическія.*

Къ первой категоріи относятся слѣдующія картинки: 1) «Гетманъ Богданъ Хмельницкій объявляетъ о присоединеніи Малороссіи къ Россіи на общей радѣ въ Переяславѣ въ 1654 году»; 2) «Встрѣча Тараса съ сыновьями», 3) «Тарасъ Бульба» (въ двухъ изданіяхъ) и 4) «1709 г. Полтава». Какъ показываетъ самое заглавіе, три послѣднія картинки составляютъ своего рода иллюстрацію къ поэмамъ съ южно-русскимъ содержаніемъ: «Тарасъ Бульба» Гоголя и «Полтава» Пушкина, изъ которыхъ текстъ и процитированъ на самыхъ картинкахъ. Интересно, что картинка «Тарасъ Бульба» имѣется въ двухъ изданіяхъ—1886 и 1888 годовъ и, представляя собою изданія одной фирмы В. Васильева, онѣ не имѣютъ между собой полной тождественности: въ послѣднемъ изданіи взято нѣсколько новыхъ моментовъ изъ поэмы для иллюстраціи и общіе въ обѣихъ картинкахъ моменты въ послѣдней иллюстрированы своеобразно, и главное, съ большею правдою со стороны этнографіи, какъ по отношенію малороссовъ, такъ и поляковъ и татаръ. Кромѣ того, въ картинкахъ 1888 года рисунки отчетливѣе и самая хромолитографія чище и ярче. Но между картинками историческаго содержанія наиболѣе эффектовъ и по краскамъ хромолитографіи, и по концепціи рисунка, представляетъ картинка «Гетманъ Богданъ Хмельницкій», изд. А. В. Морозова.

Между картинками съ бытовыми сюжетами лучшія по исполненію: 1) «Иди, хлопецъ, не бойся» и 2) «Ну, Оксана, впередъ»—картинки совершенно однородныя по сюжету: малороссіянка (въ праздничномъ нарядѣ) съ граблями на плечахъ, переводитъ по «кладкѣ» черезъ рѣку—въ первой—мальчика, и во второй дѣвочку. Мало общаго съ аляповатыми произведеніями вообще московскихъ литографій имѣютъ и другія картинки этого типа: 3) «Постой, постой, молодица; дай молодцу напиться, а я тебѣ помогу, коромысло подержу», на которой изображена группа изъ дѣвушки малороссіянки, стараго чумака и косаря—парубка. 4) «Я сама ли твоему горю помогу, черезъ рѣченьку сама перевезу». Здѣсь малороссіянка-дѣвушка перевозитъ на лодкѣ старика охотника съ собакой. 5) «Праздникъ въ Малороссіи»—картинка представляетъ двѣ группы: «дивчатъ» на берегу у костра и «парубковъ» въ лодкѣ у берега. 6) «Ахъ, зачѣмъ приворожила, коль я душе твоей не милъ», написанная, несмотря на текстъ, на малорусскую тему: парубокъ-косарь наклонился надъ изголовьемъ «дивчины», которая въ солнечный день, истомившись, заснула за прялкой на «примосци» у хаты (или вѣрнѣе избы великорусской). Всѣ послѣднія 6 картинъ вышли изъ литографіи Сытина.

Близка къ нимъ и картинка изъ литографіи О. В. Морозова, наболѣе ранняя изъ описанныхъ картинокъ (1879 г.) 1) «Прощаніе косаря» съ неграмотными словами къ ней «скажи мнѣ еще одно слово! сказалъ косарь и взглянулъ на пылающее лицо *девицы,—сверкающій* огонь пробѣжалъ по жиламъ отъ этого взгляда».

Въ описанныхъ картинкахъ, помимо недурной литографіи, нѣтъ рѣзкихъ погрѣшностей и противъ этнографической правды: видно, что творцы рисунковъ или сами южноруссы, или же знакомы съ рисунками на малороссійскіе сюжеты. Но вотъ 8-ая изъ бытовыхъ картинокъ—«Прощальная пѣсня» изд. литогр. М. Т. Соловьева представляетъ уже образецъ фантазіи художника московскаго рынка: дѣвушка южнорусскаго типа нарисована въ корсеткѣ и плахтѣ и обстановка картинки малорусская—огородъ съ цвѣтами и дынями, вдали виднѣются пирамидальные тополи; но герой картины, долженствующій представлять изъ себя парубка-новобранца,—не то городской кучеръ, не то фабричный гуляка, въ соломенной шляпѣ съ лентами, съ сопѣлкой въ рукахъ, одѣтъ въ плисовую поддевку, красную рубашку съ отложными воротничками и въ сапоги буракомъ. Текстъ подъ картинкой («Съ тобой, моя милая, сижу послѣдній часъ и въ очи твои ясныя гляжу послѣдній разъ» и т. д.) тоже своего рода шедѣвръ лубочной поэзіи.

Лубочная литература въ описанныхъ восьми образцахъ дала рисунки главнымъ образомъ изъ бытовой обстановки малороссовъ, и только отчасти коснулась внутренняго міра ихъ въ видѣ любовныхъ сценъ, — напротивъ, слѣдующая группа лубочныхъ картинокъ — картинки жанровыя—касается нравовъ малороссовъ по преимуществу и ихъ внутренней жизни. Темами для этого послужили такъ называемыя ходячія мнѣнія о простоватости «хохла», о бойкости «хохлушки» и ея семейномъ главенствѣ, о чародѣйныхъ силахъ запорожца, объ эротическихъ похожденіяхъ черта и т. п. Это наиболѣе важныя по этнографическому интересу картинки съ малорусскимъ содержаніемъ; къ сожалѣнію всѣ онѣ отмѣчены балаганнымъ пошибомъ (чѣмъ уродливѣе и глупѣе,—тѣмъ больше смѣха). Сюда относятся картинки: «Женатый чертъ», «Малороссійская пѣсня» (въ двухъ варіяціяхъ) и «Ведры-сапоги». Содержаніе картинки «Женатый чертъ» удобнѣе передать по стихотворному тексту ея: «Часто люди слышатъ про жену и мужа: «эхъ, моя бабенка черта даже хуже»! Услышавъ объ этомъ, чертъ и женился. Но скоро отъ жены (польки) «бѣжать пустился чертъ, что было духу, глядь хохолъ уперся прямо ему въ брюхо.—

«Ты куда?—Отъ жинки.—«Вотъ я, братъ, тоже». Подѣлились горемъ, сдружились и заключили условіе: чертъ бабенокъ началъ бѣсновать, а хохолъ—Гаврила лечить ихъ и загребать гроши лопатой и бражничать. Позвали Гаврила разъ какъ то къ дочери пана изгнать бѣса, но чертъ уперся; панъ хохла «на пенья», тотъ какъ крикнетъ звонко: «чертъ, къ тебѣ вернулась снова твоя жонка»! Чертъ не взвидѣлъ свѣта, съ горя чуть не падалъ—и во всѣ лопатки вдругъ задалъ». Эта тема о влюбчивости черта, о связи хохла съ чертомъ разрабатывается въ формѣ шести аляповато—каррикатурныхъ картинокъ.

Двѣ картинки на слова малороссійской пѣсни: «Била жинка мужика, за чуприну взявши», рисуютъ одинъ и тотъ же сюжетъ; представляя сходство въ заглавіи, текстѣ пѣсни и въ издат. фирмѣ (М. Т. Соловьева), разнятся въ самомъ рисункѣ, и нужно сказать, что послѣдняя редакція (1887 г.) несравненно лучше и по концепціи рисунка, и по правдивости этнографической въ лицахъ, одеждѣ и обстановкѣ, чѣмъ первая (1885 г.), гдѣ, напр., жена нарисована въ плахтѣ, а мужъ—въ оранжевой блузѣ.

Наконецъ, послѣдняя—«Ведры-сапоги», напечатанная въ литографіи того же М. Т. Соловьева (1886 г.) представляетъ группу изъ пьянаго хохла—мужа, жены его въ великорусскомъ посконномъ сарафанѣ и на палатяхъ—солдата, и все это—въ избѣ великорусскаго типа, едва-ли даже не курной. Тема рисунка, какъ хохолъ съ пьяна, подъ убѣжденіемъ жены, принимаетъ солдатскіе сапоги за ведра,—разсказана въ стихахъ, достоинство которыхъ видно изъ послѣдняго стиха: «И развелъ хохолъ руками: я ужъ прожилъ тридцать ѣлтъ. Но не видѣлъ такихъ *ведровъ*, такихъ *ведровъ* вовсе нѣтъ»!

Ир. Ж.

О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому: (По поводу книги; Der byzantische Zellenschmelz, von Iohannes Schulz Pfarrer. Franfurt a M. 1890). Графъ И. И. Толстой, въ своемъ нумизматическомъ опытѣ «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго, С.-Петербургъ, 1882», описываетъ три типа монетъ Ярослава I. На монетахъ перваго типа на одной сторонѣ изображенъ святой въ нимбѣ съ длиннымъ крестомъ въ правой рукѣ и круговою надписью *Геіос* вмѣсто *Георгіос*, а на другой—изображена

хоругвь [1]). Ко второму типу отнесены монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ великаго князя съ длиннымъ крестомъ въ правой рукѣ и въ нимбѣ и надписями справа *Игир*, а слѣва *Геюр*, а на оборотной сторонѣ, по бокамъ хоругви, справа *идри* или *иди+ь*, а слѣва—*Гюрги* или *Геюр* [2]). Къ третьему типу принадлежатъ монеты съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ св. Георгія Побѣдоносца, съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой и съ круговою надписью о Γεωργιος, а на обратной сторонѣ—«Ярославле сребро. амин» [3]). Принадлежность этихъ монетъ Ярославу Мудрому, при архаическомъ ихъ характерѣ и славяно-русскихъ надписяхъ, утверждалась главнымъ образомъ на словахъ *«Ярославле сребро»* и на имени св. Георгія, которое носилъ Ярославъ I во св. крещеніи.

Н. П. Черневъ въ своихъ «Замѣткахъ о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, С.-Петербургъ, 1888», говоритъ, что, по его мнѣнію, въ надписяхъ на сребренникахъ двухъ первыхъ типовъ такъ называемыхъ Ярославовыхъ монетъ нѣтъ никакой возможности прочесть имя Георгія безъ сильныхъ натяжекъ, да и нѣтъ въ томъ необходимости, ибо на нихъ легко и ясно читается другое имя Петръ, въ греческой и славяно-русской формѣ, т. е. Πέτρος, *Петар* или *Петьр*. Нужно только читать эту надпись вертикально, сверху внизъ, а не сбоку, какъ читали прежде. Г. Черневъ приписываетъ эти монеты черниговскому княжеству. Что же касается монетъ третьяго типа, съ надписью «Ярославле сребро», то онѣ дѣйствительно могутъ принадлежать Ярославу, хотя, можетъ быть, чеканены и не въ Кіевѣ [4]).

Но, прочитавъ на Ярославовыхъ монетахъ первыхъ двухъ типовъ имя Петръ, г. Черневъ не объяснилъ другихъ надписей на этихъ монетахъ *игир*, *идри* и т. п., хотя однако же проложилъ путь къ прочтенію и объясненію ихъ. Заинтересовавшись изображеніемъ св. Петра на разсматриваемыхъ монетахъ перваго и втораго типа, онъ старался разыскать, откуда взято это монетное изображеніе св. Петра съ крестомъ въ рукѣ. Г. Черневъ нашелъ мѣдную монету крестоносцевъ, съ именемъ Танкреда, на которой тоже изображенъ св. Петръ.

---

[1]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго", 1882 года, стр. 55 и 56 и таблиц. 3 и 4, № 17.

[2]) Тамъ же, стр. 57 и 58 и таблиц. 3 и 4, №№ 18—20, и табл. 9, № 12.

[3]) Тамъ же, стр. 60—62 и таблиц. 13, №№ 1—6.

[4]) „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ" Н. Чернева, С.-Петербургъ, 1888 г. стр. 41—44, 65, 74 и 75.

Но монеты крестоносцевъ едва ли могли имѣть непосредственное отношеніе къ русской землѣ и древнимъ ея монетамъ.

Будучи посвященъ въ изысканія г. Чернева, я тоже съ своей стороны искалъ подходящихъ изображеній св. Петра, которыя бы можно было признать прототипомъ изображенія его на древнихъ русскихъ монетахъ. Среди этихъ поисковъ, я получилъ отъ А. В. Звенигородскаго изданную имъ заграницей книгу «Der byzantische Zellenschmelz von Iohannes Schulz Pfarrer». Къ книгѣ приложены снимки съ византійскихъ перегородчатыхъ эмалей, преимущественно изъ собранія Звенигородскаго, между которыми есть изображеніе св. апостола Петра, держащаго въ лѣвой рукѣ διχανίκιον съ крестомъ наверху, съ вертикальною надписью по сторонамъ: на правой ὁ ἅγιος, а на лѣвой Πέτρος. Разница между монетнымъ изображеніемъ и надписью и соотвѣтствующими на византійской эмали состоитъ въ томъ, что на монетѣ апостолъ Петръ держитъ крестъ въ правой рукѣ и надпись Πέτρος находится на правой, а не на лѣвой сторонѣ апостола. Но разница эта очень просто и легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣзчикъ, вырѣзывавшій штемпель для монеты, сдѣлалъ неумѣлый переводъ съ имѣвшагося у него подъ руками подлинника и вырѣзалъ надпись не отъ правой руки къ лѣвой, какъ бы слѣдовало и какъ это дѣлается, напр., при вырѣзкѣ печатей, а отъ лѣвой къ правой, вырѣзавъ такимъ же порядкомъ и самое изображеніе. Вслѣдствіе этого, изображеніе и надпись на монетѣ отчеканились въ обратномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, на монетѣ изображенъ св. апостолъ Петръ и, вѣроятно, съ какой нибудь византійско-русской эмали; а такихъ эмалей въ древней Россіи было не мало, какъ это видно уже изъ однѣхъ находокъ въ Кіевѣ. Διχανίκιον въ лѣвой рукѣ апостола, похожій нѣсколько на скипетръ, съ крестомъ вверху, вѣроятно явился подъ вліяніемъ запада и могъ означать первенствующее положеніе ап. Петра между другими апостолами. Этотъ же διχανίκιον послужилъ прототипомъ для архіерейскаго жезла. Вершина διχανίκιονά, съ крестомъ на верху или безъ него, могла послужить исходнымъ пунктомъ къ развитію изображенія на разсматриваемыхъ монетахъ двурогаго знамени или хоругви, иногда съ крестомъ въ серединѣ или на одномъ рогѣ.

Кромѣ изображенія св. апостола Петра, между эмалями г. Звенигородскаго есть изображенія и великомученика Георгія, встрѣчаемое и на Ярославовыхъ монетахъ. Но интереснѣе всего то, что

на монетахъ приписывавшихся Ярославу I, при сравненіи ихъ съ эмалями Звенигородскаго, открывается теперь имя *Димитрій*, параллельное надписи на эмалевомъ изображеніи св. великомученика Димитрія на одной изъ этихъ эмалей. Нужно только читать на монетахъ это имя отъ правой руки къ лѣвой, и притомъ сначала на лѣвой сторонѣ монетнаго изображенія, а потомъ уже и на правой. Полнѣе и отчетливѣе всего эта надпись съ именемъ Димитрія читается въ книгѣ графа И. И. Толстаго на таблицѣ 9, № 12, и на таблицѣ 4, №№ 20 и 18, при чемъ нужно замѣтить, что буквы на правой сторонѣ монетнаго изображенія стоятъ вверхъ ногами.

Но этимъ неправильнымъ переводомъ съ оригинала не ограничивалось копированіе на древнихъ русскихъ монетахъ. Иногда и самый этотъ переводъ или копія воспроизводились новымъ, позднѣйшимъ рѣзчикомъ, но тоже неумѣло, и потому являлась новая, еще болѣе искаженная варіація надписи, какъ напр. у Толстаго на таблицѣ 4, № 19, представляющая неумѣлую копію съ перевода на таблицѣ 9, № 12. Отъ имени Димитрія произошли всѣ непонятныя доселѣ слова *имир*, *идри* и т. п.

Предоставляя обслѣдовать подробности спеціалистамъ—нумизматамъ, мы ограничимся только общими выводами изъ данныхъ фактовъ, которые можно свести къ слѣдующимъ: 1) въ кругъ изслѣдованія о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ нужно ввести и изслѣдованіе византійско-русскихъ перегородчатыхъ эмалей, которыя, какъ оказывается, имѣютъ пункты соприкосновенія съ монетами; 2) русскіе древніе монетчики нерѣдко копировали съ подлинниковъ изображенія и надписи неумѣло, неправильно, вслѣдствіе чего изображенія и надписи на древнихъ монетахъ выходили въ обратномъ порядкѣ, и надписи, поэтому, становились неудобными для чтенія и теряли свой смыслъ; 3) позднѣйшіе монетчики дѣлали иногда переводы уже съ копій и еще болѣе искажали надписи; 4) опредѣленіе способовъ воспроизведенія монетчиками изображеній и надписей на монетахъ даетъ ключъ къ прочтенію и уразумѣнію надписей; 5) опредѣленіе первичныхъ переводовъ съ оригинала и вторичныхъ копій съ этихъ переводовъ можетъ содѣйствовать установленію хронологической послѣдовательности появленія извѣстныхъ монетныхъ типовъ; 6) съ указанныхъ точекъ зрѣнія требуется новый, тщательный пересмотръ всѣхъ извѣстныхъ и изданныхъ доселѣ древнѣйшихъ русскихъ монетъ, особено съ непонятными надписями.

Н. Петровъ.

Двѣ грамоты митрополитовъ кіевскихъ Самуила Мисловскаго (1783—1796 гг.) и Іероѳея Малицкаго (1796—1799 гг.). Обѣ грамоты даны одному и тому-же лицу, нѣкоему «благоговѣйному мужу» Андрею Базилевскому, котораго митрополитъ Самуилъ посвятилъ въ стихарнаго дьяка, въ 1789 г. а митрополитъ Іероѳей, въ 1797 г. возвелъ въ санъ іеродіакона, при церкви святителя Николая, въ с. Губскомъ лубенскаго уѣзда.

Грамоты эти въ высшей степени интересны въ томъ отношеніи, что онѣ представляютъ собою подробныя инструкціи относительно обязанностей стихарнаго дьяка и іеродіакона и правилъ поведенія въ этихъ званіяхъ.

Исчисливши Базилевскому его обязанности, въ качествѣ стихарнаго дьяка, митрополитъ Самуилъ приказываетъ ему «*быти трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, не піяницѣ, не бійцѣ: но кротку, почтительну ко іерею, свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою, поучати домашнихъ закону Божію, являти имъ себе примѣромъ во храненіи онаго, и упрождняется въ чтеніи Божественнаго писанія и во уразумѣніи силы его и таинъ нельностно*». Митрополитъ же Іероѳей, при посвященіи Базилевскаго въ іеродіакона, повторяетъ наставленія въ томъ же духѣ, прибавляя: «*аще же оный діаконъ начнетъ жити безстрашно, или что неприличное іеродіаконству дѣяти: упиватися, или кощунствовати, или грабежства и хищенія каковымъ-любо правомъ творити, или инако безчинствовати, или о церкви своей будетъ нерадѣти, или самъ Божественнаго писма чтенію и вниманію прильжати не будетъ, запрещеніе іеродіаконства да пріиметъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное, іеродіакономъ подобающее*».

1) Божію милостію смиренный Самуилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и архимандритъ Кіево-Печерскія лавры.

По благодати и власти Всесвятаго и Животворящаго Духа, даннѣй намъ отъ Великаго Архіерея Господа и Бога нашего Іисуса Христа чрезъ святыя Его апостолы, и ихъ намѣстники и преемники, благоговѣйнаго сего мужа Андрея Базилевскаго, первѣе всякимъ опаснымъ истязаніемъ испытавше, паче же по исповѣди отца его духовнаго игумена Веніамина, благословили въ чтеца ко храму Святителя Христова Николая, лубенскаго уѣзда въ село Губское и посвятили въ стіхарь сего 1789 года декабря 9 дня.

Пребывая же ему, Базилевскому, при помянутомъ храмѣ, подобаетъ жити по правиламъ святыхъ Апостолъ и Отецъ, прилѣжати чтенію и пѣнію, хранити благолѣпіе храма Господня, имя Божіе воспоминати и призывати съ благоговѣніемъ, быти трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, не піяницѣ, не бійцѣ: но кротку, почтительну ко іерею, свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою, поучати домашнихъ закону Божію, являти имъ себе примѣромъ во храненіи онаго, и упражднятся въ чтеніи Божественнаго писанія и во уразумѣніи силы его и таинъ нелѣностно: да приуготовитъ себе къ вышшему священничества степени; всемѣрно же удалятися отъ дѣлъ, званію сему неприличныхъ и могущихъ подати взирающымъ на его жизнь соблазнъ: словомъ, во всемъ себе представляти, яко служителя Божія: и ко другимъ церквамъ безъ нашего благословенія отнюдь не приходити.

Извѣстнаго же ради свидѣтельства, яко онъ, Базилевскій, нами въ чтеца къ вышеупомянутой церкви посвященъ, дадеся ему сія граммота, рукою нашею подписанная и печатію утвержденная въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при домѣ нашемъ Софійскомъ, лѣта отъ мірозданія 7 97, воплощенія же Божія Слова 1789, мѣсяца декабря въ 11 день. (М. П.).

2) Божіею милостію смиренный Іероѳей, митрополитъ кіевскій и галицкій и архимандритъ Кіево-Печерскія лавры.

По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, даннѣй намъ отъ Самаго Великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ святыя и священныя Его Апостолы и ихъ намѣстники и преемники, благоговѣйнаго сего мужа, Андрея Базилевскаго, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилѣжно испытавше, и достовѣрными свидѣтельствы о немъ увѣрившеся, къ симъ же вящше извѣстившеся по исповѣди его ко отцу его духовному, игумену Веніамину, судихомъ достойна быти святаго сана іеродіаконскаго. По обычаю же и чину святыя Апостолскія восточныя церкве и по нашему благословенію, содѣйствующу томужде Животворящему и Всесовершающему Святому Духу, рукоположеніемъ посвятихомъ во діакона ко храму Святителя Христова Николая лубенскаго уѣзда въ село Губское сего 1797 года августа 9 дня, и повелѣхомъ ему при божественной литургіи и при иныхъ таинствахъ, совершаемыхъ отъ іерея, и при прочихъ священнодѣйства служеніяхъ и чинѣхъ, служити со страхомъ Божіимъ и многимъ вниманіемъ и говѣніемъ, къ

самаго Господа славѣ, вся приличная діакономъ служенія, по правиламъ святыхъ Апостолъ и опредѣленію богоносныхъ отецъ: по уставу же и чину святыя восточныя Церкве и по нашему Архіерейскому рукоположенію, благословенію же и повелѣнію. Къ сему долженъ діаконъ Андрей Базилевскій повиноватися іерею своему, споспѣшествуя и труждаяся во всемъ во благое. Служеніе же діакона: священныя сосуды къ служенію уготовляти, молитвы о народѣ возносити собственно и народно въ церкви, въ нюже рукоположися и благословися, на амвонѣ чести Евангеліе и апостолская посланія и не сущу іерею, учити люди отъ божественныхъ писаній божественнымъ заповѣдямъ и жителству христіанскаго закона отъ догматъ и толкованій церковныхъ свѣтилъ, богоносныхъ отецъ, вящше же сего ничтоже творити дерзати іереемъ подобающихъ: ниже проскомисати, ниже предъ іереевъ причащатися тѣла и крове Христовы и иныхъ святынь касатися, ниже самому себе самого или инаго кого причастити когда, ниже, присущу іерею, учити, ниже іереа предсѣдати: подобно же имѣти честь и діакономъ отъ подіаконовъ и всѣхъ клириковъ. Отъ храма же, къ немуже Андрей Базилевскій благословенъ есть и у негоже и служити имать, инамо безъ нашего благословенія прейти никакоже да дерзнетъ, по третіему правилу собора антіохійскаго, и двѣма церквами да не обладаетъ, по пятомунадесять правилу седмаго вселенскаго собора, да не святая корчемствуя явится, но единому и томужде престолу выну да предстоитъ въ церкви свободнѣй сущей, а не въ церкви куплею стяжаннѣй, ея же ради тогожде—собора правило третіенадесятъ изверженію предаетъ. Долженъ же онъ, діаконъ Базилевскій, по нашему повелѣнію и по своему обѣту вседушно прилѣжати Божественнаго писанія чтенію и вниманію присно; обучати же себе по Апостолу ко благочестію, трезвѣнію, цѣломудрію, благоговѣнію, и быти честну, страннолюбиву, не піяницѣ, не бійцѣ, не мздоимцу, не сварливу, но кротку, смотреливу, не завистливу, не сребролюбцу, учителну, ни едино ни въ чемже дающу претковеніе, да служеніе нопорочно будетъ, но во всемъ преставляти себе образъ быти благихъ дѣлъ, имущу таинство въ чистой совѣсти и прочыя вся іеродіаконству его подобающыя добродѣтели, яко очесы Божіими назираемъ, тщатися исполняти со вниманіемъ, да будетъ добръ діаконъ, сіе есть служитель Христа Іисуса, питаемь словесы вѣры и добрымъ ученіемъ. Повелѣваемъ же ему и правила, въ регламентѣ, то есть, уставѣ Правительствующаго Духовнаго Сінода пресвитерамъ и діаконамъ уставленныя, прилѣжнѣе и

часто прочитовать и по онымъ исполнять. И аще сице послужитъ, не въ лукавствіи ходя, ниже льстя словесе Божія, но явленіемъ истины представляя себе, и сие служеніе свое извѣстно сотворитъ, и не неправеденъ Богъ забыти дѣло и трудъ его, но вѣрныхъ и мудрыхъ служителей степень добръ себѣ отъ руки Всебогатодавца здѣ пристяжетъ, въ день же страшнаго испытанія Владичня мздовоздаяніе непостыдное воспріиметъ. Аще же оный діаконъ начнетъ жити безстрашно, или что неприличное іеродіаконству дѣяти: упиватися, или кощунствовати, или грабежства и хищенія каковым-либо правомъ творити, или инако безчинствовати, или о церкви своей будетъ нерадѣти, или самъ Божественнаго писанія чтенію и вниманію прилѣжати не будетъ, запрещеніе іеродіаконства да пріиметъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное, іеродіакономъ подобающее. Аще же что содѣетъ возбраняющее іеродіаконству, изверженію сана іеродіаконска да подлежитъ, въ онже часъ оное возбраняющее содѣетъ. Извѣстнаго же ради свидѣтельства, яко отъ насъ сей Андрей Базилевскій на степень іеродіаконства возведенъ, рукоположенъ же и благословенъ, вручися ему сія наша въ типографіи изданная граммата, рукою нашею подписанная и печатію запечатанная, да всякъ вземляй и прочитаяй ю, оное возведеніе и іеродіаконство его свидѣтельствующую, имать его іеродіакона честна и по закону Божію и святыхъ отецъ ученію во всемъ да слушаетъ его Андрея Базилевскаго. Дадеся во градѣ Кіевѣ, при домѣ нашемъ Софійскомъ митрополитанскомъ, лѣта мірозданія ...6, воплощенія же Божія Слова 1797 мѣсяца сентября въ 4 день (М. П).

Н. В. Стороженко.

Замѣтка А. И. Чепы о таможняхъ. (Изъ яготинскаго архива). О пограничныхъ таможняхъ, въ Малороссіи находящихся.

Въ Малой Россіи учреждены двѣ таможни:

1-я. Въ 1754 году васильковская.

Подъ вѣдомствомъ таможеннымъ заставы: межигорская, стайковская, переяславская и секиринская.

2-я. Въ 1774 году (вомѣсто отошедшей въ могилевскую губернію добрянской таможни)—соржетицкая, а подъ ея вѣдѣніемъ каменская застава.

Въ первой, то есть васильковской таможнѣ находится опредѣленной директоръ и цолнеръ, а въ другой смотритель съ цолнеромъ же, въ заставахъ же—межигорской смотритель, а въ прочихъ унтеръцолнеры.

Собираемыя изъ тѣхъ таможенъ и заставъ деньги присылаются въ кіевскую губернскую канцелярію, кромѣ секиринской заставы, изъ которой по присоединеніи оной къ кременчуцкой таможнѣ и деньги въ ту собираются по указу главной надъ таможенными сборами канцеляріи.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Дѣло о волшебствѣ. Во время слѣдствія, производившагося въ 1763 г. надъ прклѣевскимъ сотникомъ Павломъ Завойкой по поводу его злоупотребленій и разнаго рода насилій, совершавшихся имъ надъ козаками, въ числѣ свидѣтелей противъ него явилась козачка Пруска Дѣдичка. Сотникъ, вообще прибѣгавшій за время слѣдствія ко всевозможнымъ изворотамъ, чтобы устранить неудобныхъ для него свидѣтелей, заявилъ на этотъ разъ, что свидѣтельство Дѣдички не можетъ быть принято, такъ какъ она была наказана плетьми за волшебство, и въ доказательство представилъ копію съ указа, даннаго въ 1749 году изъ полковой переяславской канцеляріи сотенному прклѣевскому правленію. Заимствуемъ изъ этого документа ту часть его, которая касается самаго дѣла о волшебствѣ, думая, что въ ней заключаются не лишенныя интереса бытовыя подробности.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской з полковой переяславской канцеляріи содержащомусь сотенное прклѣевское правление атаману городовому Стефану Джулаю. Изстекшаго 748 года октября 9 дня, по вислушаніи и разсмотреніи присланого в полковую здешнюю канцелярію, отъ васъ в сотенномъ прклѣевскомъ правленіи по доношеніямъ тамошнихъ прклѣевскихъ козаковъ жителей мойсѣнскихъ Ивана Велка, Андрея Цимбалистого, Григорія Василиева, Капитона Дѣдика о сворованихъ в онихъ козаковъ пяти лошадяхъ якоби козака прклѣевского жъ Павла Гулиды сномъ Грицкомъ, и о чинимомъ об онихъ лошадяхъ, чтоби онне без взисканія могли остатця, жителкою мойсѣнскою Прускою Гавриліхою Дѣдичкою волшебствѣ следованого и рѣшеного дѣла, якое по тому

здешней полковой канцеляріи разсмотрению явилось не въ надлежащемъ обстоятелствѣ отправленнаго з полковой переяславской канцеляріи к вамъ указомъ веленно... предреченную жителку мойсѣнскую Дѣдичку до прама ль она и по чиему прошенію волшебство в оном дѣлѣ показанное чинила и отъ кого того обучилась и какъ давно и не причинила ль тѣмъ своимъ волшебствомъ кому какого зла и кому именно и гдѣ и по чиему наущению жесточайше роспросить, и что в техъ роспросахъ показанно будетъ в полковую здешную канцелярію представить, и того минувшого 748 года, декабря 22, при доношеніи своемъ з роспросних оной баби Дѣдички рѣчей копию в полковую здешную канцелярию представили. Въ коемъ роспросѣ она, Дѣдичка, таковому своему волшебству чинимому не потаилась, но точию видимо закривая вйность свою, чтоби возможно ей отъ следующого за таково зло наказания избавитись, показала, якоби она, Дѣдичка, не для чего иного какъ токмо по причинѣ той, что онiй Гулида мужа ея Гаврила Дѣдика о повражи в оного Гулиди лошадей воровствомъ опорочилъ и даби она, Дѣдичка, в томъ чию исправность в воровствѣ тѣхъ пяти лошадей могла уведать и тѣмъ Гулиду изобличить и обидимимъ мойсѣнскимъ жителямъ и козакамъ о ихъ лошадяхъ сознатъ ворожила и волшебствовала. Якого де волшебства она, Дѣдичка, нѣ от кого якоби не изобучилась и тѣмъ своимъ волшебствомъ нѣкому нѣкакого зла не учинила, и болше того едного волшебства не знаетъ, и нѣкому не волшебствовала, а понеже, какъ з допроса и роспроса ея явствуетъ, что по прошению козаковъ Гулидъ о сворованих пяти лошадяхъ даби на сторону оних Гулидъ дѣло в сотенномъ правленіи рѣшенно, она, Дѣдичка, ворожила тако: обнаженная на гробовищѣ землю брала и оную Гулиденкамъ для пересипу дорогъ, которими проситель о поворованих лошадяхъ своихъ ходитъ будутъ, тако жъ и воду давала и, тручи порожней макотертъ, говорила, что трется да мнется дай такъ мнется, что признать можно за настоящое волшебство, которое Богу и ея императорскаго величества всемъ указамъ и уставамъ противно, какова зла высочайше ея императорскаго величества укази и права малороссійскіе под страхомъ смертной казни чинить запрѣщаютъ, точно понеже вишеупомянутій резонъ в роспросѣ ея показаній якоби она нѣкогда нѣкому до того не волшебствовала и того зла чинить нѣ отъ кого не изобучалась, и в томъ во всемъ дѣлѣ нѣкимъ не изобличена и впервѣе то зло учинила по причинѣ и по злобѣ той, что прежде того показаній Гулида мужа ея воровствомъ его лошадей билъ опотварилъ и даби

и его, Гулиди, в показанныхъ мойсѣнскихъ козаковъ лошадей воровство подлѣги признать, и тимъ изобличить могла ворожила: того рады сего числа по указу ея императорскаго величества в полковой переяславской канцеляріи согласно приказали: сослать вамъ сей ея императорскаго величества указъ, в которомъ предложить, даби вы часто напоминаемую бабу Дѣдичку за произшедшое отъ ней в противность Богу и ея и. в. указамъ богомерзкое о ворожбитствѣ что следуетъ к волшебству поступки, даби она впредъ того чинить не отважалась, и другие смотря таковимъ злочинцямъ наказание отъ того себе отвращали, вибить публѣчно без пощадѣния розгамы и что она впредь никакихъ волшебствъ чинить не будетъ, крѣпко подъ смертною казнію обовязать подпискою... въ подлѣнномъ подписались: писарь полковій Якимъ Каневскій, полковій канцелярістъ Сергій Сезоновичъ.

(К. ц. арх. Дѣло бывшаго архива губернскаго правленія. Дѣло козаковъ ирклѣевской сотни съ сотникомъ Завойкой).

Сообщ. **В. А. Мякотинъ.**

Колядки. Нѣсколько сообщаемыхъ здѣсь колядокъ, записанныхъ въ с. Молодецкомъ, уманскаго уѣзда, представляютъ варіанты къ извѣстнымъ колядкамъ, изданнымъ П. П. Чубинскимъ (Тр. Э. Э. т. III). Въ нихъ я обращаю вниманіе на припѣвъ послѣ каждаго стиха: «Ой, дай-Боже!» Такой припѣвъ попадается въ массѣ колядокъ и видоизмѣняется иногда такъ: «Гой, дай Боже!» (Тр. Э. Э. III, 299 № 36 А; 301 № 37 В; 313 № 43 А). Этотъ припѣвъ интересенъ тѣмъ, что онъ составляетъ несомнѣнное обращеніе къ Даждь-богу, котораго имя передѣлано въ звательномъ падежѣ въ *Дай-боже*. Въ селѣ Молодецкомъ, какъ, вѣроятно, и во многихъ другихъ селахъ существуетъ еще такой обычай. Послѣ того какъ колядники пропоютъ всѣ свои колядки, *береза* (запѣвало) получаетъ хлѣбъ и деньги и при этомъ читаетъ такую рацею: «А вы, колядныčки, здыймайте шапочки да кричить: *Дай-Боже!*» Колядники поднимаютъ ревоподобный крикъ: *Дай-Боже!* Все это указываетъ на миѳическія воззванія и на то, что имя одного изъ верховныхъ боговъ русскаго Олимпа живетъ еще въ устахъ народа.

Полагая, что варіанты колядокъ будутъ небезъинтересны, я ихъ здѣсь сообщаю.

I.

Ой фалылася била береза своима гилямы передъ дубами.
Ой, дай-Боже!
Ой не фалыся, била березо, своими гилямы передъ дубамы.
Ой, дай-Боже!
Бо не ты жъ ти гиля кохала. *Припѣвъ.*
Кохалы тоби буйныи витри. *Прип.*
Дрибнии дощи. *Прип.*
И въ день и въ ночи повиваючи. *Прип.*
Дрибный дощикъ накрапаючи. *Прип.*
Ой фалылася панна Катя своимы косамы передъ молодцамы. *Прип.*
Ой не фалыся, панно Катё, своимы косамы передъ молодцямы. *Прип.*
Бо не ты жъ ти косы кохала. *Прип.*
Кохала тоби ненька старенька. *Прип.*
То въ день, то въ ночи при ясни свычи. *Прип.*
Що суботоньки вымываючи. *Прип.*
Що недилоньки убираючи.

II.

Ой рано-рано куры запилы.
Ой, дай-Боже!
А щей найраньче панъ Васылько уставъ. *Прип.*
Ой уставъ-уставъ, лучкомъ забразчавъ. *Прип.*
Три свичи ссукавъ. *Прип*
При идны свичи лыченько вмывавъ. *Прип.*
При други свичи коня осидлавъ. *Прип.*
При трети свичи брата позбужавъ. *Прип.*
Вставайте, братя, кони сидлайте. *Прип.*
Форты склыкайте! *Прип.*
Та поидемъ въ чистее поле на полюваня. *Прип.*
Ой тамъ назнавъ я кунку въ деревни. *Прип.*
Панну въ терени (въ тереми?). *Прип.*
А вамъ буде, братя, кунка на шубу. *Прип.*
А мени буде панна до шлюбу. *Прип.*

(Посль каждой почти колядки прибавляютъ слѣдующій стихъ):

За цымъ же словомъ бувай здоровъ!
Ой, дай-Боже!

Грешный (гречный?) молодче—Васыльку-хлопче! *Прип.*
Не самъ съ собою—зъ отцомъ, зъ ненькою. *Прип.*
Зъ усима намы колядныками.

III.

Ой у поли-поли на билымъ коли,
Ой тамъ Марійка пшеныцю жала.
Ой, дай-Боже!
Въ кипки складала;
За нею кипки въ чотыры радки. *Прип.*
Прийшло до неи дванадцять молодцивъ. *Прип.*
Хтятъ ии взяты съ чистого поля, зъ билого коля. *Прип.*
Не берить мене съ чистого поля, зъ билого коля. *Прип.*
Возьмите мене въ батька въ свитлонци. *Прип.*
Въ мои ненъки три стороженъки. *Прип.*
Идна сторожа—батько край стола. *Прип.*
Друга сторожа—ненька у порога. *Прип.*
Третя сторожа—братець (в)воритець. *Прип.*
Батько край стола чашки сповняе. *Прип.*
Маты у порога рушнычки крае. *Прип.*
Братець (у) воритець коня сидлае. *Прип.*

IV.

Пане господару, вставай съ постели, видчиняй двери.
Славенъ, славенъ еси,
Нашъ милый Боже, на небеси.
Застеляй столы—клади калачи зъ ярои пшеныци. *Прип.*
Прийде до тебе ажъ трое гостей—
Вси трое разомъ. *Прип.*
Перший гостонько дрибный дощикъ. *Прип.*
Другий гостонько ясный мисяць. *Прип.*
Третій гостонько—ясне сонце. *Прип.*
Якъ я зійду три разы въ маю,
То зрадуецця жито, жито-пшеныця—всяка пашныця. *Прип.*
Якъ я зійду зъ вечера пизно,
То зрадуецця весь звиръ у поли, вся рыба въ мори. *Прип.*
Чумакъ въ дорози, худоба у вози. *Прип.*
Якъ я зійду въ недилю рано, то зрадуецця старе й мале, криве й слипе.
Прип.

V.

Ой расна-красна калына въ лузи.
Ой, дай-Боже!
По воду йшла, якъ зора зійшла. *Прип.*
Зъ водою йшла, якъ мисяць зійшовъ. *Прип.*
Війшла въ синечкы—синечки сяютъ. *Прип.*
Паны устають—шапкы здіймають. *Прип.*
Ни пытають. *Прип.*
Чы ты царивна, чи короливна. *Прип.*
Я не царивна, не короливна. *Прип.*
Батькова дочка, якъ паняночка. *Прип.*

VI.

Ой зъ Вельгова пана торгова.
Ой, дай-Боже!
Ой тамъ Коля ходывъ.
Ой, дай-Боже!
Конычка водывъ.
Ой, дай-Боже!
До коня говоривъ.
Ой, дай-Боже!
Ой коню, коню, запродамъ тебе
Далеко видъ себе.
Ой, дай-Боже!
За велыку цину, за сто червинцивъ.
Ой, дай-Боже!
Ой пане-пане, не продай мене.
Ой, дай-Боже!
Якъ продасыжь мене, спогадай мене.
Ой, дай-Боже!
Якъ я тебе нисъ черезъ чорный лисъ.
Ой, дай-Боже!
Якъ насъ нагналы туркы-татары.
Ой, дай-Боже!
За намы кули якъ снигъ литалы.
Ой, дай-Боже!
За нами стрилкы землю споролы.
Ой, дай-Боже!

Якъ я скочивъ Дунай перескочивъ.
Ой, дай-Боже!
Копытця, ни стременця не замочивъ.
Ой, дай-Боже!
А ни копытця, а ни стременця,
А ни тебе молодця.
Ой, дай-Боже!

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

ПАВЕЛЪ ПОЛУБОТОКЪ

ПОЛКОВНИКЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ (1705—1724) [1].

Къ портрету.

Павелъ Полуботокъ—типичная личность въ малорусской жизни конца XVII и начала XVIII вѣка. И по устройству своихъ хозяйственныхъ частныхъ дѣлъ, и по выполненію своихъ урядовыхъ обязанностей въ качествѣ виднаго козацкаго старшины онъ въ полномъ смыслѣ слова сынъ своего вѣка.

По происхожденію Павелъ Полуботокъ исконный черниговецъ. Прадѣдъ его Еремей Полуботокъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ Чернигова при возобновленіи этого города въ первой четверти XVII вѣка; къ половинѣ этого вѣка Еремей состоялъ уже райцей города Чернигова, мѣщаниномъ котораго числился. Дѣдъ же Павла, Артемій, вступивъ въ козачество, какъ кажется, выбился въ сотники черниговскаго полка и уже

[1]) Источники предлагаемой статьи: 1) А. М. Лазаревскій. „Павелъ Полуботокъ“ („Рус. Арх.“ 1879 г.) 2) Черниг. лѣтопись по нов. списку (1587—1725 г.), изд. А. М. Лазаревскимъ. Кіевъ. 1890 г. 3) Коломацкія челобитныя, напечатанныя при названной лѣтописи и найденныя г. Лазаревскимъ въ бумагахъ Григ. Авд. Полетики († 1784 г.), недавно пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ. 4) Дневныя записки Якова Марковича. Изд. А. Марковича, Москва. 1859 г. Ч. I. 5) Н. И. Костомаровъ „Павелъ Полуботокъ“ („Рус. Стар.“ 1876 г., кн. III). 6) А. Я. Ефименко „Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова“ („Кіев. Ст.“ 1888 г., кн. X). 7) Соловьевъ С. М. Исторія Россіи, т. XVIII. 8) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Кромѣ того, имѣлись въ виду апокрифическія данныя о Полуботкѣ въ „Исторіи Руссовъ“, приписываемой Георгію Конисскому, а также и изложеніе дѣла Полуботка въ „Исторіи Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго, въ т. III.

съ него родъ Полуботковъ становится „значнымъ родомъ“. На пути этомъ Полуботки еще больше утвердились, благодаря отцу Павла—Леонтію Артемьевичу. Свою служебную карьеру Леонтій Артемьевичъ продѣлалъ при Брюховецкомъ, Многогрѣшномъ, Самойловичѣ и Мазепѣ. При Брюховецкомъ онъ былъ черниговскимъ писаремъ, потомъ въ 1671 году стараніемъ Василія Многогрѣшнаго, тогдашняго черниговскаго полковника, сталъ черниговскимъ сотникомъ, а по избраніи Самойловича въ гетманы попалъ въ генеральный урядъ—сперва въ бунчужные, а далѣе въ есаулы и наконецъ, въ 1685 г., получилъ урядъ переяславскаго полковника; при Мазепѣ онъ сначала былъ лишенъ полковничества вслѣдствіе подозрѣній въ сочувствіи свергнутому Самойловичу, на племянницѣ котораго былъ женатъ его сынъ, Павелъ Полуботокъ, но потомъ возстановленъ на своемъ урядѣ и былъ снова переяславскимъ полковникомъ до 1692 г.; въ этомъ же году былъ Мазепой окончательно лишенъ полковничества, ибо, по словамъ донесенія Мазепы въ Петербургъ, онъ, Леонтій Полуботокъ, „въ Переяславѣ на полковничествѣ обрѣтаясь, промышлялъ о гетманствѣ и желалъ гетману и всѣмъ при немъ будучимъ пагубы и нестроенія въ народѣ“. Лишенный тогда путемъ конфискаціи и части своихъ маетностей, которыхъ за время службы добыто было не мало, Леонтій Полуботокъ сталъ жить частнымъ человѣкомъ, занимаясь хозяйствомъ сперва на земляхъ, вновь скупленныхъ правдами и неправдами у козаковъ, а потомъ на части прежнихъ своихъ маетностей, милостиво возвращенныхъ Мазепой. Умеръ Леонтій Полуботокъ около 1700 г., оставивъ вдову и сына Павла, которому въ это время было уже сорокъ лѣтъ.

Умѣніе устраивать свои дѣла при всякихъ смѣнахъ на высшихъ урядахъ, склонность къ участію въ интригахъ, неразборчивость въ выборѣ средствъ для личной наживы—всѣ эти свойства покладливыхъ и жадныхъ людей, очевидно, были вполнѣ присущи Леонтію Полуботку. Не могли не перейти нѣкоторыя изъ этихъ чертъ и къ его сыну; среда же, въ которой дѣйствовалъ этотъ послѣдній, была вполнѣ благопріятна для культивированія отмѣченныхъ особенностей.

Павелъ Полуботокъ долго не занималъ никакого войсковаго уряда. И до смерти отца, и послѣ онъ былъ всего только безурядным„значнымъ войсковымъ товарищемъ". Вѣроятно, женитьба его на племянницѣ Самойловича отвращала отъ него Мазепу, который въ добавокъ заподозрилъ Полуботка въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ шуриномъ его Михаиломъ Самойловичемъ, который зналася съ нѣкіимъ Соломономъ, писавшимъ извѣты на Мазепу. Изъ-за этого дѣла, пока не вполнѣ разъясненнаго, Павелъ Полуботокъ былъ даже одно время у Мазепы подъ карауломъ. Позднѣе только Мазепа сталъ къ нему милостивѣе. Въ 1703 г. онъ утвердилъ уже „за значнымъ, заслуженнымъ войсковымъ товарищемъ" Павломъ Полуботкомъ купленные имъ грунта мохнатинскій, семаковскій и вертѣевскій, а въ 1705 г. назначилъ его черниговскимъ полковникомъ на мѣсто умершаго тогда Ефима Лизогуба. Получивъ такой важный урядъ, Павелъ Полуботокъ очень долго ничѣмъ не выдавался изъ ряда другихъ полковниковъ. Въ это время онъ успѣлъ только проявить безконечную алчность при устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ.

Можно, впрочемъ, думать, что Полуботокъ обратилъ на себя вниманіе, какъ полковникъ, только въ то время, когда онъ, несмотря на измѣну Мазепы, остался вѣренъ царю въ числѣ четырехъ изъ десяти полковниковъ. Но и этимъ обстоятельствомъ Полуботокъ воспользовался, какъ средствомъ для пріумноженія своихъ земельныхъ богатствъ.

Послѣднее ему удалось въ данномъ случаѣ, несмотря на явное недовѣріе къ нему, высказанное Петромъ 6 ноября 1708 г. на глуховской радѣ при избраніи гетмана на мѣсто измѣнившаго Мазепы. Когда на радѣ этой, кромѣ Скоропадскаго, кандидатомъ въ гетманы поставленъ былъ Полуботокъ, то, по свидѣтельству Ригельмана, Петръ сказалъ о немъ: „этотъ очень хитеръ, онъ можетъ Мазепѣ уравниться". Но думая такъ о Полуботкѣ, царь счелъ все же необходимымъ величать его вѣрнымъ слугой и за вѣрную службу надѣлить его маетностями; притомъ самъ Полуботокъ, не попавши въ гетманы, счелъ себя въ правѣ добиваться отъ царя всякихъ милостей за свою вѣрность. Въ это то время выдана была ему царская грамота на маетности, остав-

шіяся послѣ шурина его, бывшаго гадяцкаго полковника Михайла Васильева Самойловича; по грамотѣ этой Полуботокъ получилъ въ сумскомъ полку четыре села—Михайловку, Озакъ, Буймеръ и Грунь, да въ лубенскомъ полку село Коровинцы, которое для этого отнято было у вдовы Обидовскаго. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, когда царь судилъ въ Лебединѣ сторонниковъ Мазепы, Полуботокъ вновь выпросилъ у царя грамоту на черниговскія маетности. Кромѣ небольшихъ слободокъ, поселенныхъ самимъ Павломъ Полуботкомъ и отцемъ его Леонтіемъ, Полуботки имѣли въ черниговскомъ полку только два села—Наумовку и Савинки; всего же здѣсь было у нихъ дворовъ до двухсотъ. По грамотѣ же отъ 22 декабря 1708 г. онъ получилъ „въ вѣчное владѣніе“: м. Любечъ съ приселками и двумя перевозами на Днѣпрѣ, села и деревни—Выбли, Подгорное, Пески, Нов. Млины, Кувѣчичи, Домашлинъ, Орловку, Казиловку, Коруковку, Оболонье, Городище, Савинцы, Краски, Псаровку, Стар. и Нов. Боровичи, Андрушичи и слободу Загребальную. Такимъ образомъ, по двумъ грамотамъ Полуботку дано было болѣе 2,000 дворовъ. Лишеніе булавы было вознаграждено вполнѣ: Полуботокъ сталъ богатѣйшимъ державцею въ Малороссіи; у Кочубеевъ, которые тоже съумѣли воспользоваться въ это время казнію ихъ отца, было меньше. Самъ гетманъ завидовалъ богатству черниговскаго полковника.

Но и помимо царскихъ пожалованій Полуботокъ умѣлъ пріумножать свои владѣнія. Заселеніе пустопорожнихъ земель слободами, „скупля“ грунтовъ у обѣднѣвшихъ козаковъ и крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ своихъ „подданныхъ“, наконецъ, захватъ въ свое владѣніе полковыхъ маетностей, принадлежавшихъ ратушамъ разныхъ сотенныхъ городковъ—все это пускалъ въ ходъ Полуботокъ ради своего обогащенія. Не смущало его при этомъ, что подъ пустопорожними землями ему часто приходилось разумѣть земли, уже распредѣленныя между селами, но до поры до времени не подвергавшіяся эксплоатаціи со стороны крестьянъ этихъ селъ; не страшило его ни нарушеніе правъ другихъ державцевъ, у крестьянъ которыхъ онъ скупалъ грунта, ни запрещеніе уменьшать число козаковъ, несшихъ обществен-

ныя повинности войсковыя и иныя; наконецъ, не гнушался онъ и тѣмъ, что на захватъ ранговыхъ маетностей совершенно естественно было смотрѣть, какъ на прямое грабительство общественнаго достоянія. Полуботку, какъ и другимъ полковникамъ той поры, казалось все дозволительнымъ. Онъ не ждалъ преслѣдованій отъ гетмана, ибо власть гетмана въ это время была уже пошатнута: гетманъ могъ только констатировать преступленія, но преслѣдовать за многое лично не могъ. Малороссія переживала, такъ называемое, переходное время, когда старые порядки были искусственно разрушаемы безъ замѣны ихъ прочными и цѣнными новыми. Для разнузданныхъ хотѣній отдѣльныхъ лицъ какъ разъ настала тогда пора развернуться въ самой широкой степени. Поэтому Полуботокъ, позволяя себѣ въ это время обогащаться правдами и неправдами, дѣлалъ только то, что дѣлали другіе, но дѣлалъ это такъ ловко, что, ставъ владѣльцемъ 3,200 дворовъ, громкихъ жалобъ противъ себя не возбуждалъ со стороны своихъ полчанъ, какъ то было съ его товарищами—Чернышемъ, Галаганомъ, Марковичемъ и др.

Какъ политическій дѣятель, Полуботокъ выступилъ тотчасъ послѣ смерти Скоропадскаго, въ іюнѣ 1722 г. Получивъ тогда въ свои руки „правленіе дѣлъ“ безъ утвержденія даже наказнымъ гетманомъ, Полуботокъ сразу лицомъ къ лицу долженъ былъ стать съ малороссійской коллегіей, учрежденной Петромъ I за мѣсяцъ передъ тѣмъ, и съ суровымъ президентомъ этой коллегіи бригадиромъ Вельяминовымъ. Съ этого момента въ дѣятельности Полуботка начинаютъ проявляться черты его характера, доселѣ остававшіяся подъ спудомъ. Его качества умнаго, упорнаго въ достиженіи своихъ цѣлей и упрямаго даже человѣка, которыя всѣми признавались за нимъ, оказываются теперь направленными въ иную сторону, чѣмъ были направлены доселѣ. Изложеніе хода дѣлъ, въ которыхъ Павелъ Полуботокъ принималъ непосредственное участіе, должно показать это и вмѣстѣ напомнить, что даже у дурныхъ людей подчасъ могутъ быть безкорыстныя цѣли и стремленія.

Обращаясь къ фактамъ, мы прежде всего должны вспомнить, что по смыслу инструкціи отъ 16 мая 1722 г. коллегія, съ

бригадиромъ Вельяминовымъ во главѣ, обязана была заботиться „о прекращеніи возникшаго въ судахъ и войскѣ безпорядка“, и что, кромѣ того, въ той же инструкціи на Вельяминова было возложено огражденіе посполитыхъ и козаковъ отъ незаконнаго отягощенія работами и повинностями въ личную пользу старшины, а равно и принятіе въ полное свое вѣдѣніе финансовыхъ дѣлъ края. Полуботокъ все это принялъ въ разсчетъ.

Прежде всего онъ, сознавая, что въ судахъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ старшиной козацкой допущено было не мало злоупотребленій, поторопился, быть можетъ, ради предупрежденія обидныхъ вмѣшательствъ въ дѣла края посторонней силы въ лицѣ Вельяминова, издать 19 августа универсалъ о необходимости искорененія неправдъ въ судахъ и въ отношеніяхъ между державцами съ одной стороны и посполитыми и козаками съ другой. Вотъ этотъ любопытный документъ: „Писаны всѣ концы универсалы упоминательные, чтобы паны полковники, старшины полковые, сотники, державцы духовные и свѣтскіе, атаманы и прочіе урядники, отнюдь не дерзали козаковъ до приватныхъ своихъ работизнъ принуждать и употреблять; но имѣютъ они, козаки, при своихъ слободахъ оставаясь, только войсковыя, чину ихъ козацкому приличныя, отправлять услуги. А если кто вышеписанному явится преслушенъ, и то будетъ на него донесено и въ правду доказано будетъ, таковой безъ пощады, какого бы ни былъ чина, знатно наказанъ будетъ. Также и суды вездѣ по полкамъ должны быть устроены со всякимъ надлежащимъ порядкомъ, такъ, чтобы тяжебныя дѣла судья судилъ не самолично, но съ участіемъ и другой старшины и безурядовыхъ (не занимающихъ урядовъ), только бы честныхъ и разумныхъ людей, которыхъ нарочно къ тому опредѣлить нужно и чтобы тѣ дѣла рѣшались такимъ судомъ совмѣстно, совѣстно и по правдѣ, какъ требуетъ законъ и необходимость безъ всякаго пристрастія и безъ вымогательства, никому не наровя, ни на кого не посягая. Такимъ же порядкомъ должны судить урядники и по сотеннымъ городкамъ и въ особенности по селамъ, гдѣ, какъ слышно, атаманы и войты, стоя у дверей корчмы (въ шинковыхъ дворахъ при піятицѣ) судятъ и на всякого шею напиваютъ.

Нужно установить, чтобы и въ селахъ споры разбирались въ пристойныхъ мѣстахъ и не пьянымъ, а трезвымъ умомъ; корчемные же суды слѣдуетъ искоренить, о чемъ строго, подъ опасеніемъ строгой кары, приказываемъ. А когда кто сельскимъ или сотеннымъ судомъ будетъ недоволенъ, долженъ апеллировать въ судъ полковой, а на судъ полковой—въ генеральный судъ; и тогда приказано будетъ судьямъ, предъ которыми тотъ апеллянтъ судимъ былъ, выдать ему свое рѣшеніе на письмѣ, съ подлинною описью всей справы и контроверсіи обѣихъ сторонъ". Одновременно съ изданіемъ универсала Полуботокъ позаботился объ ускореніи разбора дѣлъ въ генеральномъ судѣ, давъ въ помощники генеральному судьѣ Чернышу ассесоровъ изъ числа бунчуковыхъ товарищей; причемъ ассесорами должны были состоять поочередно всѣ бунчуковые товарищи, дѣлясь на смѣны по 4 человѣка въ каждой. Едва ли, конечно, всѣми этими мѣрами Полуботокъ могъ достичь желаемыхъ результатовъ: для этого нужны бы были прежде всего надежные полковники, но изъ наличнаго тогда числа ихъ только Апостолъ, полковникъ миргородскій, и Толстой, полковникъ нѣжинскій, могли бы сочувствовать желаніямъ временнаго гетмана, остальные же, какъ гадяцкій полковникъ Милорадовичъ, лубенскій Марковичъ, прилуцкій Галаганъ, кіевскій Танскій, хотя и были всѣ назначены съ согласія царя, считавшаго ихъ людьми „непоколебимой вѣрности", на самомъ дѣлѣ прославились въ Малороссіи насиліями надъ своими полчанами. Смѣнить ихъ за ихъ злоупотребленія Полуботокъ не могъ, такъ какъ къ тому времени и права гетмана, и избирательное начало въ краѣ были изрядно урѣзаны. Не во власти Полуботка по той же причинѣ было устранить и извѣстнаго любителя „накладовъ", генеральнаго судью Черныша. Но въ виду энергичности требованій, высказанныхъ Полуботкомъ въ универсалѣ, кой что, быть можетъ, и было бы достигнуто въ смыслѣ улучшенія судовъ.

Тѣмъ не менѣе Вельяминовъ вовсе не сталъ ждать результатовъ и началъ самъ судить и рядить помимо узаконеннаго суда. Кромѣ того, онъ сталъ настойчиво требовать свѣдѣній по денежнымъ и инымъ сборамъ въ краѣ, а такъ какъ, въ виду прежъ

ней небрежности въ финансовыхъ счетахъ гетмановъ, Полуботокъ подробныхъ свѣдѣній обо всемъ требуемомъ дать не могъ, и ограничился только указаніемъ существенныхъ формъ налоговъ, принятыхъ въ краѣ, причемъ счелъ нужнымъ напомнить пункты Б. Хмельницкаго, по которымъ доходы страны должны были оставаться въ распоряженіи мѣстныхъ властей, то Вельяминовъ рѣшилъ чрезъ посредство полковыхъ сборщиковъ самъ составить смѣту доходовъ, а затѣмъ и собирать ихъ въ кассу коллегіи, не давая льготъ старшинѣ. Онъ приэтомъ допустилъ рядъ ошибокъ, начавъ, напр., взимать медовую десятину со всѣхъ, а не съ нѣкоторыхъ только, какъ было раньше, и обративъ табачную досятину, шедшую въ пользу гетмана, въ число общихъ налоговъ, поступавшихъ въ коллегію. Помимо этихъ ошибокъ и рѣзкостей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужны были президенту свѣдѣнія отъ старшины или когда онъ поручалъ ей провести какія либо распоряженія, онъ писалъ ей указы въ довольно грубой формѣ. Тогда то Полуботокъ, очевидно, счелъ нужнымъ оставить принятый имъ путь предупрежденія угрозъ и рѣшилъ прежде всего оградить достоинство своей власти челобитной въ сенатъ съ указаніемъ отступленій Вельяминова отъ данной ему инструкціи. Сперва челобитную свою Полуботокъ предложилъ для отправки въ сенатъ Вельяминову, но послѣдній при этомъ случаѣ и къ Полуботку, и къ старшинамъ отнесся страшно грубо. Ссылавшимся на смыслъ царскаго указа старшинамъ онъ сказалъ: „я самъ вамъ указъ“ и затѣмъ прибавилъ: „согну я васъ такъ, что и другіе треснутъ. Уже ваши давнины перемѣнить велѣно“.

Сенатъ, куда поступила первая челобитная Полуботка, въ отсутствіе Петра I, бывшаго въ то время въ персидскомъ походѣ, отвѣтилъ Полуботку въ смыслѣ, благопріятномъ для малороссіянъ. Вельяминову вмѣнено было въ обязанность держаться въ предѣлахъ инструкціи 16 мая. Но этимъ поводы къ столкновеніямъ между Полуботкомъ и Вельяминовымъ устранены не были.

Наиболѣе рѣзкимъ поводомъ къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ двухъ представителей власти, въ личныхъ отношеніяхъ, впрочемъ не доходившихъ до разрыва, были волненія посполитыхъ,

вызванныя отчасти распространившимися повсюду призывами Вельяминова подавать, въ случаѣ обидъ, жалобы на старшину въ коллегію, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что съ старшинъ и иныхъ державцевъ стали брать налоги и тѣмъ дали поводъ думать, что власти ихъ наступитъ скоро конецъ. Опасаясь, въ виду начавшихся волненій, большаго крестьянскаго возстанія, Полуботокъ и, какъ охранитель порядка и еще болѣе, вѣроятно, какъ сторонникъ старшинскихъ и державческихъ привилегій, выступилъ съ грознымъ универсаломъ. Въ современномъ журналѣ генеральной старшины объ этомъ универсалѣ, выпущенномъ 13 декабря 1722 г., сказано: „писаны во всѣ полки универсалы, повелѣваючи п.п. полковникамъ всѣмъ, въ полкахъ своихъ перестерегать накрѣпко, чтобы поспольство въ подданствѣ зостаючее не показывало никакого самовольства противъ своихъ владѣльцовъ, а гдѣ бы отъ какихъ нибудь подданныхъ могло происходить легкомысленное самовольство и противность, то оныхъ брать въ тюремное заключеніе и, по разсмотрѣніи вины, карать нещадно". Указанный универсалъ былъ разосланъ безъ вѣдома Вельяминова, между тѣмъ, по инструкціи обо всѣхъ важныхъ распоряженіяхъ своихъ Полуботокъ обязанъ былъ давать знать въ коллегію. Не безъ пререканій и большихъ неудовольствій обошлось и назначеніе въ большее противъ прежняго число полковъ великороссійскихъ комендантовъ. Полковники не считали себя обязанными съ ними сноситься и давать имъ знать о всѣхъ распоряженіяхъ генеральной старшины, а Полуботокъ не поощрялъ ихъ къ этому, несмотря на настоянія Вельяминова.

Обозленный цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ мелкихъ столкновеній, Вельяминовъ долженъ былъ воспользоваться всѣми этими обстоятельствами, чтобы представить царю Полуботка, какъ яраго гонителя народа и какъ не менѣе яраго защитника злоупотребленій старшины. Къ тому же подоспѣвало время для общаго отчета самому царю о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, такъ какъ царь возвращался изъ персидскаго похода. Въ концѣ января 1723 г. Вельяминовъ отправился въ Петербургъ и повезъ туда для представленія царю свои 12 пунктовъ: о ходѣ финан-

совыхъ сборовъ, объ обращеніи козаковъ въ посполитые, о необходимости контролировать гетманскіе универсалы, вродѣ универсала отъ 13 декабря, о вмѣненіи въ обязанность полковникамъ сноситься съ великорусскими комендантами, присланными теперь во всѣ малорусскіе полки и о прочемъ подобномъ.

Съ своей стороны Полуботокъ вновь изготовилъ челобитную уже для представленія не въ сенатъ, а самому царю. Въ этой новой челобитной, кромѣ основнаго заявленія о необходимости дозволить избрать гетмана, заключалось напоминаніе о томъ, что коменданты не должны вѣдать полковничьихъ дѣлъ, а только гарнизонныя, что, согласно обѣщанію 1708 г., гарнизоны изъ Малороссіи должны были быть выведены немедленно по изгнаніи изъ нея шведовъ, и что поэтому увеличеніе числа комендантовъ въ краѣ слѣдовало бы отмѣнить. Въ добавочной же челобитной шла рѣчь о трудности для малороссійскихъ обывателей такихъ походовъ, какъ ладожскій и терскій и въ заключеніе была просьба отмѣнить новый ладожскій походъ. Въ челобитной при этомъ прямо говорилось: „чрезъ ладожскіе походы прошлыхъ двухъ годовъ по 10,000 козаковъ на каждый походъ, а особенно черезъ дербентскій походъ, тоже въ 10,000, козаки лишились не только лошадей и средствъ, но многіе и животъ свой тамъ кончили, а многіе по слабости здоровья на дорогахъ поотставали и до сихъ поръ въ домы не возвращались. А теперь снова требуется 10,000 въ терскій походъ и 5000 въ ладожскій. Въ терскій походъ козаки уже наряжены, а для ладожскаго взять неоткуда, развѣ изъ тѣхъ, которые приготовлены на случай отраженія татарскихъ набѣговъ. При этомъ же нужно отбыть еще и постой восьми драгунскихъ полковъ и мекленбургскаго корпуса, отъ которыхъ если освободить дворы тѣхъ козаковъ, что идутъ въ походъ, то вся тяжесть ляжетъ на однихъ посполитыхъ, которые, навѣрно, станутъ расходиться и въ людяхъ учинится умаленіе“.

Но на всѣ эти ходатайства Полуботка никакого отвѣта изъ Москвы, гдѣ былъ временно царь, не приходило, и посланные съ челобитьями, за недостаткомъ средствъ къ жизни въ чужомъ краѣ, вернулись во свояси. Вельяминовъ же добился полнаго

одобренія своему образу дѣйствій, и въ дополненіе къ инструкціи 16 мая 1722 г. получилъ новую отъ 16 апр. 1723 года, которою власть Вельяминова и коллегіи была раздвинута. Онъ получилъ право давать непосредственно приказанія полковникамъ помимо генеральной старшины, а послѣдняя во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ должна была подчиняться его контролю; финансы края тоже всецѣло должны были поступить въ его вѣдѣніе и у старшины были отняты всякія льготы отъ несенія налоговъ. Болѣе полнаго признанія правъ за Вельяминовымъ и коллегіей и быть не могло; недавній милостивый для малороссіянъ сенатскій отвѣтъ на первую челобитную Полуботка новою инструкціею отъ 16 апрѣля вполнѣ уничтожился. Въ довершеніе всего, по дѣлу о разсылкѣ устрашительнаго для крестьянъ универсала отъ 13 декабря 1722 года, Полуботокъ вмѣстѣ съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ и генеральнымъ судьею Чернышемъ былъ вытребованъ царемъ въ Петербургъ.

Послѣднее распоряженіе было впрочемъ сдѣлано не столько вслѣдствіе недовольства самою сущностью универсала Полуботка отъ 13 декабря, сколько вслѣдствіе желанія удалить Полуботка и близкихъ ему товарищей изъ Малороссіи на время обнародованія новой инструкціи, данной Вельяминову. Опасеніе Петра I за благопріятный исходъ этого обнародованія было настолько сильно, что кіевскому губернатору Голицыну дано было полномочіе—„велѣть по своему разсмотрѣнію выдтить въ поле всѣмъ въ Малой Россіи обрѣтающимся полкамъ и черкасамъ, подъ видомъ осторожности для охраненія Украины отъ татарскаго нападенія“.

Сбираясь въ виду царскаго приказа въ Петербургъ, Полуботокъ очень заботился о составленіи новой челобитной отъ всѣхъ полковъ и за подписью всей старшины и полковниковъ. Ради этого онъ оттянулъ отъѣздъ свой до 13 іюня, но все же не успѣлъ добиться многихъ подписей. Уѣзжая, онъ поручилъ Жураковскому, генеральному есаулу, и Лизогубу, генеральному бунчужному, оставшимся теперь у „правленія дѣлъ“, озаботиться о присылкѣ дополнительныхъ челобитныхъ и подписей.

Пріѣхавъ въ столицу, Полуботокъ прежде всего узналъ, что по поводу его неоднократныхъ просьбъ о дозволеніи из-

брать новаго гетмана Петръ I отправилъ генеральной канцеляріи указъ. Указъ этотъ гласилъ: „понеже всѣмъ извѣстно, что отъ времени перваго гетмана Богдана Хмельницкаго даже до Скоропадскаго всѣ гетманы явились измѣнниками и какое бѣдство терпѣло наше государство оттого, а наипаче Малая Россія, какъ еще свѣжая память есть о Мазепѣ; того ради во избраніи въ гетманы зѣло вѣрнаго и извѣстнаго человѣка сыскать надлежитъ, о чемъ непрестанное стараніе имѣемъ; а пока оной сыщется, нынѣ опредѣлено правительство, дабы лучшую пользу тому краю чинило и крѣпкая дана ему инструкція, и тако остановки въ дѣлахъ до избранія гетмана не будетъ, и для того въ семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ". Какъ ни тяжело было Полуботку узнать объ этомъ распоряженіи, но все же и въ Москвѣ, и первое время въ Петербургѣ онъ не былъ вполнѣ лишенъ надеждъ на лучшее будущее. Царь принялъ его довольно милостиво и самъ не заводилъ рѣчи даже объ универсалѣ Полуботка отъ 13 декабря, хотя этотъ универсалъ и былъ поводомъ къ вызову его въ Петербургъ. Ободренный такимъ пріемомъ Полуботокъ рѣшился подать царю послѣднюю изготовленную имъ передъ отъѣздомъ челобитную съ настойчивой просьбой объ отмѣнѣ введенныхъ Вельяминовымъ налоговъ. Мало того, уже въ Петербургѣ онъ вписалъ въ челобитную новое ходатайство—чтобы „вмѣсто малороссійской коллегіи учинить генеральный судъ въ седьми персонахъ". Прибавку эту Полуботокъ могъ сдѣлать въ виду того, что кромѣ подлинной челобитной на малорусскомъ языкѣ онъ имѣлъ еще при себѣ бланкъ съ подписями, заготовленный для написанія на немъ перевода той же челобитной на языкъ великорусскій; къ этому то переводу на новомъ бланкѣ и присоединено было ходатайство о семичленномъ генеральномъ судѣ. Петръ I не могъ стерпѣть этого новаго протеста противъ излюбленной имъ малороссійской коллегіи. Тогда то Полуботка, Савича и Черныша потребовали къ допросу и по поводу универсала отъ 13 декабря, гдѣ были угрозы волновавшемуся поспольству, и даже по дѣлу объ учрежденіи при генеральномъ судьѣ ассесоровъ изъ бунчужныхъ товарищей. Одновременно съ этимъ предположено было снарядить

на Украину гвардіи майора А. И. Румянцева для спроса старшины и черни малороссійской о челобитной Полуботка—„всѣ ли о томъ вѣдаютъ и просятъ“. Гнѣвъ Петра однако нѣсколько смягчился послѣ допроса, сдѣланнаго Полуботку и его товарищамъ. По дѣлу о разсылкѣ универсала съ требованіями отъ крестьянъ повиновенія своимъ державцамъ Полуботокъ и Чернышъ объяснили, что разосланъ былъ универсалъ ради того, чтобы въ поспольствѣ не учинилось опаснаго смятенія. „Вельяминовъ, говорили они, разослалъ своихъ офицеровъ внушить поспольству, чтобъ оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ, а мы знаемъ, что наше поспольство всегда готово подняться на пановъ и потому, чтобы не допустить большаго мятежа, мы разослали универсалы, *иначе съ насъ бы самихъ взыскивалось, если бы вышло общее волненіе*“. На вопросъ же, зачѣмъ были учреждены при генеральномъ судьѣ ассесоры, Полуботокъ отвѣчалъ, что и прежде поступали гетманы такимъ образомъ во время накопленія дѣлъ въ генеральномъ судѣ или въ случаяхъ болѣзни судьи. На этомъ дѣло пока и стало, но послѣ допроса не продолжителенъ былъ покой Полуботка и его товарищей.

Какъ разъ въ это время подоспѣли въ Петербургъ нѣкоторыя изъ добавочныхъ челобитныхъ, о которыхъ такъ много хлопоталъ Полуботокъ, уѣзжая въ Петербургъ по требованію царя. Подоспѣвшія челобитныя были такъ называемыя коломацкія, составленныя подъ руководствомъ старѣйшаго изъ полковниковъ Данила Апостола, бывшаго на урядѣ въ Миргородѣ. Одна изъ этихъ челобитныхъ была такъ же, какъ и поданная Полуботкомъ 13 сентября, объ отмѣнѣ сборовъ и о сохраненіи въ Малороссіи прежняго суда и объ избавленіи отъ постоя великороссійскихъ полковъ. Въ другой же заключалась просьба о дозволеніи избрать гетмана. Обѣ челобитныя носятъ названіе коломацкихъ отъ рѣчки Коломака (въ полт. губ.), у которой осенью 1723 года стояли малороссійскіе полки, вышедшіе въ поле по помянутому уже выше требованію кіевскаго губернатора Голицына и направлявшіеся къ Буцкому Броду (на р. Орели въ теперешнемъ константиноградскомъ уѣздѣ), мѣсту общаго сбора

всѣхъ войскъ, малороссійскихъ и великороссійскихъ, бывшихъ въ Малороссіи. Въ первой изъ названныхъ двухъ коломацкихъ челобитныхъ, послѣ заявленій о значительномъ обѣдненіи посполитыхъ и казаковъ и вслѣдствіе предшествовавшихъ невзгодъ шведской войны, и вслѣдствіе неурожаевъ въ теченіи ряда лѣтъ, отмѣчалось полное затѣмъ обнищаніе названнаго люда отъ непривычныхъ для него поборовъ Вельяминова, поступавшихъ въ кассу коллегіи, и затѣмъ шло заключеніе: „отъ якихъ всѣхъ вышеписанныхъ трудностей толикое учинилося у людехъ умаленіе, уходомъ особливе въ слободи и на тую сторону, что отъ Днѣпра до самого Днѣстра прежде бившие опустѣлие мѣста, вездѣ населени нашимъ малороссійскимъ народомъ". Такая постановка старшиной вопроса о новыхъ налогахъ, конечно, не можетъ быть названа лишенной основаній, и серьезность приведенныхъ мѣстъ нисколько не затирается присутствіемъ въ той же челобитной просьбы о сохраненіи за старшиной льготъ отъ всякаго рода обложеній. Не забывая нуждъ всего края, въ данномъ случаѣ старшина не отрѣшалась и отъ своихъ интересовъ, не желая нести по ея мнѣнію напрасныхъ жертвъ. Не менѣе серьезна въ данной челобитной и постановка вопроса о перемѣнахъ въ судахъ, привнесенныхъ Вельяминовымъ и его малороссійской коллегіей. „А что, читаемъ въ челобитной, за доношеніемъ на нѣкоторую старшину, поносить все войско малороссійское мнѣніе и подзоръ, будто въ судахъ малороссійскихъ волокити и взятки чинятся и ми въ семъ милости в. и. в. просимъ, даби ваше величество соизволили о такихъ судяхъ и малороссійскаго народа обидителяхъ приказать намъ, войску запорожскому, доподлина розискати, а ми, по непоколебимой своей в. и. в. вѣрности, все тое изслѣдовати въ правду и по самой истинѣ в. и. в., хто въ чемъ явится преступнимъ, донести облекуемся". Трудно не видѣть, думаемъ, въ этихъ словахъ и скорби по поводу большой шатости въ малороссійскихъ судахъ, и своего рода обиды вслѣдствіе недозволенія самимъ малороссіянамъ искоренить данные непорядки. Люди, не лишившіеся жизнеспособности, не могли согласиться, что ихъ непорядки могутъ исправлять только посторонніе, тѣмъ больше, что о черной не-

правдѣ въ судахъ и въ Великороссіи они могли слышать тоже не мало. Думали при этомъ малороссіяне, что для самостоятельнаго искорененія своихъ неправдъ имъ нужна своя сильная власть—и отсюда ходатайство во второй челобитной о дозволеніи избрать гетмана съ давнимъ авторитетомъ власти. „Безъ гетмана, писали они, въ Малороссіи государственние дѣла и войсковие и всякие порядки въ належитомъ не могутъ бити правленіи, и вся Малая Россія, не имѣючи гетмана, въ особливой темнотѣ пребиваетъ".

Челобитныя эти привезены были съ Коломака канцеляристомъ Романовичемъ и 10 ноября, въ воскресеніе, поданы имъ непосредственно царю при выходѣ его изъ церкви Св. Троицы послѣ обѣдни. Государь, получивъ челобитныя, зашелъ прочитать ихъ въ кофейный домъ подъ вывѣской „Четыре фрегата". Пораженный обиліемъ подписей подъ челобитными и повтореніемъ въ нихъ ходатайствъ Полуботка, Петръ I, „вышедши зъ того кофейного дома, изволилъ приказать своими устами генералу маэору и гвардіи преображенского полку маэору Андрею Ивановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Івана Чарниша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій пітербургскій, где, съ перваго часу порознь всѣ были за карауломъ посажени; потомъ по 4 человѣка случени, а далѣй знову недель у килка, поединцемъ разведени". Тогда же ускоренъ былъ отъѣздъ въ Малороссію гвардіи маіора А. И. Румянцева, ранѣе уже назначеннаго для разслѣдованія дѣла о сочувственникахъ челобитнымъ. Румянцеву при самомъ тщательномъ разслѣдованіи всякими путями, иныхъ сочувственниковъ Полуботка, кромѣ тѣхъ, подписи которыхъ были подъ челобитными, найти не удалось, и онъ донесъ, на основаніи всего слышаннаго въ краѣ, что таковыхъ де и нѣтъ. За то онъ имѣлъ возможность раскрыть при пересмотрѣ бумагъ Полуботка, что этотъ послѣдній, узнавъ о посылкѣ Румянцева на разслѣдованіе дѣй-

ствій его и всей старшины, чрезъ посредство вѣрныхъ слугъ пересказалъ семьѣ своей, какъ скрыть слѣды его личныхъ грязныхъ дѣлъ; между прочимъ, онъ будто бы научилъ какого-то отставнаго ката (палача) убить значковаго товарища Ивана Загоровскаго и нѣкоторыхъ другихъ козаковъ, которые могли раскрыть Румянцеву его насилія, и какая-то крамарка (торговка) Матвѣи убита была съ этою цѣлью тѣмъ же катомъ. Арестовать же Румянцевъ счелъ нужнымъ многихъ изъ подписавшихъ челобитную и нѣкоторыхъ изъ нихъ препроводилъ для дальнѣйшаго слѣдствія въ Петербургъ. Въ числѣ такихъ арестованныхъ и отправленныхъ въ Петербургъ былъ миргород. полковникъ Данило Апостолъ и остававшіеся въ Малороссіи у правленія дѣлъ генеральные старшины есаулъ Жураковскій и бунчужный Лизогубъ.

По полученіи донесенія Румянцева, Петръ увидѣлъ, что никакой смуты въ Малороссіи нѣтъ и что челобитники собственно говоря не выходили изъ предѣловъ законности, рѣшаясь на свои ходатайства. Поэтому надъ Полуботкомъ и его товарищами Вышнимъ судомъ не было произнесено приговора немедленно, и они всѣ были оставлены въ крѣпости до болѣе дальняго времени. Но Полуботокъ умеръ въ крѣпости черезъ годъ послѣ своего ареста, а именно 18 декабря 1724 года, остальные же были выпущены на волю уже послѣ смерти Петра, 6 февраля 1725 года. Всѣмъ выпущеннымъ были отданы ихъ сабли, но до поры до времени они не должны были возвращаться на родину.

При попыткѣ оцѣнить дѣйствія Павла Полуботка со времени смерти Скоропадскаго, нельзя не обратить вниманія на то, что при составленіи имъ жалобъ на Вельяминова ему вовсе не легко было привлекать къ подписанію таковыхъ козацкую старшину: и полковники, и даже состоявшій въ генеральной старшинѣ Лизогубъ, въ большинствѣ случаевъ, занимаясь своими личными дѣлами, старались отклониться отъ протестовъ, и благодаря ихъ уклончивости, подписей подъ челобитными Полуботка бывало немного. Только миргор. полковнику Апостолу, въ виду сбора массы старшинъ разныхъ полковъ на Коломакѣ, удалось получить много подписей. Изъ этого одного недостатка подписей

у Полуботка нельзя уже не заключить, что не въ личныхъ интересахъ старшины дѣйствовалъ онъ, состоя у правленія дѣлъ. И въ самомъ дѣлѣ, старшины, вродѣ людей признававшихся „непоколебимо вѣрными“, каковыми числились полковники Галаганъ, Милорадовичъ, Танскій, Яковъ Марковичъ, хорошо понимали, что при обладаніи такими значительными маетностями, какія уже имѣла старшина, послѣдняя не обѣднѣетъ отъ тѣхъ нововведеній, какія принесла съ собой коллегія, и что податливостью удобнѣе всего сохранить за собою свои неправдой нажитыя богатства. Затѣмъ нельзя не видѣть, что и въ коломацкихъ челобитныхъ, присылки которыхъ добивался Полуботокъ и которымъ онъ очевидно сочувствовалъ, и въ его собственныхъ челобитныхъ слышится не всегда голосъ алчнаго старшины, угнетателя народа, напротивъ, во всѣхъ этихъ писаніяхъ нерѣдко ясно имѣются въ виду и интересы малорусскаго поспольства, и незначнаго козачества.

Но если Полуботокъ не являлся въ періодъ своего стоянія у правленія дѣлъ представителемъ старшинской партіи, ибо таковой, собственно говоря, не было пока, а были только отдѣльные алчные люди, и если онъ въ то же время не обнаружилъ готовности стать правой рукой Вельяминова ради блестящаго устройства своихъ личныхъ дѣлъ, то не былъ ли этотъ грѣховный сынъ своего вѣка въ то же время человѣкомъ, своеобразно понимавшимъ интересы своей родины и готовымъ защищать свое своеобразное мнѣніе даже вопреки личнымъ интересамъ? **Я. Ш.**

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Павла Полуботка представляетъ собою дѣйствительный его портретъ, оригиналъ котораго находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, получившаго его въ подарокъ отъ гр. Гр. Ал. Милорадовича. Достовѣрность настоящаго портрета подтверждается находящимся на немъ вокругъ герба иниціалами и, кромѣ того, тѣмъ, что портретъ этотъ гр. Милорадовичемъ найденъ въ любецкой его усадьбѣ (городницкаго у.), принадлежавшей до к. XVIII в. Полуботкамъ. Портретъ же, приложенный Бантышъ-Каменскимъ къ его исторіи Малой Россіи подъ именемъ П. Полуботка, изображаетъ неизвѣстное лицо. Оригиналъ сего неизвѣстнаго портрета мы видѣли у покойнаго М. В. Юзефовича, которому онъ достался отъ полтавскихъ Чарнышей. Нѣтъ сомнѣнія, что Бантышъ-Каменскій, называя этотъ портретъ портретомъ П. Полуботка, руководствовался семейнымъ преданіемъ (на портретѣ никакихъ подписей нѣтъ), которое, приписывая портретъ Полуботку, забыло имя послѣдняго. Очень можетъ быть, что преданіе и не ошибалось, но только вмѣсто Павла слѣдуетъ подставить Леонтія, т. е. что сохранившійся въ семействѣ Чарнышей подъ именемъ Полуботковскаго, есть портретъ Леонтія Полуботка, отца Павла.—Ред.

Библіографія.

Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи, подъ редакціей правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова Вып. 5 и 6. Симферополь. 1888 г. Вып. 7 и 8. 1889 г., вып. 9 и 10 1890 г.

Въ 1884 г., главнымъ образомъ по иниціативѣ покойнаго Н. В. Калачева, правительство открыло въ видѣ опыта 4 архивныхъ коммиссіи, главная дѣятельность которыхъ должна была состоять въ приведеніи въ извѣстность, описаніи, храненіи и изданіи актовъ, имѣющихъ мѣстное историческое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссіи должны были принять на себя ознакомленіе общества съ памятниками древности, находимыми въ раіонѣ ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ архивныя коммиссіи образовали музеи и стали издавать повременные выпуски своихъ «Трудовъ», «Извѣстій», «Дѣйствій», «Журналовъ», въ которыхъ на ряду съ печатаніемъ документовъ помѣщаются нерѣдко цѣнныя изслѣдованія. (Тверская коммиссія издаетъ работы своихъ членовъ отдѣльными книжками). Вокругъ новыхъ провинціальныхъ историческихъ обществъ сгруппировались лучшія интеллигентныя мѣстныя силы, съ одушевленіемъ и безкорыстно работающія для общаго дѣла, изученія прошлаго нашего отечества. Опытъ оказался удачнымъ: съ каждымъ годомъ увеличивалось число коммиссій, и въ настоящее время дѣйствуютъ 11 коммиссій.

Къ сожалѣнію, на югѣ Россіи существуетъ только одна—таврическая (съ 1887 г.). Въ настоящей краткой замѣткѣ мы постараемся отмѣтить главнѣйшія статьи и матеріалы, помѣщенные въ изданіяхъ послѣдней, выпустившей уже 10 №№ своихъ «Извѣстій». (Статьи первыхъ 4-хъ выпусковъ печатались въ «Тавр. Губ. Вѣд.», и онѣ указывались уже въ «Кіевской Старинѣ»). Не безъинтересно,

однако же, ознакомиться сначала съ положеніемъ коммиссіи на основаніи отчетовъ ея за 1887, 1888 и 1889 гг. (см. № 7 и 9 «Извѣстій»). Дѣятельность коммиссіи за эти три года выразилась: 1) въ разсмотрѣніи и описаніи дѣлъ правительств. архива (разсмотрѣно 10,405 дѣлъ, описано и отобрано для таврическаго *историческаго* архива 542 дѣла и 68 документовъ; 2) въ образованіи музея, которымъ завѣдуетъ г. Кашпаръ (въ 1888 г. въ музеѣ считалось 598 предметовъ и 376 монетъ, въ 1889 г. поступило 403 предм. древности и 223 монеты); 3) въ ученыхъ экскурсіяхъ и раскопкахъ членовъ коммиссіи; 4) въ основаніи библіотеки (въ 1889 г. числилось 128 названій книгъ въ 309 томахъ) и 5) въ изданіи документовъ и изслѣдованій по мѣстной исторіи. Бюджетъ коммиссіи невеликъ: около 500 рублей въ годъ. Число членовъ въ 1889 простиралось до 108. Вотъ главнѣйшія фактическія свѣдѣнія о таврической архивной коммиссіи.

Пятый выпускъ «Извѣстій», вышедшій ко дню девятисотлѣтія крещенія Руси, весь посвященъ, въ память событія, исторіи Херсониса Таврическаго. Въ немъ помѣщена «*Историческая записка о сооруженіи въ Херсонисѣ храма св. равноап. кн. Владиміра*» Ѳ. Лашкова, къ которой приложены архивные документы, «*Историческая записка о херсонисскомъ св. кн. Владиміра монастырѣ*» (основанномъ въ 1853 г.) А. Гроздова (также съ приложеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи монастыря). Болѣе интереса представляетъ «*Очеркъ археологическихъ разысканій и изслѣдованій въ области Херсониса Таврическаго*», Хр. Ящуржинскаго. Авторъ начинаетъ съ Мартина Броневскаго (1578 г.) «Tartariae descriptio». Особенно важенъ очень полный «*Указатель сочиненій, касающихся древняго Херсониса*», составленный А. Маркевичемъ, въ которомъ указаны труды какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

Въ 6-мъ выпускѣ назовемъ статью Ф. Ребеца «*Судьба Крыма при императорѣ Митридатѣ Евпаторѣ*» (90—63 г. до Р. Х.); она невелика, но написана довольно живо. Х. П. Ящуржинскій въ статьѣ «*Развѣдки о древнемъ скивскомъ укрѣпленіи Неаполисѣ*» излагаетъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Г. де-Бларамбергъ на основаніи находокъ (въ 1827 г.) мѣстомъ нахожденія Неаполиса считаетъ ю.-в. окраину Симферополя; съ нимъ согласился гр. А. С. Уваровъ, нашедшій, между прочимъ, въ 1849 г. ручки амфоры съ надписью ΝΕΟΠΟΛΙΟΣ (Пропилеи, IV, 526). Противъ этого мнѣнія возражалъ И. Беккеръ (1856 г.), доказывавшій, что Неаполисъ находился тамъ, гдѣ ны-

слѣдствіи былъ Инкерманъ. Но въ 1878 г. найденъ былъ псефизмъ въ честь Діофанта, въ которомъ говорится о Неаполисѣ, какъ о внутренней крѣпости. На основаніи этого мнѣніе де Бларамберга имѣетъ болѣе основаній, и къ нему присоединились г. Юргевичъ и Латышевъ. Авторъ сообщаетъ о новыхъ раскопкахъ на мѣстѣ Неаполиса въ 1886 и 1888 гг. Къ статьѣ приложенъ планъ предполагаемаго Неаполиса и переводъ сочиненія де Бларамберга (De la position de trois forteresses Tauroscythes dont parte Strabon par M—r de Blaramberg. Odessa. MDCCCXXXI), составленный А. Л. Бертье-Делагарди (съ рисунками). Ѳ. Лашковъ напечаталъ двѣ статьи, дополняющія другъ друга: «*Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787—91 г.*» (по архивнымъ даннымъ съ приложеніемъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ документовъ) и *Матеріалы для исторіи второй турецкой войны* (по дѣламъ, хранящимся въ архивѣ канцеляріи тавр. губернатора). Въ 9-мъ вып. проф. Ал. И. Маркевичъ помѣстилъ интересную статью *Пребываніе въ Крыму московскаго гонца Вас. Айтемирева въ 1692—5 г.* (Это рефератъ, читанный на VIII археолог. съѣздѣ въ Москвѣ). Переговоры Айтемирева были мирнаго характера, такъ какъ и русское правительство не проявляло энергіи въ борьбѣ, обезсиленное въ финансовомъ отношеніи неудачными крымскими походами, и Крымъ не былъ обезпеченъ въ своихъ границахъ по той причинѣ, что крымскія войска постоянно требовались султаномъ на берега Дуная. Статья составлена по статейному списку посла, современный списокъ съ котораго хранится въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Сообщаемые Айтемиревымъ факты, главнымъ образомъ, важны для исторіи Крыма, такъ какъ посолъ прожилъ въ немъ цѣлыхъ 3 года; у него находимъ свѣдѣнія, неизвѣстныя до сихъ поръ историкамъ. Кромѣ того, важны сообщаемыя данныя о сношеніяхъ Крыма съ Мазепой, Запорожьемъ, Польшей, объ участіи Крыма въ войнѣ съ Австріей, замѣтки по исторіи Малой Россіи; таковы, указанія на набѣги Палія, подробности объ извѣстномъ Петрикѣ и т. д. Изъ статей назовемъ еще *Свѣдѣнія о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной въ каменной скалѣ* свящ. М. Радіонова (1848 г., сообщ. А. Гроздевъ) и *О мѣрахъ для поддержанія Чуфутъ-Кале* И. Каваса. Въ послѣдней на основаніи архивныхъ данныхъ сообщается о безуспѣшномъ ходатайствѣ объ учрежденіи въ Чуфутъ-Кале главнаго караимскаго училища.

Въ числѣ документовъ напечатаны *Ордера кн. Потемкина за 1787 и 1788 г.* (№№ 7, 8 и 10), сообщенные Г. К. Кирѣенко. Мно-

гіе изъ нихъ касаются встрѣчи имп. Екатерины II, посѣтившей въ 1787 г. Крымъ [1]) и отчасти связаннаго съ этой встрѣчей благоустройства городовъ [2]). Помѣщенное въ вып. 2—8 «Извѣстій» *Камеральное описаніе Крыма 1784 г.* (сообщеніе Ѳ. Ѳ. Лашкова) богато очень цѣнными статистическими данными. *Выписки изъ кадіаскерскаго сайка* (книги) *1017—1022 г. хиджры* ($160^8/_9$—13 г. хр. лѣт.), хранящагося въ тавр. губ. правленіи, сообщены Муратъ-бей-Біарслановымъ. Авторъ въ предисловіи къ выпискамъ высказываетъ предположеніе, что кадіаскеръ былъ высшимъ гражданскимъ судьею скорѣе, чѣмъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, военнымъ, юрисдикція котораго простиралась на Бахчисарай. Въ самомъ дѣлѣ, изданные документы вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе автора (таковы въ № 8—два акта о раздѣлахъ, два крѣпостныхъ акта, двѣ закладныя записи и одно кадіаскерское рѣшеніе по опекѣ; въ № 9—дѣла объ обидахъ, приданомъ, убійствѣ; въ № 10—дѣло объ освобожденіи раба, рѣшеніе спора двухъ деревень объ общности владѣнія). Рѣшенія кадіаскера основаны на шеріатѣ (письменномъ мусульманскомъ законодательствѣ). Къ выпискамъ приложены 5 литографическихъ снимковъ съ образцовъ подлиннаго текста. Не безъинтересна далѣе замѣтка А. Иванова *О поселеніи раскольниковъ въ предѣлахъ нынѣшней таврической губерніи* (въ № 7). Назовемъ еще *Матеріалы для исторіи 2-й турецкой войны* (№№ 9 и 10) и *Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ московскимъ государствомъ въ XVII и XVIII в.*,—сообщенія г. Лашкова. Послѣдніе документы хранятся въ москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ, пока (въ №№ 9 и 10 «Извѣстій») напечатано 47 №№ актовъ. Съ 9-го вып. «Извѣстій» печатается *Описаніе таврическаго историческаго музея*, составленное А. Сѣницкимъ; описано пока 50 дѣлъ сосредоточеннаго архива при симферопольскомъ окружномъ судѣ. Менѣе замѣчательны: *Фирманъ султана Мухаммеда IV* митрополиту крымскому Давиду 1062 (1652) г., изданный Муратъ-бей-Біарслановымъ и замѣтка о *Джамітъу-т Гэбарихъ*, татарской рукописи, содержащей въ себѣ сокращенное изложеніе всеобщей исторіи, составленное секретаремъ Дивана Эмиръ Мухаммедомъ Аззасъ современникомъ султана Мюрада IV (1574—95 гг.).

Крымъ и по настоящее время представляетъ обширное поле для археолога. Раскопки въ разныхъ мѣстахъ его идутъ безпрерывно,

---

[1]) Сюда относятся №№ ордеровъ 71, 76, 82, 93, 95, 99, 105, 107, 132.

[2]) Таковы ордера: 68, 69, 72, 87, 97, 159.

и естественно поэтому встрѣчать въ «Извѣстіяхъ таврич. коммиссіи» массу замѣтокъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, о результатахъ этихъ раскопокъ. Къ этимъ замѣткамъ очень часто прилагаются снимки съ находимыхъ надписей и предметовъ древности. Таковы замѣтки Хр. П. Ящуржинскаго (*Археологическія раскопки въ Керчи въ 1887 г. Вновь открытая греческая катакомба въ Керчи. Керченскія древности;* въ послѣдней статьѣ описаны нѣкоторые предметы изъ частныхъ коллекцій), А. И. Маркевича (*Поѣздка въ старый Крымъ, Экскурсія на гору Бакла и въ дер. Мангушъ, Кермень Кыръ — укрѣпленіе вблизи Симферополя, Экскурсія въ Мангушъ* и др.), А. Стевена (*Генуэзская плита изъ Ѳеодосіи, Раскопки въ Херсонисѣ въ 1889 г.*), И. Журьяри (*Поѣздка въ ближайшія окрестности Бахчисарая*), А. Романюка (*Урочище Ай-Димитрій*). Въ 8-мъ вып. помѣщено описаніе монетъ Гази-Гирея хана бень Давлета. (1588—1607 г.), пожертвованныхъ въ музей коммиссіи О. Ф. Ретовскимъ. Впрочемъ, археологическія раскопки не даютъ замѣчательныхъ вещей. Обыкновенныя находки: амфорныя ручки, этрусскія вазочки, золотыя серьги, терракотовыя статуэтки, бронзовыя зеркала; очень часто курганы и могилы оказываются разграбленными. Болѣе важны изданныя г. Ящуржинскимъ греческія надписи, описаніе керченской катакомбы, раскопки въ Мангушѣ, Керчи и Старомъ Крыму.

Болѣе мелкія сообщенія помѣщаются въ отдѣлѣ смѣси. Самое интересное изъ нихъ—г. Лашкова: *Могила капитана амазонской роты Елены Ив. Шидянской въ Симферополѣ.* Эта рота существовала въ Крыму при Екатеринѣ II. Въ статьѣ приведены записки объ амазонской ротѣ, составленныя со словъ Шидянской. Изъ другихъ сообщеній упомянемъ: *Къ вопросу о каменныхъ бабахъ* А. В. Иванова и *Къ юбилею Одессы* А. Романюка.

Таковы матеріалы и статьи, помѣщенныя въ разсматриваемыхъ послѣднихъ шести выпускахъ «Извѣстій таврической коммиссіи». Сами Извѣстія выходятъ приблизительно три раза въ годъ подъ редакціею Ѳ. Лашкова. Къ статьямъ, по мѣрѣ надобности, прилагаются снимки, планы (обыкновенно литографіей, но есть и одинъ фотографическій снимокъ). Въ концѣ каждаго выпуска помѣщаются протоколы засѣданій коммиссіи (это гораздо удобнѣе, чѣмъ, какъ дѣлаютъ другія коммиссіи, помѣщать протоколы во главѣ, а документы и статьи въ видѣ приложеній къ протоколамъ). Вообще съ удовольствіемъ мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что таврическая архивная коммиссія, несмотря на то, что открыта позже другихъ, превзошла своею дѣя-

тельностью многія старѣйшія. Правда, и районъ ея дѣятельности въ историческомъ и археологическомъ отношеніи представляетъ болѣе обширное и плодородное поле, чѣмъ другая область. Жаль только, что наше общество мало вообще знаетъ о дѣятельности такихъ почтенныхъ учрежденій, какъ архивныя коммиссіи. Давно пора подумать объ основаніи ихъ во всякой губерніи.

Арк. Л—нко.

Н Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. К. 1890 г. 12 стр. + 7 табл. снимковъ.

Въ различныхъ музеяхъ и коллекціяхъ частныхъ лицъ уже собрано много памятниковъ русской старины. Немного изъ собраннаго издано, въ особенности общественными учрежденіями, здѣсь какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ частная инціатива шла впереди общественной. Что касается собственно кіевскихъ древностей, то относительно ихъ сдѣлано очень и очень мало. Крупные памятники, какъ напр. церкви, давно обратили на себя вниманіе и разработка ихъ шла раньше, идетъ и теперь, хотя не съ прежней энергіей. Что же касается мелкихъ предметовъ старины, то несмотря на большой интересъ, который они представляютъ, какъ необходимые для полной характеристики прошедшаго времени, мы, кромѣ летучихъ замѣтокъ и не многихъ снимковъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, не имѣемъ ничего. Настоящій сборникъ служитъ ко пополненію этого недостатка; вышедшій первый выпускъ заключаетъ снимки почти исключительно съ крестовъ и образковъ, относящихся къ первымъ временамъ христіанства въ Россіи и составляющихъ часть собранія древностей Н. Леопардова. Сборникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, которымъ мы и будемъ слѣдовать.

Въ предисловіи очерчена въ общихъ чертахъ судьба кіевскихъ памятниковъ, затѣмъ слѣдуетъ описаніе крестовъ, помѣщенныхъ въ таблицахъ, составленное Н. Леопардовымъ; не соглашаясь въ нѣкорыхъ случаяхъ съ объясненіями автора по поводу изображеній на крестахъ и датированія ихъ, объясненіями, въ основаніе большинства которыхъ легла не всегда въ данномъ случаѣ примѣнимая аналогія съ священными изображеніями изъ римскихъ катакомбъ, мы должны сказать, что эта часть не существенна, гораздо больше зна-

ченія имѣютъ слѣдующія далѣе таблицы снимковъ; онѣ сдѣланы фототипіей, такъ что вполнѣ точно передаютъ оригиналы, хотя иногда вслѣдствіе крупнаго рельефа помѣщенныхъ на крестахъ фигуръ, детали вышли не вполнѣ отчетливо. На первой таблицѣ помѣщено изображеніе двухъ небольшихъ крестиковъ тѣльниковъ, каменнаго креста съ оковками, мѣдной иконки и нѣсколькихъ энколпіоновъ [1]), у которыхъ сохранилась только одна половина; 2-ая таблица заключаетъ также нѣсколько маленькихъ крестиковъ и 5 крупныхъ энколпіоновъ, изъ которыхъ наиболѣе интересенъ по формѣ средній, найденный у с. Мазепинецъ васильковск. у.; 3-я таблица представляетъ оборотныя стороны крестовъ, изображенныхъ на 2-ой табл. На 4-ой табл. кромѣ шести небольшихъ энколпіоновъ изображенъ змѣевикъ [2]), небольшой круглый образокъ (на оборотной сторонѣ его находится не «фигура, въ родѣ герба», какъ говоритъ г. Леопардовъ, а обыкновенный византійскій крестъ съ аканѳами) и четыреугольный образокъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Рождества Христова, на другой св. Крещенія. 5 ая таблица—оборотъ 4-ой. Изъ помѣщенныхъ на этихъ таблицахъ крестовъ и иконокъ большинство найдено въ Кіевѣ или по близости его. Табл. 6-ая занята изображеніями крестовъ, иконки и др. предметовъ, найденныхъ въ Дрогичинѣ Надбужскомъ и принадлежащихъ К. В. Болсуновскому. Въ видѣ приложенія находится табл. 7-ая со снимкомъ съ иконы, гораздо новѣйшей, изображающей І. Христа, у котораго изъ прободеннаго бока поднимается виноградная лоза, обходитъ кругомъ креста, помѣщеннаго на второмъ планѣ и заканчивается кистью винограда, изъ которой Спаситель выжимаетъ сокъ въ подставленную ангеломъ чашу. Икона хорошаго письма, съ очевиднымъ западнымъ вліяніемъ, на ней помѣщена надпись, указывающая на мѣстное кіевское происхожденіе. За таблицами слѣдуетъ небольшая статья Н. Леопардова.—«По поводу Дрогичинскихъ находокъ»; въ ней авторъ, основываясь на нѣкоторыхъ предметахъ, найденныхъ въ Дрогичинѣ, высказываетъ мнѣніе, что «Дрогичинъ былъ мѣстомъ христіанской общины съ первыхъ вѣковъ нашей эры». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Предметы, послужившіе основаніемъ для такого заключенія

---

[1]) Энколпіоны—кресты, составленные изъ двухъ частей, между которыми помѣщались мощи.

[2]) Такъ называются предметы, имѣвшіе, по всей вѣроятности символическое значеніе; на одной сторонѣ ихъ помѣщается изображеніе святого или святыхъ и надписи, на другой—многоголовая змѣя.

автора, объясняются имъ односторонне. Символическіе знаки на свинцовыхъ пломбахъ[1]), сходные, по мнѣнію автора, съ таковыми, находящимися въ римскихъ катакомбахъ, не что иное какъ гербы и буквы славянскаго алфавита; на одной пломбѣ даже ясно читается имя Андрея; второй родъ предметовъ, которые авторъ считаетъ символическими крестами—пряжки и застежки отъ кожанныхъ поясовъ и сбруи, подобные которымъ часто находятъ въ городищахъ и курганахъ.

Два креста, относимые къ IV в. вслѣдствіе того, что на нихъ нѣтъ изображенія распятаго Христа, гораздо позднѣйшаго происхожденія,—одинъ изъ нихъ каменный, а на большинствѣ каменныхъ небольшихъ крестовъ, несомнѣнно позднѣйшихъ, также почти всегда нѣтъ никакихъ изображеній; другой крестъ свинцовый очень попорченный, такъ что разобрать на немъ нельзя ничего. Т. о. вслѣдствіе недостаточности доказательствъ вышеприведенное мнѣніе автора не можетъ быть принято. Заключаютъ сборникъ небольшія историческія замѣтки Н. Чернева о трехъ мѣстностяхъ—о с. Мазепинцахъ, Выдубецкомъ монастырѣ и Княжей горѣ, гдѣ главнымъ образомъ были найдены изображенные предметы.

Главная задача настоящаго изданія—дать точные снимки съ древностей; задача эта выполнена вполнѣ успѣшно и поэтому мы будемъ надѣяться, что и слѣдующіе выпуски, въ виду значенія, какое они представляютъ для русской археологіи, не замедлятъ своимъ выходомъ.

Н. Б.

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1890 годъ.—Выпускъ 4 й. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1890 г. Стр. 114+168.

Согласно разъ принятой программѣ, и 4-й выпускъ «Харьковскаго Сборника» распадается на два отдѣла—статистико-экономическій и литературно-научный.

Въ первомъ, кромѣ спеціальныхъ статей Л. О. Павловича, Ив. Шевырева, Юр. Мосолова, А. Краснова, посвященныхъ флорѣ и фаунѣ

---

[1]) Въ Дрогичинѣ находятъ сотни оригинальныхъ свинцовыхъ пломбъ, назначеніе которыхъ пока трудно объяснить.

харьковской губ., сельскому хозяйству и пр., обращаютъ на себя вниманіе «Экономическій очеркъ харьков. губ. за 1888 годъ» и статья А. Русова «Итоги земской статистики въ харьков. губ. за прошлое десятилѣтіе».

Въ первой статьѣ читатель найдетъ любопытныя данныя относительно состоянія земледѣлія, промышленности, торговли, движенія населенія и пр., вторая посвящена судьбѣ харьковской земской статистики. Авторъ знакомитъ насъ съ исторіею зарожденія статистическихъ работъ въ харьков. губ., ихъ характеромъ, достоинствами и недостатками, достоинствами и недостатками методовъ, употреблявшихся при изслѣдованіи, и извлекаетъ нѣкоторыя данныя для характеристики губерніи.

Литературно-научный отдѣлъ на этотъ разъ и бѣденъ содержаніемъ и мало интересенъ въ сравненіи съ предыдущими выпусками «Харьковскаго Сборника» [1]).

На первомъ планѣ напечатана статья г. П. И. «Народные разсказы о кладахъ», содержащая въ себѣ кромѣ замѣтокъ самого автора о происхожденіи этихъ разсказовъ и значеніи ихъ для характеристики народнаго міросозерцанія, и самые разсказы, записанные въ купянскомъ уѣздѣ сельскими учителями и учительницами со словъ крестьянъ. Разсказы сгруппированы подъ слѣдующими рубриками: 1) Кто зарывалъ въ землю клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ? 2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ клады изъ земли? 3) Свѣча надъ кладомъ; 4) Кладъ можно взять только съ молитвою; 5) Кладъ достается по назначенію; 6) Кладъ въ образѣ старика, коня или жеребенка, собаки, быка или теленка, барашка, свиньи, пѣтуха, квочки; 7) Какъ народъ объясняетъ происхожденіе различныхъ видовъ клада? 8) Кладоискатели, шутки надъ ними и пр.

Къ купянскому же уѣзду относится и замѣтка сельскаго учителя г. М. Скубана объ одеждѣ крестьянъ сл. Араповки. Г. Скубанъ описываетъ какъ самую одежду, такъ и матеріалъ, изъ котораго она приготовляется, сообщаетъ повѣрья, къ ней относящіяся, а также и ея приблизительную стоимость. Одежда молодаго мужчины стоитъ въ среднемъ выводѣ 45 руб. 57½ коп.; старика—36 руб. 75 коп., молодой женщины—53 руб. 30 коп., старухи—42 руб. 60 коп., мальчика 14 руб. 35 коп., дѣвочки 15 руб. 52½ коп. Носится она отъ 1—6 лѣтъ, только кожухъ—лѣтъ 20 (?)

---

[1]) См. „Кіев. Ст." 1887 г., кн. 3; 1889 г., кн. 1; 1890 г., кн. 2.

Археологіи края посвященъ рефератъ проф. Д. И. Багалѣя «Общій очеркъ древностей харьковской губ.», читанный имъ въ извлеченіи на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Рефератъ представляетъ попытку сгруппировать матеріалъ, относящійся къ харьковскимъ древностямъ, и сдѣлать характеристику важнѣйшихъ видовъ мѣстныхъ памятниковъ до-исторической старины. Авторъ указываетъ на существованіе народа въ предѣлахъ харьковской губ. уже въ *каменный* періодъ; характеризуетъ памятники *бронзоваго* и *желѣзнаго* періодовъ, причемъ склоненъ предположить, что памятники эти принадлежатъ скорѣе народу скиѳскаго происхожденія, чѣмъ славяно-русскаго, какъ думалъ И. А. Зарѣцкій. Клады, находимые въ предѣлахъ харьк. губ., дѣлятся по времени на двѣ большія группы: римская—I—III вѣк., византійская и восточная—VI—IX вв. Византійскія монеты VI вѣка могли попасть въ харьков. губ., благодаря сношеніямъ славянъ съ хозарами.

Болѣе подробно г. Багалѣй останавливается на *городищахъ*, которыхъ въ харьков. губ. ему извѣстно 42; они расположены главнымъ образомъ по двумъ рѣчнымъ бассейнамъ, причемъ на долю днѣпровскаго приходится 23, на долю донецкаго 18. Авторъ относитъ ихъ къ домонгольскому періоду и старается доказать, что Русь обнимала большее пространство, чѣмъ мы знаемъ по лѣтописи. Средне-донецкій бассейнъ принадлежалъ также ей. Къ сожалѣнію только, отсутствіе подробныхъ ссылокъ дѣлаетъ довольно затруднительной провѣрку его мнѣнія.

Въ заключеніе г. Багалѣй упоминаетъ о каменныхъ бабахъ, указываетъ на неизслѣдованность могилъ, на которыхъ онѣ находятся, и выражаетъ желаніе, чтобы въ Харьковѣ былъ основанъ свой мѣстный музей древностей. Конечно, такому желанію можно только сочувствовать.

Кромѣ этихъ трехъ статей «Литературно-научнаго отдѣла», остальныя заслуживаютъ меньшаго вниманія. Онѣ заключаютъ въ себѣ мало интереснаго.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ біографію давно всѣми забытаго учителя 2-й харьковской гимназіи С. Л. Геевскаго, а прот. Н. Лащенковъ, пользуясь исполнившимся въ 1890 году столѣтіемъ со дня рожденія П. П. Гулакъ-Артемовскаго сообщилъ нѣкоторыя черты изъ біографіи этого писателя и бывшаго ректора харьков. университета, и привелъ два письма къ нему преосвященныхъ Иннокентія харьковскаго и Гедеона Полтавскаго. Письмъ этихъ, впрочемъ, мож-

но было бы и не печатать. Иннокентій благодаритъ за поздравленіе съ днемъ ангела и соглашается на опредѣленіе учителя пѣнія въ институтъ, а Гедеонъ все время говоритъ только о погодѣ.

М. Н. Савиновъ сообщаетъ анекдоты объ И. Н. Рейнольскомъ, своего рода харьковскомъ «юродивомъ», который въ морозы по улицамъ ходилъ въ вицъ-мундирѣ, говорилъ вмѣсто «губернаторша» — «кормчая», вмѣсто «студентъ-филологъ 3-го курса харьковскаго университета» — «занимателъ-словесникъ третьяго бѣга харьковской всеобщницы» и т. п. Мы сомнѣваемся въ умѣстности помѣщенія подобныхъ анекдотовъ въ «Харьковскомъ Сборникѣ». Они вызываютъ только улыбку, но не характеризуютъ ни времени, ни той среды, гдѣ жилъ и вращался Рейнольскій.

Въ концѣ 4-го выпуска помѣщенъ «Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 г. по 1879 годъ»; здѣсь же приложена и краткая біографія составителя его Г. С. Чирпкова († 1881).

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 11.—Русская Мысль № 11.—Сѣверный Вѣстникъ № 11.—Русская Старина № 11.—Историческій Вѣстникъ № 11.

Вѣстникъ Европы. XI. Въ отдѣлѣ «внутреннее обозрѣніе» излагаются фактическія данныя, относящіеся къ городскому самоуправленію кіевской губерніи (стр. 367—380).

Сѣверный Вѣстникъ, XI. Въ отдѣлѣ критики: Краткая рецензія на книгу: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». Посмертное сочиненіе С. Т. Аксакова, Москва, 1890 г.

Русская Старина. XI. Николай Васильевичъ Гоголь. Приведено еще 7 писемъ къ нему А. О. Смирновой.

Историческій Вѣстникъ XI. М. А. Д.—Полтавскій кадетскій корпусъ въ первые годы его существованія.—Воспоминанія бывшаго кадета первыхъ

выпусковъ (за время съ 1842 по 1847 году). По поводу предстоящаго 6 го декабря пятидесятилѣтія курпуса (стр. 444—476).

Въ отдѣлѣ смѣси: «Присужденіе Уваровскихъ премій»--излагаются краткія рецензіи на увѣнчанныя преміями сочиненія Ал. Лазаревскаго, «Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія землевладѣнія и управленія. Т. I. «Полкъ Стародубскій» и П. Житецкаго:—«Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVII вѣкахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1891 г. на ежемѣсячный литературно-научный и политическій

журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Условія подписки.

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 р. 50 к.
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи. .	13 р. 50 к.
На полгода.	7 р. 50 к.
На четверть года	4 р. — к.
За границу	15 р. — к.

Условія подписки.

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ главную контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкою 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе «Сѣвернаго Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9 и въ отдѣленіяхъ конторы—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ д. 67, а также въ книжн. магаз. И. А. Розова, въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.: въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостиный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

№ 2. 3—2. Редакторъ-издатель *Б. Глинскій.*

Открыта подписка на 1891 г. (одиннадцатый годъ изданія).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная, выходитъ ежедневно.

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногороднимъ . .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ конторѣ подписки и объявленій Н. Матисена, Б. Конюшенная, № 29; въ Москвѣ—въ конторахъ объявленій и подписки; А. Сенъ-Мартенъ, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; Н. Печковской, Петровскія линіи; Л. Шабертъ, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій бывш. Л. Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро Н. Доничъ и К°, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ Полтавѣ—въ конторѣ И. А. Дохмана. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Laffite et C°, Place de la Bourse

№ 3. 3—2. Редакторъ-издатель *А. А. Гозефовичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. ГОДЪ 2-й.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое этнографическимъ отдѣломъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при импер. московскомъ университетѣ,

Подъ редакціей секретаря отдѣла **Н. А. Янчука,**

при участіи слѣдующихъ лицъ: проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Багалѣя, Е. В. Барсова, П. М. Богаевскаго, В. Н. Бондаренка, акад. Ѳ. И. Буслаева, М. К. Васильева, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф.

Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка. М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. А. Дикарева, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова. И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Ѳ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго, Ю. Н. Мельгунова, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сопунова, В. И. Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Ѳ. Сумцова. А. А. Титова, акад. Н. С. Тихонравова, В. Тихонова, В. К. Трутовскаго, профес. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хахановa, П. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др.

Изданія посвящено всесторонненму изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія
8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія, портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки. 1-я кн.—въ началѣ марта. 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова, (Моск., Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва).

ВЪ 1891 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

журналъ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/15 февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписаться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56). XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62). XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67). XXXI (1867—68). XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70). XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 г. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1890 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1890 гг. по 1 руб. № 5. 3—2.

Дозволено ценз. Кіевъ, 8-го декабря 1890 г.

Гильце-деревце изъ ялины,
Тай зъ червонои калины,
Тай зъ зелененькихъ вышинекъ,
Тай зъ червоненькихъ ягидокъ,
Тай зъ зеленого терныку,
Тай зъ хрещатого барвинку.

Когда гильце готово, то поютъ:

10.

Була зима—була зима,
Та стала весна;
Насіяла чернобрывцивъ,
Тай замижъ пишла.
Ростить, ростить, чернобрывци,
Тай росцвитайтесь;
Ходить, ходить, подружечки,
Тай квичайтесь!
Ой якъ-же намъ росцвитаться,
Туманъ налягa;
Ой якъ-же намъ квичатыся
Подруги нема! [1])

Затѣмъ начинается „дивычь—вечиръ“, во время котораго дивчата поютъ:

11.

Жалуй мене, моя ненько,
Жалуй та не лай,
Та въ чужую стороненьку
Замижъ не давай.
Бо чужая стороненька
Безъ витру шумыть;
Чужій батько—чужа ненька
Не бьють—та болыть,
Якъ увійде у свитлоньку
Тай загомоныть,
А у мене, молодои,
Серденько заболыть,
Що чужая дытынонька
Ничимъ не вгодыть:
Ни мыскою, ни ложкою, ни водою,
Ни своею дивоцькою красотою!

12.

Чи мы тоби, Наталко, не казалы,
Чи мы твого серця не втишалы,
Нейды, нейды, тай до броду
Рано по воду.
Та не слухай голубонькивъ,
Де два загудуть,
Воны тебе, молодую, тай израдять,
Одъ батенька до свекорка перемanять.

[1]) Ср. Чубинскій, № 141.

А свекорко—не батенько,
Не бье—та болыть,
А свекруха—не матинка
Съ кымъ стане—судыть:
Сонлывая, дримлывая, невистка моя,
Що не хоче при мисяцю
Воды принесты;
Що не хоче при свиченьки
Свитлоньки мести!
Якъ носыла водыченьку
Такъ буду носыть,
А не ходы до сосиды
Ты мене судыть!
Не ходы до сосиды
Огню позычать,
Та не ставай зъ сосидою
Мене трахтовать!

13.

Ходыла Наталка по кимнати,
Та будыла неньку свою зъ кровати.
Вставай, вставай, ненька моя,
Годи тоби спать!
Бо вже мини въ твоій хати
Не викъ виковать,
Одну ничку субботнюю
Тильки переночувать,
Одинъ денёкъ недиленьки
Зъ вамы погулять.
Такъ якъ одынъ день,
Субботонька—неділенька
Жалуй мене, моя ненько,
Хоть цей тыждень!
Жаловала, дочко моя,
Якъ була моя,
А теперь надъ тобою
Неволя моя,
Нехай тебе пошануе
Дружина твоя! [1])

14.

Ой жаль мини, ненько моя,
Тай на тебе,
Даешь мене молодую
Тай отъ себе;
Остается рута-мята
Тай у тебе.
Й руточка й мяточка зелененька,
То садыла Наталка молоденька.
Ой уставай, моя ненько, ранесенько,
Та полывай руту-мяту частесенько.
Вставатыму, дочко моя, раньше тебе—
Й раннимы й пизнимы зирочкамы,
Й дрибнымы — жалибнымы слизочкамы.

15.

Продай, продай, мій батенько,
Свій вышневый садъ,
Та справъ мини, мій батенько,
Дорогій нарядъ.
Зеленую шубочку ажъ до долу,
Дорогіе черевычки на нижечки,

[1]) Эта пѣсня записана нѣсколько иначе „Степъ“ № 67 стр., 196 и Чубинскій № 286.

А доброе намыстычко
На билую шію!
На що тоби, дитя мое,
Дорогій нарядъ,
Якъ пидешь ты до свекрухы
Той ёму не радъ!
Зеленая та шубочка
Излежицця,
Дорогіе черевыки,
Пыломъ припадуть,
А доброе намыстычко—
Зовыци порвуть!
А я тимъ зовыцямъ
Тай склонюся;
Неньци своій риднесенькій
Похвалюся,
Ненька моя риднесенька
Затоскуе,
Та затоскуе вона
Напрасно!

Когда невѣста сирота, то поютъ дословно № 46 и 139 „Степъ“, и еще:

16.

Зеленая пшеныченька
На яръ полягла,
Десь у тебе, та Наталко,
Неньки нема!
Якъ бы у мене подружечки
Ненька була;
Вона-бъ мини, подружечки,
Порядокъ дала.
А то у мене, подружечки,
Неньки нема,
То у мене порядку нема:
Стоять столы тесовые—
Не застелены;
Стоять пляшкы хрусталёвы—
Не налываны;
Сидять гости дорогіе—
Не частованы.

17.

Ты соловейко, мыленькій,
У тебе голосъ тоненькій,
Не щебечи рано на зори,
Не завдавай жалю мини!
Бо я живу въ чужій сторони,
Нема роду при мини,
Нема роду—родыны,
Ни вирнои дружины.

У жениха тоже „вьють гильце“, но потомъ онъ съ буярами присутствуетъ у невѣсты; его не выряжаютъ изъ дому, какъ описано въ „Степу“, это у насъ дѣлаютъ въ воскресеніе. Въ субботу дивчата ужинаютъ у невѣсты, потомъ ихъ буяре провожаютъ домой.

Въ воскресеніе дивчата собираются къ невѣстѣ, садятся за столъ и поютъ до прихода жениха слѣдующія пѣсни:

18.

Черезъ синечокъ—двое дверечокъ
Щей вышневый садокъ,
Ой тамъ Наталка овесъ сбирала,
Голубонькивъ годувала.
Годувала й напувала,
Зъ голубонькамы розмовляла:
—Голубоньки мои, загудить мини,
Защебечить, соловейки,
Завдайте жалю темному лугу
Щей батеньку моему.
Що винъ мене дае й самъ не знае
Щастя й доли не гадае!
—Доненько моя! не самъ я—
Господь!
Просы, доненько, Господа Бога,
Щобъ щастлыва була доля!
—Уже й просыла, уже й молыла
Доленька нещастлыва!

19.

Оце тоби, ненько моя,
На отходи,
Посадыла травяночку
На горбди.
Росты, росты, травяночка,
Не хылыся!
Живы, живы, ненько моя,
Не журыся!
—Ой якъ мини не хылыцця
Витеръ повива;
Ой якъ мини не журыцця,
Дитя покыда:
Никому постеленьки послать,
Никому головоньки обиськать!

20.

Чи не жаль тоби, моя ненько,
Мене буде,
Якъ мене у твоій хати
Тай не буде?
Тай не будуть подружечки забигать,
Тай не будуть кватырочки одчинять,
Тай не будуть на улыцю выклыкать,
А йтымуть подружечки поузъ твій двиръ
Тай не зайде, не загляне,
Ни одна у твій двиръ.
Йтымуть, ненько моя, та будуть спивать,
Тай будуть тоби, ненько моя, жалю завдавать.
Тай нестымуть черешеньку зъ ягидкамы,
Умышься, ненько моя, слизонькамы.
Не разъ—не два, ненько моя, тай заплачешь,

Покы мене въ своій хати тай побачешь,
Не разъ—не два, ненько моя, тай затужешь,
Покы мене, черезъ люды, тай почуешь,
Не разъ, не два, ненько моя, тай заплачешь,
Якъ моихъ подружечокъ де побачешь,
Не разъ не два, ненько моя, тай затужешь,
Якъ ты моихъ подружечокъ тай зачуешь!

21.

Ой по пидъ лисомъ бытая дориженька,
А на взли́си рубленная крыныченька.
Ой туды йшовъ Иванъ съ буярамы,
Ёму калына дорогу заступыла.
Вынувъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до ёго промовляты:
—Не рубай мене гострою шабелькою,
А укрый мене красною китайкою.
Не для тебе ця калына сажена,
А для тебе Наталка зряжона,
А для тебе на посадъ посажена!

Когда женихъ подходитъ, то поютъ:

22.

Первыи послы прыйшлы,
Не умію̀ть говорыты,
Ни шапочки зняты,
Ни рученькы даты.
Шапочка прышытая,
Рученька прыбытая [1]),
Дайте имъ вына,
Щобъ умилы говорыты,
Дайте имъ напытыся,
Щобъ умилы склонытыся!

Въ воскресеніе изъ церкви, женихъ идетъ домой, гдѣ съ дружкомъ, буярами, свитылками и свашками обѣдаетъ, во время обѣда пьютъ не болѣе какъ по двѣ рюмки водки. Послѣ обѣда, дружку́, буярамъ, свитылкамъ и свашкамъ пришиваютъ красныя ленты, мужчинамъ къ шапкамъ, а женщинамъ къ платкамъ. Дружко

[1]) Этими словами въ „Степу“ № 80 заканчивается—у насъ поютъ полнѣй.

благословляется вести въ путь молодого, котораго благословляетъ мать; онъ беретъ „гильце“, а дружко платкомъ выводитъ изъ хаты. За порогомъ во дворѣ стоитъ дижа, на ней: хлѣбъ, ведро воды и кружка; дружко обводитъ жениха три раза вокругъ дижи, а мать въ это время обсыпаетъ его: овсомъ, конфектами, пряниками, орѣхами, деньгами и проч., присутствующія дѣти подбираютъ, а всѣ взрослые поютъ:

23.

Сынъ, матинко, овесець,
Щобъ нашъ овесець рясный бувъ;
Щобъ нашъ Иванъ (имя жениха)
Щастливый бувъ!

Мать беретъ съ дижи хлѣбъ, благословляетъ сына, беретъ за платокъ, который въ рукѣ жениха и выводитъ со двора, свашки и свитылки дорóгою поютъ:

24.

Ивана ненька родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонечкомъ пидперезала,
До тещи выряжала.
До тещи гордóи,
До Наталки молодои.
— Выряжай-же, моя ненько,
Швыденько,
До тіи тещи гордóи
До Наталки молодои!

25.

А у Ивана ласкавая ненька,
Забарыла насъ ласкавымы словамы;
Годувала насъ билымы калачамы,
Напувала насъ пывамы та медамы,
Выряжала насъ зъ скрыпкамы зъ цымбаламы.
Дай Боже, сынови добру годыночьку,
Пиды сыну въ чужую стороночьку,
Прывезы сыну чужую дытыночьку.
— Ой не такъ, маты, чуже дытя взяты,
А треба, маты, у порога постояты,

Та треба, маты, три подарочки даты:
Первый подарокъ червоны чобиткы,
Другій подарокъ—золоты пидкивкы,
Третій подарокъ парчевый очипокъ;
Та тоди тилькы, маты,
Чуже дытя взяты! [1])

Компанія, идущая съ женихомъ, несетъ: 50 шишекъ, 1/2 ведра водки въ бутылкахъ, борону изъ тѣста, на которой сидитъ погоничь тоже изъ тѣста, сапоги для матери невѣсты, а невѣстѣ очипокъ. Когда молодой приближается, парни затворяютъ ворота и не пускаютъ, пока не дадутъ бутылку водки; иногда обманываютъ, даютъ бутылку съ водой. Входятъ во дворъ и останавливаются около порога. Въ хатѣ дружки поютъ „Степъ“ № 48 и еще:

26.

Ой розступицця, вы горы камьяные,
Будуть йихать буяре молодые,
Будуть губыты китыци золотые.
Десь узялась свашенька молоденька,
Тай позбирала китыци золотые,
Та звыла вона три виночка дорогые,
Одынъ соби, а другый старостоньци,
А третій тому, хто въ чужій сторонъци.

27.

А у свата пидъ свитлыцею,
Стоить верба зъ росыцею,
А хто тую вербу пидрубае?
А Иванъ вербу пидрубае,
А Наталка росу позбирае.
А вербою кони поганять,
А росою лычко умывать! [2])

---

[1]) „Степъ“ № 42.

[2]) Иногда эту пѣсню поютъ свашки и святылки во дворѣ невѣсты.

Потомъ свитылки и свашки поютъ:

28.

Ой доки-жъ мы та стоятымемъ,
Сыру землю та топтатымемъ,
Червонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы?
Свату, свату,
Пусты насъ у хату;
Тутъ насъ, свату, не багацько:
Тилькы свашка, та свитылочка,
Иванова уся родыночка.
Мы вамъ, свату, не докучемо,
Тилькы кожухы пересушемо,
Та Наталку соби визьмемо! [1])

Буяринъ благословляется войти въ хату съ гильцемъ; когда входитъ, то долженъ выкупить гильце невѣсты, которое стоитъ на столѣ, тогда его убираютъ и ставятъ женихово гильце. Когда буяринъ даетъ деньги, дружки недовольны и поютъ:

29.

Було-бъ тоби у буяре не йты,
Було-бъ тоби день молстыты,
Грошей заробыты,
Гильце выкупыты [1]).

Онъ прибавляетъ, — тогда отдаютъ. Въ насмѣшку буярамъ поютъ,—когда они хотятъ отнять гильце:

30.

Йижте, буяре, капусту,
Не сподивайтесь на моркву,
Бо внадылась свыня зъ боку,
Та вырыла усю моркву.
Йилы буяре юшку,
Та вкралы галушку,
Сюды туды поверталыся,
Галушкою подилялыся,
Самый старшій поспишився,
Галушкою подавывся.

Старшая дружка выходитъ изъ за стола, беретъ бутылку съ водкой и рюмку на тарелкѣ, идетъ на дворъ къ жениху, подноситъ рюмку водки и поетъ:

---

[1]) Ср, „Степъ“ № 52, Чубинскій, № 1254.
[2]) „Степъ“ № 85.

31.

Не знаемъ тебе, якъ званы,
Маемъ тебе частуваты,
Просымо тебе до господы!

Женихъ бросаетъ ей 15—20 коп., обязательно серебряныхъ, и пьетъ водку, потомъ наливаетъ ей въ ту же рюмку своей водки; а буяринъ даетъ ей кружку съ водой, она беретъ и сливаетъ старостамъ, а дружки поютъ:

32.

Мыють старосты руки,
Поглядаютъ на килочкы:
Чы не высять рушнычкы
Нашойи паняночкы [1]).

Даютъ рушники вытирать руки, старосты берутъ и перевязываются ими, а дружкѣ бросаютъ на тарелку 3—5 коп.; дивчата поютъ:

33.

Не дывуйтесь, старосты,
Що коротки рушныкы;
Прядиво не уродыло,
Стара маты не вробыла,
А я, молоденька
Гуляты раденька [2]).

Тогда выходятъ отецъ и мать невѣсты къ жениху; дружко беретъ у жениха борону съ погоничемъ и даетъ отцу; тотъ беретъ, разсматриваетъ и говоритъ, что борона никуда не годится, а погоничъ кривой или слѣпой, женихъ даетъ 10—15 коп. на исправленіе и подчуетъ своей водкой, тесть пьетъ, благодаритъ и даетъ въ подарокъ платокъ, который дружко вырываетъ, три раза махаетъ надъ головой жениха, вытираетъ ему носъ и подпоясы-

[1]) „Степъ“ № 82, стр. 203.
[2]) „Степъ“ № 83.

ваетъ тѣмъ-же платкомъ; тесть подчуетъ зятя своей водкой, сваха подноситъ тёщѣ сапоги, а женихъ даетъ 10—15 коп. на „пидковы“; тёща надѣваетъ сапоги и идетъ на музыку танцовать и поетъ: „Оце ціи чоботы, що зять давъ, а за ціи чоботы дочку взявъ“... и т. д.

Тесть подчуетъ водкой сватовъ и свахъ, которымъ даютъ по шишкѣ и рушнику.

Жениха ведутъ въ сѣни, но тутъ выскакиваетъ какая нибудь изъ тетокъ невѣсты въ вывороченомъ кожухѣ и пугаетъ жениха; буяринъ её отталкиваетъ и выхватываетъ горшокъ съ водой, который долженъ быть у нея въ рукахъ, и забрасываетъ чрезъ голову подальше. Въ сѣняхъ другая тётка невѣсты встрѣчаетъ жениха съ рѣшетомъ въ рукахъ, она подходитъ къ жениху и ко всѣмъ его родственникалъ и поетъ:

34.

Рѣшето тараточе,
Чогось воно хоче,
Срибного-золотого
Отъ князя молодого!

Ей какъ женихъ, такъ и его родственники бросаютъ по 1—2 коп. въ рѣшето, она беретъ и уходитъ.

Ведутъ жениха въ хату и опять задерживаютъ, онъ подчуетъ водкой. Невѣста сидитъ за столомъ, на головѣ у нея калачъ, на которомъ лежатъ двѣ ложки, связанныя красной лентой, все это и лицо покрыто рушникомъ, дружки въ это время поютъ:

35.

Глянь-же ты, Наталко.
Кризь калачь
Карымы очима
Тай заплачъ.
Ось твій иде,
Розмай коса,

Потеряй краса,
Гориховый цвитъ,
Що завьязавъ свитъ! [1]).

Возлѣ невѣсты стоитъ братъ съ палкою и не пускаетъ, женихъ его упрашиваетъ, онъ замахивается палкою и говоритъ: „Я качаны кравъ та сестру годувавъ, а тоби дурно не отдамъ"! Женихъ даетъ ему деньги, а дивчата поютъ:

36.

Не стій, зятю,—не стій, зятю,
За плечима,
Не свиты, зятю,—не свиты, зятю,
Карымы очима.
Заглянь, зятю,—заглянь, зятю,
У кешеню:
Выймы, зятю,—выймы, зятю,
Грошей жменю.

Десь у зятя—десь у зятя
Тай грошей немае,
Що шурына зъ мисця
Не скупляе.
Пиды, зятю,—пиды, зятю,
На тикъ молотыты,
Щобъ шурина—щобъ шурына
Зъ мисця скупыты [2]).

Свашки жениха имъ отвѣчаютъ:

37.

Не пиде, зять,—не пиде, зять,
На тикъ молотыты.
Есть у зятя,—есть у зятя,
Коныкъ вороненькій,
Скýпе ёго,—скýпе ёго,
Братичокъ ридненькій!

Женихъ даетъ ему еще денегъ, тогда братъ отходитъ и говоритъ сестрѣ, что онъ ее продалъ; дивчата поютъ:

38.

Ой татарынъ, братичокъ, татаринъ.
Продавъ сестрыцю, якъ даромъ:

[1]) Ср. „Степъ" № 94.
[2]) Степъ № № 86, 87; Чубинскій, стр. 588.

Русу-косу за пьятакъ
Биле лыченько отдавъ такъ [1]).

Сестра невѣсты беретъ цвѣтокъ изъ вѣнка невѣсты и пришиваетъ жениху на шапку; а дивчата поютъ:

39.

Ой дай маты голку
Й ныточку шовку—
Прышиты виночокъ,
Князю молодому.
Я зятю не дытына,
Щобъ шагы личыла,
Я, зятю, така, якъ ты,—
Кыдай, зятю, все пьять та три.
Я на цее не дывлюся,
Одъ зятя одвернуся,
До стины очыма,
До зятя плечыма,
Бо я въ батька не гуляла,
Барвинокъ полывала;
Полывала барвиночокъ
Зятеви на виночокъ,
Бо я въ батьковій хати,
На батьковій лави,
Давъ мини батенько волю,
Зяте, надъ тобою! [2]).

Женихъ подходитъ, раскрываетъ невѣсту и цѣлуетъ; невѣста встаетъ, молится иконамъ, цѣлуетъ хлѣбъ, принесенный женихомъ, кланяется: отцу, матери, дядькамъ, тёткамъ, всѣмъ родственникамъ и цѣлуется съ ними. Дивчата поютъ:

40.

Похыльчасте то дерево—ялына,
Покирлыве то дитятко Наталка.
Прыступысь, Наталко, та близенько,
Поклонысь отцю—неньци та нызенько.
Прыступысь, Наталко, ище блызче—
Поклонись отцю—неньци ище нызче.
Кланяеться, Наталка, кланяеться,
Та дрибными слизонькамы умываеться.

Если невѣста сирота, добавляютъ:

Оглянысь, Наталко, назадъ себе,

[1]) „Степъ“ № 88.

[2]) Ср. Степъ № 90. Чубин. № 383.

Чи вся твоя родынонька коло тебе?
— Вся моя родынонька,
А неньки нема, (или батька)
Та тымъ мене молодую
Журьба обняла [1]).

Дружки просятъ невѣсту, чтобы оно спѣла имъ. Она поетъ;

41.

Дружечки, голубочки,
Чужа сторона доведе до сорома.
Не уміемо и не сміемо,
Просымо васъ!

Они поютъ:

42.

Ой якъ тоби,
Наталко, издаеться,
Що вже твое
Дивования мынаеться?
— Ой такъ мини,
Подружечки, издаеться,
Кругомъ серце
Кровью льеться—скипаеться,
Що вже мое
Дивования мынаеться!

43.

Прощай, прощай ты, Наталко,
Сестра наша!
Теперъ мы не твои,
Ты—не наша!
Прощай, прощай ты, Наталко,
Мы уже идемо,
Уже твое дивования,
Мы соби беремо!
— Берить, берить, подружечки,
Тай не лайтесь,
Вы-жъ моимъ дивованнямъ
Подиляйтесь.

Затѣмъ дружки поютъ:

44.

Уже мы понудилы,
Свитонька не видилы,
Хочемо погуляты,
На двиръ танцюваты.

На двиръ танцюваты,
Буяръ выглядаты:
Чы не крыви, чы не горбаты,
Чы уміють танцюваты,

[1]) Ср. Степ. № 93, Чуб. № 112.

Чы высоки пидборы,
Чы чорни бровы:
У старшого ноги
Таки якъ у рака,
А самъ рудый, якъ собака,
Щей безъ верхнёи губы,
Якъ пье водку—выдно зубы! [1])

Дружко благословляется вывести молодого и молодую *на прогулянне* къ музыкѣ, куда они идутъ съ дивчатамы, но не танцуютъ. Женихъ незамѣтно уходитъ въ отдѣльную комнату, а невѣста остается на нѣкоторое время и танцуетъ съ буярами.

Часа за два до вечера кладутъ сундукъ и подушки, назначенныя въ приданое, на повозку; но предварительно братъ невѣсты продаетъ ихъ, получая не менѣе 30 коп., шишку и рюмку водки. Везетъ какой-нибудь изъ старостовъ съ двумя свашками, везутъ всегда на волахъ. Огъѣхавъ нѣсколько, погоничъ останавливается и говоритъ, что у него *„привій порвався“*; ему даютъ рушникъ и рюмку водки; нѣсколько дальше опять останавливается и говоритъ, что возъ немазанный, его подчуютъ.

Когда заберутъ приданое, заводятъ жениха и невѣсту за столъ; съ ними садятся и дружки. Вносятъ дижу, на которой лежатъ: коровай, очипокъ и два рушника. Дружко и пиддружій берутъ рушники и благословляются коровай дѣлить. Дивчата поютъ:

45.

Ой, глянь на поригъ,—дыво!
Несуть твойе дило:
Якъ биръ билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
Биле извывання,
Вичне покрывання.
Изъ билого цвиту,
Есть ёго по всимъ свиту;
Биле, не лынюще,
Всимъ дивкамъ не минуще [2]).

Потомъ:

46.

Нашъ пивень билокрылый,
Нашъ дружко чорнобрывый;
Не жаль ёму даты
Коровай роскрайюваты.
Нашъ дружко коровай крайе,
Семеро дытей майе;
Та вси зъ кошелькамы,
Увесь коровай забралы [3]).

[1]) Ср. Степъ № 68. Чуб. № 803.

[2]) Степъ № 95 стр. 209 дословно.

[3]) Степъ № 103 тоже самое, только безъ 3 и 4 ст.

Когда раздѣляютъ коровай, свашки берутъ очипокъ, надѣваютъ невѣстѣ и поютъ:

47.

Покрывалочка плаче,
Покрываться хоче,
Чепчыка-кыбалочки
На свою головочку.
Дай Боже цилуватыся,
Милуватыся,
Одъ молодости
До старости [1])!

При этомъ свашки цѣлуются между собою; а дивчата поютъ:

Що-жъ бо ты, свашенько, робышъ,
На що-жъ ты кисоньку ломышъ?
Ой, косо, руса, кохана!
Яжъ тебе, кисонько, кохала,
Що субботоньки чесала,
Що недиленьки зряжала,
За одынъ вечиръ стыряла [2])!

49.

Искынь, искынь, бо не годиться,
Краще дивка, якъ молодыця.
Искынь, искынь, бо не подоба,
Не прыстайе очипокъ до лоба [3]).

Свашки поютъ въ отвѣтъ:

50.

Якъ сами схотилы,
Такъ и зробылы;
Зъ кныша паляныцю
Зъ дивчины молодыцю;
Заплелы-бъ у дрибнушкы,
Посадылы-бъ у дружкы,
Калыною обквичалы,
Вы-бъ ии не пизналы!

Дивчата отвѣчаютъ:

51.

Якъ-бы мы схотилы.
Мы-бъ ии розвертилы,

52.

Ой, ненько, уже не раненько,
Чомъ не вчишь мене, ненько?
— Якъ тебе вчиты,
Жаль тебе быты.
Будь сама склонлыва,
Держи въ свитлонци, якъ у виночку,

[1]) Ср. Степъ № 98. [2]) Ср. Степъ № 96. [3]) Степъ № 97.

И рушничокъ на килочку.
Держи видерце чистесенько,
Водыци повнесенько.
Свекорко війде въ свитлыцю,
Гляне, винъ тебе не налае:
Доброго батька—добра дытына,
Вона мини угодыла.
А свекору годы:
Билу постиль стелы.
А свекруси годы:
Свитлоньку уберы.
А диверу угоды:
Билу сорочку перы.
А зовыци угоды:
Русу косу чешы [1])!

Свашки поютъ дивчатамъ:

53.

Ой, пора вамъ, дивчатка, прощатыся,
Зъ нашею Наталкою розстатыся,
Теперь вона тай не ваша,
Теперь вона наша,
Бо вже-жъ вона пидъ винцемъ стояла,
Хрестъ цилувала, прысягу давала [2]).

Дивчата поютъ:

54.

Брала Наталка лёнъ,—лёнъ,
Выганяла дружечокъ вонъ, вонъ!
Идить дружечки зъ хаты,
Мини зъ вамы не гуляты,
Й калыны не ламаты.
— На що було зазываты,
Якъ зъ хаты выганяты?! [3])—

Тогда буяринъ благословляется вести старшую дружку; ее ведутъ подъ руки и поютъ № 43; вся компанія дружекъ и буяръ идутъ къ ней, гдѣ отецъ старшей дружки угощаетъ обѣдомъ и

---

[1]) Степъ № 9 почти тоже, только тамъ поютъ, когда шьютъ приданое невѣстѣ.

[2]) Степъ № 104 дословно.

[3]) Ср. Степъ № 105. Чуб. стр. 560.

водкой, которой выпиваютъ 1/4 или 1/2 ведра, это называется *„дружчины отбувать“*.

Оставшіяся свашки со стороны невѣсты поютъ:

55.

Чого ты, Наталко, сыдышъ?
Чомъ не дякуешъ батькови?
Уже коныкы позапряжены,
Музыченьки понаряжены,
Тилькы систы тай поихать.
—Велю конькамъ вивса дать,
А музыченькамъ пидождатъ;
Покы прыйде батенько зъ саду
До мене на пораду.
Скоро батенько на поригъ,
Упала Наталка нызенько до нигъ:
Спасыби тоби, мій батеньку,
За твое коханнячко,
Що я у тебе гуляла,
Важкои роботы не знала:
А за юпочку, та на улечку,
А за виночокъ, тай у таночокъ
Погуляты до дивочокъ [1]).

56.

Ой по гори лѣнъ,
А по лѣну витрецъ віе,
Молодая дивко, Наталко,
Тебе батенько клыче!
—Нехай клыче,
А винъ мене не доклычецця,
Его воля поклыкаты,
Моя воля не послухаты.
. . . . . .
. . . . . .

(Въ этой пѣснѣ такое-же обращеніе: къ матери, братьямъ и сестрамъ и отвѣтъ такой же: „не доклычецця“, а она „не послухае“, потомъ обращеніе къ свекру, свекрухѣ и жениху, которые „доклычуцця и вона послухае“ [2]).—

Отецъ и мать берутъ икону, назначенную молодымъ, благословляютъ ихъ, тѣ кланяются, прощаются и цѣлуются со всѣми родственниками, а свашки поютъ:

Хылылыся квиты,
Кланялыся дыты!

Дружко ведетъ невѣсту къ повозкѣ, а буяринъ высаживаетъ; жениху-же дружко даетъ кнутъ и обводитъ три раза вокругъ по-

[1]) Степъ № 138 тоже, кромѣ конца . . . . .

[2]) Ср. Степъ № 142; тамъ поютъ только конецъ, что женихъ ее зоветъ и она слушаетъ.

возки, тогда садятся и уѣзжаютъ къ роднымъ жениха (и поютъ извѣстную на всѣхъ малороссійскихъ свадьбахъ пѣсню: „Рыстю, коныкы, рыстю,...).

Подъѣзжая къ хатѣ жениха, поютъ:

57.

Выйды, матинко, огляды,
Шо-жъ тоби буяре прывезлы,
Чы вивцю, чы ярку,
Чы невистку кохавку;
Чы вивцю, чы ягныцю,
Чы хорошу молодыцю [1]).

Когда пріѣзжаютъ во дворъ мать встрѣчаетъ молодыхъ, беретъ у нихъ икону и хлѣбъ, здоровается и цѣлуется, а свашки поютъ:

58.

Прилитила перепелочка,
Не вчора та теперычка;
Сила вона середъ двóру,
Стала по двóру литаты,
Стала у хату прохатысь:
Упустить у хату,
Тай не пурхайте, не полохайте,
Нехай вона привыкае,
Той до дому не скучае!

Войдутъ въ хату и сейчасъ же молодыхъ отправляютъ въ назначенную имъ комнату, гдѣ приготовлена брачная постель. Когда молодые уходятъ, имъ поютъ:

59.

Ой, пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломаю калынову квитку,
Та покладу пидъ билу намитку;
Колы бъ мени колыноньки не подавыты,
Колы-бъ мени родыноньки не прогнивыты,
Бо у мене увесь ридъ пышный,
А у мене батько велышный,
А свекруха не ридная маты.
Щобъ не выгнала зъ хаты [2]).

Убѣдившись въ цѣломудріи невѣсты, поютъ:

---

[1]) Степъ № 112, дословно.

[2]) Степъ № 113. Чубин. № 1292.

60.

Ой не бійся, матинко, не бійся,
Та въ червони чобитки озуйся,
Та тончы ворогы пидъ ногы,
Щобъ твои пидкивкы брязчалы,
Щобъ твои ворогы мовчалы.
А неньчыни пидкивкы: брязь, брязь, брязь,
А нашимъ ворогамъ: зась, зась, зась! [1]).

61.

Ой гаю мій, гаю,
Я въ тоби часто буваю,
Я тебе пидпушую,
Водыцею пидхлюпую,
По дорози рострушую,
Щобъ гай бувъ зелененькій,
Щобъ ридъ бувъ веселенькій,
И лавкы и прилавкы
Зъ червонои кытайкы!

62.

Молодець, Иванъ, молодець,
Пидрубавъ вышеньку пидъ корынець,
Посбиравъ ягидкы въ рукавець,
Посыпавъ ягидкы по столу,
Своему роду на славу!—

Тогда-же посылаютъ буярина съ извѣстіемъ къ отцу и матери невѣсты и съ шишкою, перевязанною красной лентой.

Въ домѣ жениха всѣ садятся ужинать, послѣ чего молодые идутъ спать, а родственники гуляютъ цѣлую ночь.

Въ понедѣльникъ утромъ собираются, идутъ на базаръ погулять, заходятъ къ священнику, который читаетъ молитву молодымъ „На разрѣшеніе вѣнцевъ“ и покрываетъ молодую платкомъ; отъ священника идутъ на базаръ, гуляютъ часа два, пока въ домѣ жениха приготовятся, но, сейчасъ-же, женихъ со сватами и музыкой идетъ къ отцу невѣсты просить къ себѣ въ гости, невѣста остается; когда идутъ съ ними обратно, то на половинѣ дороги

[1]) Степъ № 114. Чубин. № 1346.

стелютъ солому, на которой садится мать невѣсты, какой-нибудь сватъ подчуетъ её и отца, а женихъ подымаетъ ее и ведетъ подъ руки. Свашки поютъ:

63.

Ой, зять тещу веде
За билую ручку,
За билую ручку,
За честную дочку [1]).

Въ рукахъ шапочку несе,
И теща моя и голубка моя,
Иды-жъ до мене,
Та и есть у мене
Ажъ тры бочкы меду,
Все для твого роду [2]),

64.

Ой, зять тещу просе,

Когда мать приводятъ къ дому, то стелютъ холстъ, по которому она идетъ и ей поютъ:

65.

Ой брехалы превражіи люде,
Шо Наталка не добрая буде;
Ажъ вона добресенька,
Якъ рожа повнесенька,
А жъ вона прыдалася,
Якъ рожа розцвилася [3]).

Всѣ садятся за столъ, дружко раздѣляетъ коровай жениха, потомъ говоритъ:

Вотъ вамъ хомутъ и дуга,
А я вамъ больше не слуга.

Женихъ беретъ бутылку съ водкой, а невѣста тарелку съ рюмкой, и подносятъ всѣмъ присутствующимъ, которые дарятъ имъ, кто что можетъ, на новое хозяйство, чаще всего по мѣшку хлѣба, а самые близкіе родственники овцу или тёлку. Послѣ даренья идутъ къ отцу и матери невѣсты, гдѣ гуляютъ вечеръ и всю ночь; во вторникъ гуляютъ у дружка; въ среду—у ближайшихъ родственниковъ.

Въ среду же рядятся и ходятъ по дворамъ тѣхъ, кто былъ на свадьбѣ, красть куръ для четверга, куръ несутъ къ отцу же-

[1]) Степъ № 117.
[2]) Степъ № 118.
[3]) Степъ, № 119.

ниха. Поѣвши куръ, благодарятъ „весильнаго батька“, который приглашаетъ всѣхъ на пятницу зубы полоскать.

Въ пятницу собираются компаніями, берутъ курицу, украшенную лентами, и несутъ въ подарокъ какому нибудь шинкарю еврею, онъ принимаетъ, благодаритъ и даетъ взаимно въ подарокъ полкварты водки, компанія остается пить её и при этомъ выпиваютъ у того-же еврея не менѣе какъ на 10 руб. водки и пива; понятно, еврею выгодно принять въ подарокъ украшенную курицу; иногда такихъ курицъ отнесутъ разнымъ шинкарямъ 3—4, если свадьба богатая; вечеромъ приходятъ къ жениху.

Въ субботу нѣкоторые изъ родственниковъ приходятъ навѣстить отца и мать жениха: „чы жыви, чы здорови, та щобъ тыждень защитать“,—и приносятъ бутылку своей водки, тогда уже конецъ свадьбы.—

Самая бѣдная свадьба у малороссовъ обходится до 50 руб.—средняя не менѣе 100 руб.

II. Свадьба у великороссовъ.

Великороссы женятъ сыновей раньше, чѣмъ малороссы. Едва исполнится парню 18 лѣтъ, какъ отецъ высматриваетъ подходящую невѣсту и предлагаетъ сыну жениться; часто, впрочемъ, засватываютъ сыновей въ 17 и 16 лѣтъ, теперь этотъ обычай выводится, потому что невѣсты нарушаютъ обѣщаніе и, не дождавшись, выходятъ за другаго и тогда приходится судиться. Указавъ сыну намѣченную невѣсту, отецъ спрашиваетъ его согласія (это завелось недавно, а лѣтъ 5—10 назадъ не спрашивали, а женили по своему усмотрѣнію); если сынъ изъявитъ согласіе, то посылаютъ свата или сваху, обязательно изъ ближайшихъ родственниковъ; женихъ не идетъ. Сватъ, отправляясь, не беретъ ни хлѣба, ни водки; придя и поздоровавшись, говоритъ сначала о постороннемъ, а потомъ уже прямо: „Вотъ у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ, не будемъ-ли мы родней?“—Свата спрашиваютъ, отъ кого онъ и по первому разу отказываютъ, ссылаясь на жену и невѣсту, послѣдняя не присут-

ствуетъ, а мать спрашиваетъ ея согласія на дворъ, если невѣста, отецъ и мать согласны, то говорятъ свату, чтобы онъ пришелъ на слѣдующій день утромъ, а они посовѣтуются съ родней (самый главный совѣтъ съ крестной матерью невѣсты). Отецъ невѣсты собираетъ близкихъ редственниковъ и спрашиваетъ ихъ совѣта.

Утромъ, пока сватъ придетъ, родня невѣсты уже въ сборѣ; когда онъ приходитъ и видитъ родственниковъ, то знаетъ, что отказа не получитъ, въ противномъ случаѣ не было бы родни, но все же сватъ спрашиваетъ:—„Ну—что? какъ дѣла?“—Ему шутя отказываютъ, говорятъ, что у нихъ дѣвка для нихъ неподходящая, лѣнивая, или слѣпая и высказываютъ другіе недостатки, которыхъ нѣтъ. Сватъ кланяется и проситъ всѣхъ; послѣ усиленныхъ просьбъ, отецъ говоритъ: „Какъ рѣшитъ невѣста, такъ и будетъ“. Ее зовутъ—сватъ кланяется ей и проситъ согласія; если она изъявитъ его, отецъ и всѣ присутствующіе, до той поры сидѣвшіе, встаютъ, молятся Богу и говорятъ: „Ну, пусть Богъ помогаетъ, приходите съ водкой!“ Сватъ, не прощаясь, спѣшитъ къ отцу жениха и говоритъ: „Помоглось, слава Богу, пойдемъ съ водкой“. Берутъ ведро водки, хлѣбъ и идутъ съ ближайшими родственниками и женихомъ. Входятъ въ домъ, здороваются; отецъ жениха спрашиваетъ: „Что, какъ дѣла? хлѣбъ-соль принимаете?“ Ему отвѣчаютъ, что, слава Богу, принимаемъ. Отецъ ставитъ водку на столъ и кладетъ хлѣбъ.

Если женихъ и невѣста знакомы, то ихъ не приглашаютъ, а иногда зовутъ и спрашиваютъ согласія, когда они изъявятъ его, отецъ невѣсты снимаетъ икону, и кладетъ на столѣ; отецъ и мать невѣсты и жениха, а вмѣстѣ съ ними и молодые бьютъ поклоны, цѣлуютъ икону и другъ друга; женихъ съ невѣстою кланяются въ ноги родителямъ, цѣлуютъ ихъ въ руки и губы, потомъ идутъ въ другую половину дома, а всѣ присутствующіе садятся за столъ, пьютъ водку жениха до утра, если ведра водки не хватаетъ, то отецъ жениха идетъ за другимъ. Поклоны, цѣлованіе иконы и родителей между собою, служитъ какъ бы присягою на вѣрность согласія.

Въ другой половинѣ дома, кромѣ жениха и невѣсты, бываетъ 3—4 дѣвки, родственницы невѣсты, онѣ разговариваютъ, ѣдятъ сѣмечки или орѣхи и пьютъ водку, бутылку которой женихъ приноситъ въ карманѣ.

Обрядъ этотъ называется *„запой“*,—въ это время родители условливаются, когда сдѣлать *„пропой“*; обыкновенно его назначаютъ на воскресенье, недѣли чрезъ двѣ.

Дня за три—четыре до пропоя, отецъ жениха идетъ извѣстить отца невѣсты, чтобы онъ готовился въ воскресенье на *пропой* и приноситъ штофъ водки; въ субботу опять идетъ узнать, готовится ли сватъ и тоже приноситъ штофъ.

Собравши всю родню свою, отецъ жениха идетъ къ невѣстѣ, женихъ приглашаетъ нѣсколькихъ парней. Родня невѣсты собирается вся, такъ же, какъ и близкіе сосѣди.

Отецъ жениха приноситъ не менѣе 3 ведеръ водки, садятся за столъ и гуляютъ. Женихъ съ парнями и дѣвками, приглашенными невѣстой, въ другой хатѣ сидятъ за столомъ; товарищъ жениха подноситъ за каждымъ блюдомъ по рюмкѣ водки, невѣста не сидитъ, а подаетъ кушанья, не ѣстъ, а водку пьетъ, сколько можетъ, въ каждую очередь ей подносятъ первой.

Родители, во время пропоя, заключаютъ разныя условія: насколько времени присватываютъ,—самое меньшее, чтобы чрезъ два мѣсяца вѣнчать, а то вѣнчанье откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на годъ, (а въ рѣдкихъ теперь случаяхъ на два года),—сколько отецъ жениха долженъ дать *„поклажнаго“* невѣстѣ (самое меньшее 10—15 руб. у бѣдныхъ, у среднихъ и богатыхъ до 50 и болѣе руб.); затѣмъ при людяхъ отецъ жениха обѣщаетъ, что когда будетъ брать невѣсту, привезетъ ей новые сапоги и шубу (кожухъ). Бьютъ по рукамъ и гуляютъ цѣлую ночь. На утро идутъ похмелять свата, т. е. отца жениха, пьютъ и ѣдятъ у него, а потомъ расходятся по шинкамъ, каждый сватъ со своей родней. Въ рѣдкихъ случаяхъ отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ и угощаетъ своей водкой, это только богатые, которые совѣстятся ходить по шинкамъ.

Послѣ пропоя, каждый праздникъ (разумѣется въ большіе праздники), до дня свадьбы, отецъ жениха долженъ приглашать родителей и ближайшихъ родственниковъ невѣсты къ себѣ и угощать ихъ; кромѣ того каждый понедѣльникъ (у насъ по понедѣльникамъ большіе базары) отецъ жениха долженъ на базарѣ угостить свата и роспить съ нимъ и кто еще случится изъ его родственниковъ полквартy водки, если сватъ взаимно угоститъ, хотя чвёрткой, то онъ долженъ эту чвертку *покрыть* непремѣнно полквартой, а то и больше, такъ что понедѣльникъ обходится не менѣе рубля. Понятно, что для бѣдныхъ немыслимо уговариваться на годъ. Предъ днемъ вѣнчанья отецъ жениха идетъ извѣщать свата и несетъ штофъ водки.

Въ воскресенье молодые, даже бѣдные, ѣдутъ на тройкахъ въ церковь; во время вѣнчанья у жениха и невѣсты вѣнцы держатъ отецъ и мать крестные; теперь у многихъ изъ подражанія малороссамъ, вѣнцы держатъ парни и дѣвки, хотя крёстные оозательно стоятъ возлѣ нихъ. Послѣ вѣнчанія на тройкахъ, украшенныхъ лентами и платками, съ колокольчиками и бубенцами, объѣзжаютъ вокругъ церкви и ѣдутъ къ жениху на обѣдъ. Съ невѣстой ѣдетъ только: братъ, дѣвки и крёстные. Обѣдаютъ скромно—выпьютъ по двѣ—три рюмки водки и отвозятъ невѣсту къ отцу, гдѣ не бываетъ никакого угощенія.

За нѣсколько дней до свадьбы, отецъ жениха, взявъ штофъ водки и пригласивъ нѣсколькихъ мужчинъ, своихъ родственниковъ, идетъ къ свату, это называется: *„идти съ повѣстью“*, т. е. извѣщать, чтобы готовились къ свадьбѣ; утромъ же того дня, когда должна быть *вечерина*, онъ опять идетъ къ свату и тоже со штофомъ водки, узнать, готово ли все?

Отъ свата онъ обходитъ только нѣсколькихъ особенно уважаемыхъ родственниковъ, остальныхъ приглашаетъ на свадьбу женихъ; невѣста съ одной изъ своихъ подругъ тоже обходитъ и приглашаетъ своихъ родственниковъ; ей даютъ деньги, кто сколько желаетъ; внѣшнихъ признаковъ, что она невѣста, никакихъ нѣтъ; иногда распускаетъ косу, это, вѣроятно, заимствовано у малороссовъ.

Передъ вечеромъ дѣвки собираются и ведутъ невѣсту въ баню, но такъ какъ бань у нашихъ крестьянъ нѣтъ, то ведутъ въ другой домъ или къ сосѣду.

Когда ведутъ, дѣвки поютъ:

1.

Разтопися, банюшка,
Разтопися, камянка!
Разсыпься бѣлъ жемчугъ
По столу дубовому,
По серебряному блюдечку.
Расплачься, Аннушка,
Предъ роднымъ батюшкой:
Государь вы мой, батюшка,
Вы на что пиво варите?
Вы на что—зелёно—вино?
Дитя-ль моё, дитятко,
Чадо милое!
Ко мнѣ сваты будутъ,
А къ тебѣ женихи,
Сваты ходатаи,
Женихи богатые.
— Государыня моя, матушка,
Вы на что муку сѣете,
На что пироги печете?
Дитя-ль моё, дитятко,
Чадо милое!
Ко мнѣ сваты будутъ,
А къ тебѣ женихи,
Сваты ходатаи,
Женихи богатые!

Съ дѣвками и невѣстой идетъ крёстная мать, она беретъ бутылку водки и въ домѣ даетъ по рюмкѣ дѣвкамъ, невѣста ложится на разостланномъ кожухѣ и плачетъ. Дѣвки посидятъ нѣкоторое время и выходятъ. Когда идутъ, то поютъ:

2.

Изъ синя моря волны бьютъ,
Съ высокаго терема Аннушку ведутъ.
Подайте мнѣ коника батюшкинаго,
Батюшкинъ коникъ не устоялъ,
Аннушкину красоту не удержалъ.
Изъ синя моря волны бьютъ,
Съ высокаго терема Аннушку ведутъ.
Подайте мнѣ коника матушкинаго
. . . . . .
и т. д, то же, что и въ первомъ обращеніи.

Когда войдутъ въ домъ, невѣста плачетъ и поётъ:

3.

Спасибо вамъ, родный батюшка,
За паръ, за банюшку, за шелковый вѣничекъ:
Спасибо вамъ, родная матушка,
За паръ, за банюшку, за шелковый вѣничекъ!

Потомъ обращается къ дѣвкамъ и поетъ:

4

Погостюйтя, милыя дѣвушки,
У родного батюшки,
У родной матушки,
Послѣдній вечерокъ!

Дѣвки садятся за столъ,—на первомъ мѣстѣ, подъ иконами, сестра жениха,—ѣдятъ сѣмячки, орѣхи, конфекты и поютъ слѣдующія пѣсни:

5.

Скакнула кукушечка за селомъ,
Восплакнула Аннушка за столомъ,
Восплакнула Ивановна за новымъ:
Какой ты, батюшка, не желанный,
Отдаешь меня горькую отъ себя,
Остается зеленая мята у тебя.
Ужъ я эту зеленую мяту поливала.
Утренними и вечерними зарями,
Горькими—горючими слезами.
Ворвался Ивановъ конь въ огородъ,
Всю эту зеленую мяту притолокъ.
Увидала матушка, вскричала,
Увидала Аннушка смолчала!

6.

Ѣдутъ наши подольнички съ подолу,
Везутъ они за собой писарей

Поглядитя, родимый батюшка,
Что у писарей списано?
У писарей разлука написана,
Разлучаютъ Аннушку съ батюшкой,
Ивановну съ роднымъ.
Приручаютъ её Ивану [1]).

7.

Нечаяла родимая матушка
Молодехоньку сбыть;
Сжила, сбыла, родимая матушка
За единный скорый часъ,
Сжимши, сбымши, родимая матушка,
Начала плакать и рыдать:
Выйди-ка, родимое дитятко,
На свой крутой бережокъ
Воротися-ка, дитятко, назадъ,
Позабыла золотые ключи взять!
Не ключики, родимая матушка,
Свою дѣвичью красоту!

8.

Травка-муравка шелковая,
Безъ поры безъ времени
Стала травка вянуть.
Безъ причинушки другъ Ванюша
Въ иную влюбился!
Воля моя, воля дорогая!
Дѣвка по саду гуляла,
Красоту свою теряла,
Красоты у дѣвки не стало,
Въ острожокъ, шельма, попала.
Тошно—грустно красной дѣвкѣ
Въ острожку сидѣть,
Разтошнёхонько, другъ Ванюша,
Въ окошко смотрѣть.
Мимо этого окошка
Лежала стёжка—дорожка,
По этой дорожкѣ много ѣдутъ,
Много ѣдутъ все купцы,
Бояре, господа, мѣщане,
А моего дружка, Ванюши,
Здѣся нѣту, онъ за рѣчкой гуляя,
За быстрой, шельма, шатается,
Черной шляпой махая,
Черной шляпой пуховой,
Рукой правой—лентой голубой!

[1]) Такое-же обращеніе и къ матери.

9.

Вишенька красная
Въ зеленомъ саду росла,
Противъ солнышка цвѣла,
Противъ ясной зари.
Черезъ мой высокій теремъ,
Пролеталъ ясный соколъ,
Уронилъ свое перо,
Перо сизокрылое.
Матушка заговорила:
Аннушка, подыми,
Ивановна, подхвати!
Маменька, не могу,
Сударыня, не могу:
Я по сѣнюшкамъ хожу,
Жемчугъ на руки нижу,
Къ обѣденькѣ спѣшу,
Жениха выбирать.
Выбирала молодца,
Съ государскаго дворца
Ивана молодца.
Онъ чистый—рѣчистый,
Хорошо говоритъ, выговариваетъ,
Онъ по улицѣ идётъ—съ тросточкой,
На тросточкѣ ленточка голубая,
Этой ленточкой выхваляется,
Мнѣ Аннушка дала—пожаловала,
То-то лента, то-то алая моя!

10.

Соловей мой, вольная пташечка,
Горемычная кукушечка!
Не пой соловей жалобнёхонько!
Мнѣ и такъ дѣвкѣ жить тошнёхонько!
Пропилъ меня, родный батюшка,
За винную одну чарочку,
За горькаго за пьяницу,
У кабакъ онъ идетъ, шатается!
Пропила родная матушка,
За винную одну чарочку,
За горькаго за пьяницу,
У кабакъ онъ идетъ валяется,
Съ кабака прійдетъ издѣвается:
Что постелюшка не постлана,
Одѣяльцо не разостлано!

11.

Что это за вѣтеръ?
Когда дуетъ—когда нѣтъ.
Что это за пиво?
Когда пьется—когда нѣтъ.
Что это за солнце?
Днемъ свѣтитъ—ночью нѣтъ.
Что это за мѣсяцъ?
Ночь свѣтить—а ночь нѣтъ,
Что это за милый?
Когда любитъ—когда нѣтъ.
Здѣсь люди живутъ лихіе,
Не совѣтуютъ любить,
Велятъ бросить позабыть.
Я тогда тебя забуду,
Когда скроются глаза,
Накроютъ мои ясныя очи
Тонкимъ-бѣлымъ полотномъ,
Понесутъ мое бѣлое тѣло

На крутую на гору,
Опустятъ мое тѣло бѣлое
У могилу глубокую,
Засыпятъ тѣло бѣлое
Желтымъ бѣленькимъ пескомъ!

12.

Дорожка широкая,
Московская столбовая,
Тамъ никто не ходитъ,
Никто не ѣздитъ.
Тамъ шли-прошли
Два братца родные.
Зашли они къ своей сестрицѣ,
Подошли они къ воротцамъ.
Воротцы позаперты:
Замками турецкими,
Ключами нѣмецкими.
Постучать мы не можемъ,
Покричать мы не смѣемъ!
Сестрица по двору ходила,
Гуси-лебеди гоняла,
Невзначай сестра глянула;
Идё сестра, горько плача,
Въ рукавъ слезы роняя.
Здоровы-ли мои, братцы,
Здоровы-ли мои родные?
—Здоровы, наша сестрица,
Здоровы, наша родная!
Дома-ль твой лютый свекоръ,
И лютая свекровья?
—Мово свёкора дома нѣту,
А свекровьи и не бывало!
—Дома-ль твоя, милая, лада?
Поди лады доложись и спросись.
—Встань, лада, проснись,
Пришли къ намъ гости,
Твои шуряки, а мои братья.
—Отойди, жена немилая,
Вся твоя родня мнѣ постылая!
Идё сестра, слёзно плача,
У рукавъ слёзы роняя,
Идите, мои братцы,
Вдоль по дорожкѣ
И поклонитесь батюшкѣ
И матушкѣ у ножки,
Было-бъ имъ на богатство не кидаться,
Чрезъ злато слёзы льются,
Черезъ сребро катятся!

Если невѣста сирота, то поютъ:

13.

Рѣка-ль моя, рѣчушка быстрая,
Стоишь не шелохнёшься,
Противъ вѣтру, противъ буйнаго
Противъ терема высокаго,
Противъ садика зеленаго.
Что-жъ ты сидишь, Аннушка,
Не усмѣхнёшься?
—Чего-же мнѣ смѣяться?
У меня батюшки нѣту,
Благословить молодую некому:
Благословите, люди добрые,
Всѣ сосѣди приближенные
И вы, милыя подружечки!

Невѣста не сидитъ за столомъ, какъ у малороссовъ, а со стороны слушаетъ пѣсни.

Когда дадутъ знать, что женихъ съ родней и сватами подходитъ, то поютъ:

14.

За лѣсомъ, лѣсомъ,
Солнышко играя,
Иванъ коня сѣдлая.
Выходилъ батюшка изъ терема,
Куда мое дитятко собрался?
— Родимой мой батюшка, въ дорогу,
Пожалуйте, батюшка, подмогу:
Сорокъ человѣкъ верховыхъ,
Пятьдесятъ каретъ золотыхъ!
За сѣньми, сѣньми,
Тчетъ Аннушка ковры,
Перетыкаетъ перестенями,
Замачиваетъ слезами.
Выходила матушка изъ терема,
—Будя, дитятко, ковры ткать,
Пойди, моя милая,
За столъ сядь.
Будутъ тебя дарить:
Первымъ даромъ рукавкомъ,
Вторымъ даромъ платкомъ,
Третьимъ даромъ женихомъ.

Въ субботу вечеромъ вся родня жениха собирается къ нему. Когда всѣ въ сборѣ, садятся за столъ и женихъ съ ними; выпьютъ по рюмкѣ водки, дружко встаетъ, молится Богу, беретъ хлѣбъ и отправляются; съ родственниками идутъ: отецъ, мать и женихъ, родственники жениха, 9 человѣкъ, берутъ по штофу водки, по хлѣбу и пирогу, бабы берутъ три куска мяса, отецъ жениха штофъ краснаго вина, дружко беретъ еще бутылку водки, пирогъ и свѣчу, все это онъ беретъ для дѣвокъ; за компаніей ѣдетъ подвода съ боченкомъ водки въ 3—4 ведра.

Войдутъ во дворъ жениха, дружко подходитъ къ окну, стучитъ и три раза читаетъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“—

Ему отвѣчаютъ: „Аминь!“—

Онъ говоритъ:—Спаси Христосъ!—и продолжаетъ;

— Здравствуйте, мои милые, сотворите, ради Христа, милостыню на погорѣлое!

— Что-же вы собираете: ржицу или пшеницу?

— Что-жъ, милые, у насъ не родитъ ржица, а всё пшеница.

— Съ чего-жъ у васъ пожаръ случился?—

— Зимній Николай ударилъ съ горы, по самые дворы какъ ножомъ обрѣзало; хлѣбъ сгорѣлъ, а мѣшки цѣлы остались, затѣмъ и побирались. Повозочки не одной не осталось, по самыя оглобли какъ ножемъ обрѣзало. Да еще другая бѣда случилась: жена въ Петровку на льну убилась; осталось дѣтей шестеро, кромѣ Нестера, какъ мать народила голыхъ, нѣтъ-ли у васъ, милые, холстинки?

Дружки выбираютъ разбитного балагура. Затѣмъ онъ спрашиваетъ; „Есть-ли этому дому хозяинъ?“

Ему отвѣчаютъ, что есть; онъ просится, чтобы пустили переночевать; ему говорятъ, что тѣсно, семейство большое и проч., онъ говоритъ, что помѣстимся: кто на лавку, кто подъ лавку, а кто и такъ постоитъ, лишь-бы обогрѣться, что они люди прохожіе; ихъ не пускаютъ, они просятъ вызвать хозяина.

Отецъ невѣсты выходитъ, его всѣ просятъ.—

„Ну, Богъ съ вами, говоритъ онъ, милости просимъ!“

Входятъ въ домъ, а дѣвки подымаются и поютъ:

15.

Иди сватъ у хату,
Неси сватъ горѣлки, (водки)
Перехрипли дѣвки;
Неси сватъ пойло,
Перехрипло горло! —

Дружко говоритъ: „Здравствуйтя, красныя, дѣвки!“

— Здравствуйтя!

— Какъ-бы вы вышли на просторъ, а мы сѣли-бы за столъ, мы люди прохожіе!

— Мы не сами сѣли, а насъ посадила Аннушка Ивановна!

— Какъ-бы вы распространились!

— Положите рубликъ на столъ, а мы выйдемъ на просторъ, а вы сядитя за столъ!—

— А не хотите-ли 700 блохъ въ желѣзныхъ путахъ и 3 пуда комароваго сала!

— Пусть у васъ будетъ.

Дружко даетъ 3 коп.

— На одномъ колесѣ не доѣдитя!

Дружко даетъ еще.

— Намъ бѣда и такъ надоѣла.

Даетъ еще.

— На трехъ колесахъ не довезётя!

Даетъ еще.

— Нужно еще: заливочки, закусочки и освѣщеніе.

Дружко даетъ бутылку водки, пирогъ и свѣчу.

Дѣвки берутъ и уходятъ. Дружко обращается къ свату, чтобы благословилъ за столъ сѣсть. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ благословитъ“!—Пришедшіе родственники жениха кладутъ на три стола по три хлѣба и три пирога, а на главный столъ всѣ 9 штофовъ водки и 10 краснаго вина. Дружко проситъ назначитъ контору и конторщика для боченка съ водкой и спрашиваетъ: „Вся-ли милая родня невѣсты собрана?“ Если скажутъ, что вся, тогда онъ читаетъ молитву и садятся: отецъ и мать жениха и невѣсты на первыхъ мѣстахъ, рядомъ съ ними отецъ и мать крестные жениха и невѣсты, за тѣмъ по порядку кто ближе изъ родственниковъ невѣсты, на второстепенныхъ столахъ родственники жениха; если не помѣщаются, то и стоятъ, не считая себя этимъ обиженными.

Прежде чѣмъ начать ужинать, дружко торгуется съ отцомъ невѣсты: по сколько рюмокъ водки поднесть подрядъ до ужина, всегда не менѣе двухъ, а иногда и по четыре.

Зовутъ стряпухъ, подчуютъ и ихъ въ ряду; когда окончатъ предварительную выпивку, подаютъ холодное. Предъ каждымъ блюдомъ дружко на главныхъ столахъ подноситъ по рюмкѣ и проситъ назначитъ подносчиковъ на другіе столы. Ѣдятъ: холодное, борщъ, лапшу, жаркое, и когда подадутъ молочную кашу, дружко говоритъ: „Ѣдимъ да пьемъ, а не знаемъ за кого!“—Крестная мать невѣсты встаетъ и идетъ за невѣстой, которая или въ другомъ

домѣ, или въ другой половинѣ съ женихомъ, дѣвками и парнями, крестная беретъ какую-нибудь чужую дѣвку, накрываетъ платкомъ и приводитъ ее, та кланяется.

Крестная мать говоритъ: „Узнаете—вашъ-ли товаръ?“— Дружко: „Нашъ товаръ водку пьетъ!“ Наливаетъ рюмку и подаетъ, дѣвка кланяется и пьетъ. Дружко: „Нѣтъ это не наша, слишкомъ низкопоклонная!“ Ее уводятъ и приводятъ другую, тоже чужую, и опять тоже. За третьимъ разомъ приводятъ невѣсту открытой, когда ее увидятъ, то говорятъ: „Вотъ это нашъ товаръ!“ Она кланяется всѣмъ и здоровается, цѣлуясь съ отцомъ и матерью жениха. Дружко подноситъ ей рюмку водки, она беретъ, но не пьетъ. Отецъ жениха говоритъ: „Если не пьетъ, то пусть намъ поднесетъ“. Она беретъ штофъ и двѣ рюмки на тарелкѣ и подноситъ всѣмъ присутствующимъ, ей бросаютъ деньги, съ водкой она идетъ на свою половину, подчуетъ парней и дѣвокъ, которые тоже бросаютъ деньги, а женихъ кладетъ обязательно рубль; послѣ этого подаютъ на всѣхъ столахъ непремѣнно гречневую кашу,—послѣднее блюдо у великороссовъ при всякихъ случаяхъ. Невѣста вторично приходитъ и подчуетъ только родителей и крестныхъ.

Послѣ каши подымаются,—молятся, но дружко проситъ всѣхъ присѣсть, говоря: „Послѣ каши—нѣтъ паши!“ и даетъ еще по рюмкѣ водки. Выходятъ изъ за стола; отецъ жениха проситъ проводить ихъ; провожаютъ и во дворѣ еще подчуютъ, тутъ отецъ невѣсты подчуетъ своей водкой, это только одинъ разъ за цѣлый вечеръ отецъ невѣсты угощаетъ своей водкой. Прощаются и уходятъ, бабы поютъ и танцуютъ дорогой. Музыка на вечеринахъ не бываетъ, да и вообще, прежде на великорусской свадьбѣ никогда музыки не бывало, кромѣ гармоники, а теперь, какъ и у малороссовъ, бываетъ, но на другой день. Когда уходятъ съ вечеринъ, мать невѣсты даетъ дружку рушникъ, который онъ долженъ передать жениху, на утро онъ долженъ явиться за невѣстой съ этимъ рушникомъ [1]).

[1]) Какое значеніе этого рушника я не знаю, и никто не могъ мнѣ объяснить. Это древній обычай, вѣроятно, имѣвшій значеніе, теперь утраченное.

Въ домѣ жениха всѣ родные, бывшіе на вечеринахъ, садятся съ женихомъ и ужинаютъ, такъ какъ многимъ изъ нихъ не удается достаточно выпить и поѣсть. За ужиномъ уговариваются, кто на утро долженъ запречь тройку, а кто пару, чтобы ѣхать за невѣстой. Утромъ нѣсколько подводъ, больше троекъ съ бубенцами и колокольчиками, украшенныя платками и красными лентами, ѣдутъ къ невѣстѣ; на подводахъ очень мало родственниковъ жениха, такъ какъ нужно будетъ съ невѣстой брать всѣхъ главныхъ родственниковъ ея. Предъ тѣмъ, какъ ѣхать, садятъ жениха за столъ и отецъ благословляетъ его иконою.

При въѣздѣ во дворъ невѣсты, парни ихъ останавливаютъ, хотя они и говорятъ, что этотъ дворъ имъ знакомый, что они были съ вечера, что тутъ много овса и сѣна лошадямъ, но ихъ не пускаютъ пока не дадутъ штофъ водки. Во дворѣ дружка и жениха мальчишки не пускаютъ, пока не дадутъ гостинцевъ. Входятъ въ домъ, дѣвки поютъ № 15 и опять то же, что и на вечеринѣ.

Братъ продаетъ косу; невѣста плачетъ и поетъ:

16.

Благословите, родный батюшка,
Мнѣ на мѣсто сѣсть;
Благословите, родная матушка,
Мнѣ на мѣсто сѣсть!

Такое-же обращеніе къ крестной матери, братьямъ и сестрамъ; когда поетъ, то кланяется тому, къ кому обращается. Дружко беретъ потникъ и овесъ, разстилаетъ, а крестная мать ведетъ невѣсту и садитъ на немъ, она плачетъ и поетъ:

17.

Благословите, родный батюшка,
Мнѣ косу расплести;
Благословите, родная матушка
Мнѣ косу расплести!

Такое-же обращеніе: къ братьямъ, сестрамъ и крестной.

Дѣвки поютъ:

18.

Не въ трубушку трубитъ
Рано по зорѣ;
Аннушка плачетъ
По русой косѣ.
Вечóръ твою кóсушку
Дѣвушки плели;
По утру ранехонько
Пріѣхала свашенька, немилостивая,
Взяла косу русую расплела,
На двое кóсушку раздѣлила.

Жениха сажаютъ съ невѣстой за столомъ и кладутъ коровай жениха сверху невѣстинаго; всѣ тоже садятся, дружко подноситъ по рюмкѣ водки, всѣ встаютъ, а дѣвки поютъ:

19.

Друженька, ты боярскій сынъ
Любишь-ли ты адонью[1]) ржи?
—Какъ не любить,
Когда Богъ зародилъ!
—Друженька, ты боярскій сынъ,
Любишь-ли ты коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ?
—Какъ не любить,
Когда ѣзжу на немъ!
—Друженька, ты боярскій сынъ,
Любишь-ли ты Аннушку,
Свою дочь Ивановну?
—Какъ не любитъ,
Когда Богъ сручилъ?

Благословляютъ молодыхъ иконою и выводятъ на дворъ; дѣвки поютъ № 7-й.

Женихъ съ иконою, короваями, окруженный мужчинами—родственниками невѣсты, садится на первую тройку, а невѣста съ женщинами—родственницами жениха и своими на вторую; когда усаживаютъ невѣсту, то осыпаютъ овсомъ, конфектами и орѣхами, за воротами останавливаются, дружко возвращается въ домъ и оставляетъ на столѣ два штофа водки отцу и матери, чтобы не скучали по дѣвкѣ и одного человѣка изъ своихъ, который обязанъ потомъ просить ихъ въ гости къ жениху. Ѣдутъ во весь карьеръ къ центру мѣстечка съ пѣснями, по базару и вокругъ церкви ѣдутъ тихо, потомъ ѣдутъ къ жениху. Когда ѣдутъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

[1]) Адонья—стожокъ.

20.

Веселые дни начинаются.
Наступили на насъ слезливыя времена
Слышу-вижу, милый, досаду,
Со всего свѣта напасти вышли на меня.
Никому я досады дома не скажу:
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ, ни своей роднѣ,
Скажу подружкѣ своей потайной:
Ты, сестрица, ты подружка, голубка моя,
Ты не знаешь мово горя;
Разсердился сердечный другъ на меня,
Ходитъ по широкому двору,
Зашелъ въ новую конюшню,
Беретъ черкесское новое сѣдло,
Сѣдлаетъ своево ворона коня,
Зъѣзжаетъ со широка двора,
Поровнялся противъ новаво окна.
—Куда, милый, задумалъ, куда загадалъ?
—Я задумалъ, загадалъ въ новый городъ:
Чи продать, чи промѣнять вороново коня!

21.

За рѣчкой за рѣчкой,
Свёкоръ сноху домой клича:
Невѣстушка молодая,
Иди домой поскорѣй;
У насъ дома не здорово;
Изба не топлена,
Дѣжа не мѣшана,
Телята не кормлены!
Загорись изба не топлена,
Взойди дѣжа не мѣшена,
Облупить телятъ не кормленныхъ!

22.

— Мы копанъ копали, а мы просо сѣяли.
— А мы просо вытопчемъ!
— А чѣмъ-же вы вытопчите?
— Мы коней запустимъ!
— А мы кони загонимъ!

— А мы кони выкупимъ.
— А чѣмъ-же вамъ выкупить?
— Мы дадимъ сто рублей!
— Не надо намъ тысячи!
— Вы, бояре, за кого вамъ молодую взять?
— Вы, царевны, за кумашничка молодаго!
— Вы, бояре, за кого вамъ молодую взять?
— Вы, царевны, за бумажничка молодаго!

Такое-же обращеніе дальше, а въ отвѣтахъ: за собашничка, за кошатника, за рѣшетника.

Первая повозка съ женихомъ ѣдетъ прямо во дворъ, съ невѣстой-же проскакиваютъ мимо, родственники жениха выбѣгаютъ, кричатъ, останавливаютъ и нападаютъ на ямщика; онъ объясняется, что у него вожжа оборвалась, крестная мать жениха даетъ ему въ подарокъ новый поясъ, чтобы связать. Поворачиваютъ во дворъ и поютъ:

23.

Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Старая баба хороводница?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Молодая молодка?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Красная дѣвка?
— Есть у насъ, есть у насъ
Красная дѣвка.
Отворяй ворота широкія!—
— Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Вчерашній борщъ?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Вчерашняя лапша?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Червивая ветчина?
Сучка на лычкѣ,
Кобель на матузкѣ?..

Невѣста, вставши, подходитъ къ жениху, ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать съ иконой и хлѣбомъ, они кланяются родителямъ въ ноги и цѣлуются съ ними. Дружко говоритъ:

24.

Мы шли чрезъ два мосты,
Нашли два хвосты;
Причипили батькѣ и матери,
Начали дюжѣя везти.

Надоѣли два роги [1]),
Стали ни волы, ни коровы,
Привели сюда до порога.
Здравствуйте, свашенька, Ларіоновна,
И Митричъ, сваточекъ!
Вотъ мы привезли вамъ
Красный платочекъ!

Вы заставили насъ
Дѣлать вашу работу,
Вы послали насъ на охоту,
Мы ходили по горамъ, по ярамъ,
Искали лисицъ, а съ лисицъ,
Привезли вамъ красныхъ молодицъ!
Любите, жалуйте,
Какъ знаете, такъ принимайте!

Дружка благодарятъ; а бабы поютъ:

25.

Наваримъ мы пива,
Пива молодаго—вина зеленаго,
А что у насъ будя, въ энтомъ пивѣ?
Мы энтово пива напьемся,

Въ кучу всѣ сойдёмся,
Да всѣ подерёмся, у рознь разойдемся;
Мы сядемъ посидимъ,
Мы станемъ постоимъ!

Молодыхъ ведутъ въ домъ, садятся всѣ за столъ, молодые на первомъ мѣстѣ; подаютъ обѣдъ, въ концѣ котораго дружко говоритъ: „Люди добрые, давайте помолимся Богу, позвольте молодыхъ проводить въ дорогу!“—Дружко ведетъ ихъ въ другую половину, гдѣ приготовлена постель, на которой лежатъ укрытые какіе нибудь молодожены, дружко бьетъ ихъ слегка палкой, они лежатъ не подымаются, тогда онъ бьетъ сильнѣй и они вскакиваютъ, иногда имъ изрядно достается.

Молодыхъ оставляютъ и даютъ закусить что нибудь лакомое.

Великороссы не интересуются цѣломудріемъ невѣсты и никакихъ обрядовъ относительно установленія факта дѣвственности нѣтъ.

Когда приходятъ отецъ и матъ невѣсты, которыхъ съ обѣдомъ не ждутъ, приносятъ подарки, купленные невѣстой на деньги жениха изъ „поклажнаго“, иногда привозятъ сундукъ съ приданымъ, но только богатые даютъ приданое. Дружко кланяется сва-

[1]) Невѣста повязана бабой; повязка бабъ у дмитровскихъ великороссовъ похожа на рога.

тамъ и говоритъ; „Позвольте, сватушка Митричъ, на міръ хлѣбъ раздѣлить, какъ Богъ благословитъ, покорно васъ прошу,—кому раздѣлить?“

Если дружко балагуръ, то до дѣлежа коровая разсказываетъ разныя комичныя прибаутки, въ родѣ слѣдующихъ:

26.

Я впередъ батька родился,
На трехъ жёнкахъ женился:
Была у меня первая Софья
И три года сохла;
На бокъ перевалилась и переломилась,
Я лыкомъ сшилъ,
И еще три года жилъ,
Не жилъ, а мучился,
Пока похоронилъ.—
Женился на другой:
Я живу въ банѣ, а она въ амбарѣ,
Когда журавли летятъ,
Тогда про насъ люди говорятъ;
И эту Богъ прибралъ.
Женился тогда я на третьей,
Богъ далъ намъ хорошій урожай,
Пошла она до вѣтру,
А соломенка въ ногу впёрла,
Она съ этого и умёрла!
Теперь женился на четвертой.
Садился я на красной лодочкѣ,
И пилъ по четвертой рюмочкѣ водочки!

27.

Не журитесь ребята,
Что насъ четыре брата,
Мать-то тяжела,
А отецъ на дняхъ ходитъ.
Рожь поспѣла,
А овёсъ не жатый;
Людей-то нада,
Развѣ пойдемъ наймемъ,
Да людей соберемъ!

28.

Когда мы съ дѣдомъ хозяйновали,
Были у насъ два коты—какъ орлы;
За то дѣдъ меня принималъ,
Что я его на путъ наставлялъ.
Справили мы себѣ плугъ,
Хозяйновали съ дѣдомъ у двухъ:
Взяли котовъ позапрягали,
Припечекъ и коминъ взорали.
Насѣяли гречки,
Далъ Богъ уродила.
Мы съ дѣдомъ убрали,
На коминъ скирды поскладали;
А коты, какъ орлы,
Подняли хвосты,
Посбивали наши скирды,
Онѣ въ помойницу упали,
А мы съ дѣдомъ три дня
Снопы тягали,

И на припечку клали-сушили
И кожухомъ укрыли.
Завелись воши—съѣли кожухъ.
Дѣдъ мой тогда зажурился.
Я его опять наставлялъ:
Дѣдушка не журитесь!
Будемъ хозяйновать,
Котами огородъ орать.
Огородъ взорали,
Кабаковъ насажали.
Уродили кабаки—какъ ульи,
Однимъ будутъ довольны
Двѣ семьи.
Пошелъ дѣдъ кабаки рубать,
До тѣхъ поръ рубалъ,
Пока самъ въ кабакъ упалъ.
Пошелъ я дѣда шукать,
А мой дѣдъ въ кабаку не живой сталъ.
Годи я тогда съ дѣдомъ хозяйновать,
Нада дѣда прибирать!—

Когда начинаютъ дѣлить коровай и подарки дарить, приглашаютъ молодыхъ. Прежде дарятъ отца жениха красной рубахой и онъ обязанъ дать молодымъ не менѣе 3 руб.; мать дарятъ хорошимъ платкомъ. Родню невѣсты одѣляютъ подарками, купленными на деньги жениха, а для своей родни женихъ покупаетъ отдѣльно.

За подарки молодымъ дарятъ, также какъ и у малороссовъ, кто что можетъ; во время раздачи подарковъ, дружко приговариваетъ:

29.

Проситъ васъ князь со княгиней
Принять коровай,
Коровай принимай,
Золотую гривенку давай.
Нынче осень,
Положите рубликовъ восемъ.
Сватушка много!
Мы уважимъ вамъ,
Просимъ васъ у честь,
Положите рубликовъ шесть;
Просимъ васъ опять,
Положите рубликовъ пять.
Пóмочи по силѣ,
Положите рублика четыре;
Нашимъ молодымъ на ново мѣсто,
Много надобно:
На бѣлила, на румяна, на веретенца
Прясть тонкія полотенца.
Мы не за то васъ даримъ,
Что подарка хотимъ,
А за то,—что спознаться съ вами хотимъ.
Просимъ васъ такъ,
Положите хоть пятакъ;
А какъ ты парень хорошъ,
То положъ хоть грошъ!—

Послѣ раздачи подарковъ бабы поютъ, величая дружка;

30.

У кого у насъ борода широка?
У Семёна Васильевича—борода широка!
Только ему при городѣ жить,
Суды-судить—коней дѣлить:
Тому сему по конику,
А Ивану (жениху) что ни лучшаго!
У кого у насъ, борода широка?
У Семёна Васильевича—борода широка!
Только ему при городѣ жить,
Суды судить—дѣвицъ дѣлить:
Тому сему по дѣвушкѣ,
А Ивану что ни лучшую,
Аннушку Ивановну!
А также и свашку:

31.

Свашенька писаная, свашенька ряженая!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ.
Чье это стадо коровъ?
Все это свашеньки моей,
Свашеньки писаной, свашеньки ряженой!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ!
Чье это стадо свиней?
Все это свашеньки моей,
Свашеньки писаной, свашеньки ряженой!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ!—

Дальше говорится: стадо овецъ, стадо гусей, стадо куръ и проч. съ тѣмъ-же припѣвомъ.

Женихъ и невѣста уходятъ на свою половину, а дѣвки, все еще присутствовавшія, расходятся и поютъ:

32.

Во заяньки, во сѣринькаго,
Коротенькія ножки;
У Аннушки, во горенькѣ,
Дорогіе гости.
Пьютъ и льютъ, цымбалы бьютъ,
Периторы играютъ,
Аннушку Ивановну
Въ гости дожидаютъ.
Аннушка Ивановна,
Тебя батюшка клича!
—Сестрицы мои, подруженьки,
Право не слыхала,
Скоро-бы побѣжала!—

Дружко оставляетъ всѣ свои обязанности и начинается такъ наз. *„свальный ужинъ“*; садятся всѣ за столъ безъ всякаго порядка, родня жениха мѣшается съ родней невѣсты, ѣдятъ и пьютъ.

Послѣ ужина родня жениха провожаетъ родню невѣсты домой и тамъ гуляютъ. На утро отецъ жениха посылаетъ человѣкъ 5 просить отца и родню невѣсты *„на отводы“*. Гуляютъ, пьютъ и танцуютъ; бабы поютъ плясовыя пѣсни:

33.

Сынъ на матушкѣ снопочки возилъ,
Свою женушку на пристяжкѣ водилъ:
Ты вези-вези, старая мать,
Мнѣ съ матушкой часъ-часовать,
Съ молодой женою вѣкъ-вѣковать!
Чужія жоны къ обѣдни идутъ,
Моя, шельма, убирается!
Чужія жоны—та свѣчки несутъ,
Моя, шельма, палочку!
Чужія жоны Богу молятся,
Моя, шельма, съ попомъ борется!

34.

Гдѣ-бы правда, гдѣ видѣнна была,
Что бы курица бычка привела?
А бычекъ поросёнка принёсъ,
Поросенокъ бы яичко снесъ?
А безрукій яичко укралъ,
А ды голому за пазуху сховалъ,
А слѣпой ды подсматривалъ,
А глухой ды подслухивалъ,
А нѣмой караулъ закричалъ,
А безногій у погонь побѣжалъ,
Шелудиваго за кудри поймалъ?!..

35.

Не ходи ты, бѣлъ-кудрявъ,
Мимо мово саду,
Не топчи ты, бѣлъ-кудрявъ,
Мою духовую мяту.
Не для тебя я садила,
Не для тебя я поливала!
Для того я садила,
Кого любила!
Для того я поливала,
Кого цѣловала!
Цѣловала, миловала
Холостаго парня;
Холостой парень—бурлака,
Шельма розбіяка,
Онъ глазами моргая,
На дворъ дѣвку вызывая:
Выйди-выйди, дѣвчоночка, на крылечко,
Скажи тайное словечко:
Одно тайное, другое явное,
А третье ретивое!

Поютъ еще:

36.

Хозяинъ мой, хозяинъ,
Свому дому господинъ!
Твое пиво пьяное,
Дорогая твоя бесѣдушка присмиренная.

Они пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ
Все рѣчи хорошія:
Отъ чего, братцы,
Камяна Москва загоралася?
Загоралась камяна—Москва
Отъ большихъ господъ:
Отъ того господина,
Отъ графа Шереметьева,
Отъ его молодой шельмы—клюшницы,
Выходила она, шельма—клюшница,
Въ полночь въ темные выходы,
Зажигала она свѣчку воску-яраго,
Заронила искру въ пороховую казну!—

37.

Горы мои Сіонскія,
Ничего вы горы не породили,
Породили одинъ кустъ ракитовый,
На томъ на кустѣ сидитъ
Младъ сизый орелъ,
Держитъ въ когтяхъ чернаго ворона.
Онъ не бьё, не дирё,
Все разспрашиваё:
—Гдѣ ты, воронъ, былъ,
Гдѣ ты, черный, погуливалъ?
—Ужь я былъ побывалъ,
На дикой степи;
Ужь я видѣлъ диво-дивное,
И тѣло бѣлое молодецкое;
Никто къ тѣлу не признается.
Признавалися три ластушки,
Три касатушки:
Первая ластушка, родная матушка,

А другая—родная сестрица
А третья—молода жена.
Гдѣ мать плача—рѣка бѣжитъ,
Гдѣ сестра—тамъ колодязь стоитъ,
Гдѣ жена—тамъ роса упала;
Мать плачетъ—вѣкъ и до вѣку,
А сестра—день до вечера,
А жена—слухать нечего!—

38.

Аннушка прекрасна,
Лицемъ бѣла, хороша;
Только жизнь моя несчастна,
Что влюбился я въ тебя.
Что влюбился, обласкался,
Знать тобою не владать,
Когда-бы мнѣ сизы крылушки,
Снялся, полетѣлъ-бы къ душенькѣ своей
Въ зеленый садъ гулять.
Въ зеленомъ садочку
Мелкія пташечки поютъ,
Не пойте мелкія пташечки,
Мнѣ и такъ тошно!
Въ зеленомъ садочку дорожка лежитъ,
Тамъ колясочка бѣжитъ,
Во той во колясочкѣ
Мой милый сидитъ.
Кричала, махала:
—Постой обожди!
—Радъ-бы оглянуться
Закрыты глаза,
Закрыты, завѣшаны и задернуты!

До четверга гуляютъ у родственниковъ. Въ четвергъ, такъ же какъ и у малороссовъ, ѣдятъ куръ.

Въ пятницу зубы полощутъ и ходятъ по шинкамъ, но не носятъ, какъ малороссы, украшенныхъ куриц шинкарямъ.

Въ субботу гуляютъ—кто хочетъ. Въ воскресенье отецъ жениха изъ церкви приглашаетъ свата и сваху на обѣдъ и гуляютъ одни по родственному. Тѣмъ свадьба заканчивается.

На свадьбу у средняго хозяина великоросса выходитъ: не менѣе 10 мѣшковъ муки на хлѣбъ, бычекъ 2 лѣтъ, овца, свинья и деньгами на водку, вино и проч. до 150 рублей.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ".

1890 г.

Матеріалы по исторіи, литературѣ и этнографіи южной Россіи.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I.	Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. . .	1—59
II.	Лѣтописныя замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи (1740—1806).	60—69
III.	Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725).	70—110
IV.	Неизданныя сочиненія Іоанна Вишенскаго . . .	111—120
V.	Лѣтопись Подгорецкаго монастыря	121—128
VI.	Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи	129—192
VII.	Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда херсонской губ.	193—246

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1890 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. открыта:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 руб. 50 коп. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 8-го декабря 1890 г.